

**Системный
и функциональный
анализ языка**

Министерство высшего и среднего специального
образования Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. П. Стучки
Кафедра немецкой филологии

СИСТЕМНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ЯЗЫКА

Межвузовский сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
Рига 1967

4-88

4

СИСТЕМНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

Системный и функциональный анализ языка: Межвузовский сборник научных трудов/ Под ред. Б.Л.Лихтеровой. - Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1987. - 143 с.

Статьи настоящего сборника выполнены на материале германских, романских, датского, латышского, литовского и русского языков. С точки зрения функционального подхода к языковым явлениям исследуются две составных части языка - форма и значение. На материале грамматики художественных текстов показывается, каким образом происходит актуализация сем языкового значения в тексте, какова специфика стилистического потенциала языковой единицы.

Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов старших курсов факультета иностранных языков.

Список лит. 184 библиогр.назв.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Лихтерова Б.Л. (отв.ред.)
Сидырева Л.П. (зам.отв.ред.)
Вейсбергс А.Г.

Печатается по решению Издательского совета
ЛГУ им. П.Стучки

С 70104-132у
М812(11)-87 Доп.87.4602020000

Латвийский
государственный
университет
им. П.Стучки,
1987

LVI ZINĀTNISKĀ
BĪBLIOTĒKA
80-24-88

Введение

Основным итогом всех статей, представленных в данном сборнике, следует считать более адекватное представление о функционировании в речи языковых единиц разного уровня. Это представление стало возможным благодаря разработке в современной лингвистике целой серии новых научно-методологических приемов, позволяющих описать взаимодействие средств языкового выражения. Компонентный анализ значения языковой формы, систематизация речевых единиц в лингвистике текста, прагматический план рассмотрения коммуникативного задания — применение всех этих разрабатываемых в современной лингвистике подходов к описанию речи позволило авторам статей прийти к более четкому представлению о функционировании единиц языка в различных видах и жанрах речи. Статьи сборника показывают, каким образом происходит актуализация сем языкового значения в тексте, и как, в свою очередь, текст предопределяет специфику функционирования стилистического потенциала языковой единицы. В ряде статей сборника этот эффект взаимопроникновения и функциональной обусловленности описан на материале грамматики художественных текстов.

В сборнике отражены результаты исследований, проводимых специалистами вузов нашей страны (Латвийского государственного университета им. П. Стучки, МГПИИЯ им. М. Горького, МИМО, ВПИЯКа; Ленинградского университета), в рамках комплексных тем, координируемых планом научно-исследовательской работы по проблемам высшей школы на 1986 — 1990 годы.

Теоретические выводы и материалы данных исследований могут найти применение в нормативных курсах различных дисциплин лингвистического цикла, читаемых на факультетах иностранных языков университетов и высших педагогических заведений. И преподаватели, и студенты смогут ознакомиться с новыми взглядами на природу и функционирование языковой формы и значения и получить наглядное представление о некоторых конкретных случаях взаимодействия разноуровневых единиц плана, содержания и выражения.

О КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ НОРМАХ
ТЕКСТА И НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Исследования в области коммуникативной лингвистики дали новый импульс разработке понятия языковая норма, его осмыслению применительно к основной речевой коммуникации — речевому высказыванию /тексту/. Для коммуникативной лингвистики, в центре которой находится деятельность общения, осуществляемая человеком в определенных социальных и межличностных условиях, с определенными мотивами и целями, с использованием специальных языковых средств [Сусов 1984] проблема языковой нормы приобретает значение в плане оптимизации речевого поведения коммуникантов, наиболее эффективной организации речи для достижения определенных задач коммуникации.

В аспекте коммуникативной лингвистики речевые нормы /назовем их коммуникативно-прагматическими/ понимаются нами как правила отбора языковых средств и построения речевых высказываний /текстов/ в различных типовых ситуациях общения с разной коммуникативной интенцией в определенном обществе в данный исторический период его развития. Подобные нормы складываются в процессе социального взаимодействия людей, являются продуктом их коммуникативно-речевой деятельности в разных условиях и ситуациях общения. Являясь абстракциями, отражающими коммуникативно-речевые стереотипы, модели коммуникативно-речевых действий и средства их актуализации на содержательном, композиционном и языковом уровнях, коммуникативно-прагматические нормы закрепляются в речевом сознании коммуникантов и их знание является необходимым для осуществления речевой деятельности в соответствующих условиях.

В отличие от норм системы языка /фонетических, морфологических, синтаксических, лексических, семантических, орфографических/ речевые коммуникативно-прагматические

нормы отличаются гибкостью, подвижностью, динамизмом. Как правило, они определяют лишь предельные границы варьирования речевых реализаций в типовых ситуациях общения.

Имманентными свойствами коммуникативно-прагматических норм, как и норм системы являются избирательность, императивность, изменчивость. Избирательность коммуникативно-прагматической нормы проявляется в том, что для выражения определенного содержания с целью оказания того или иного прагматического воздействия в типовой ситуации общения норма избирает определенные информационные и композиционные модели построения текста. В языковом плане избирательность проявляется в том, что из множества языковых вариантов, с помощью которых может быть выражено то или иное содержание, коммуникативно-прагматическая норма отбирает и закрепляет регистр функциональных вариантов "допустимых", "естественных" в соответствующей типовой ситуации и отграничивает их от "недопустимых", "неестественных".

Императивность коммуникативно-прагматических норм проявляется в степени жесткости конструктивных /содержательных, композиционных/ элементов текста, в ограничениях, накладываемых на выбор языковых вариантов в типовой ситуации общения. К наиболее императивным нормам относятся коммуникативно-прагматические нормы, обслуживающие регламентированные ситуации общения и подлежащие вследствие этого более строгому социальному контролю. К менее обязательным относятся нормы, обслуживающие сферы неформального общения, хотя и здесь видимая "свобода" выражения носит относительный характер.

Изменчивость коммуникативно-прагматических норм обнаруживается в изменениях, которые претерпевают тексты одного типа в содержательном, композиционном и языковом планах в процессе исторического развития языка и общества. Подобные изменения происходят под воздействием лингвистических и экстралингвистических факторов и обусловлены изменением коммуникативных потребностей общества.

По степени абстрагированности, обобщенности отражаемых признаков коммуникативно-прагматические нормы условно могут быть подразделены на общие и частные коммуникативно-прагматические нормы текста. Общие коммуникативно-прагматические нормы отражают наиболее существенные признаки текстов, порождаемых в однотипных ситуациях коммуникации, и являются универсальными правилами построения текстов данного типа. К общим нормам относятся, например, коммуникативно-прагматическая норма типа текста "прогноз погоды", "боевой приказ", "приветственный адрес" и т.д. Частным проявлением общей коммуникативно-прагматической нормы являются частные коммуникативно-прагматические нормы, которые складываются в разных сферах общения и отражают реализацию общей нормы в конкретных условиях коммуникации. К ним относятся, например, нормы построения текстов "прогноза погоды" в разных газетах, нормы построения различных видов боевых приказов /приказы на марш, приказы по управлению тылом и т.д. [Стрелковский 1970], нормы построения приветственных адресов, обращенных к отдельным лицам и целым организациям и т.д.

Исследование общих и частных коммуникативно-прагматических норм текста предполагает знание типовой ситуации порождения речевого высказывания /предмета коммуникации, адресата и адресанта, интенции и т.д./, выявление модели коммуникативно-речевого действия, осуществляемого в ней, а также средств актуализации данного действия /определение конструктивных, содержательных и композиционных элементов, лексической и грамматической доминанты текста/.

Знание общих и частных коммуникативно-прагматических норм, являющееся неотъемлемой частью коммуникативной компетенции людей, обеспечивает адекватность их речевого поведения в типовых условиях коммуникации, способствует более эффективной организации речи для достижения определенного прагматического воздействия.

Изучение коммуникативно-прагматических норм имеет большое теоретическое и практическое значение. В плане

теории исследование коммуникативно-прагматических норм, позволяющее глубже понять процессы речевой коммуникации, "речевую жизнь" общества в ее многообразии и развитии, представляет интерес для дальнейшей разработки проблемы развития, представляет интерес для дальнейшей разработки проблемы языковой нормы, для коммуникативной лингвистики и типологии текстов, для исторической прагмалингвистики. В прикладном плане изучение коммуникативно-прагматических норм, способствующее повышению уровня речевой культуры, совершенствованию техники построения речи в разных условиях коммуникации представляет интерес для практики преподавания иностранных языков и перевода.

В аспекте преподавания иностранного языка изучение коммуникативно-прагматических норм обусловлено необходимостью формирования и развития коммуникативной компетенции у обучаемых. Обучение коммуникативно-прагматическим нормам, как и нормам системы языка является обязательным условием для порождения обучаемыми корректных, ситуативно "уместных" высказываний на иностранном языке в типовых условиях общения. Владение коммуникативно-прагматическими нормами иностранного языка предполагает их сопоставление с коммуникативно-прагматическими нормами родного языка обучаемых. Подобное сопоставление позволяет выявить общее в нормах, обусловленное общностью знакового поведения людей в типовой ситуации коммуникации [3], что находит отражение в универсальных правилах построения типологически эквивалентных текстов на родном и иностранном языках, а также их различие, связанное с социально-культурной спецификой речевого поведения представителей разных национальных коллективов, а также системными различиями языков.

Большую роль коммуникативно-прагматические нормы играют в переводческой деятельности, так как перевод всегда ориентирован на определенные условия речевого общения, определенные типы текста. В аспекте перевода знание и владение коммуникативно-прагматическими нормами родного и иностранно-

го языков является одним из обязательных компонентов переводческой компетенции. В процессе перевода коммуникативно-прагматические нормы выступают в роли своеобразных "фильтров", ограничивающих выбор средств перевода соответствующих типов текста. Обучение переводу предусматривает сопоставление коммуникативно-прагматических норм иностранного языка перевода, выявление функциональных вариантов выражения определенного содержания на родном и иностранном языках в типовых условиях общения. Игнорирование различий сопоставляемых коммуникативно-прагматических норм, их автоматический перенос в иную национально-речевую среду неизбежно влечет за собой несоответствие переводного текста конвенциональным представлениям носителей языка о правилах построения текста в типовой коммуникативной ситуации, что в итоге не позволяет достигнуть стилистической и прагматической адекватности при переводе.

Разработка проблемы коммуникативно-прагматических норм будет представлять интерес как для теории языка, так и для совершенствования методики преподавания иностранного языка и перевода, опосредствовать более эффективному решению задач по обучению иностранному языку как речевой деятельности.

Литература

1. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц. - Калинин, 1984.
2. Стрелковский Г.М. Перевод боевых документов бундесвера. - М., 1970.
3. Этнические стереотипы поведения. - Л., 1985.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИСПАНИЗМОВ В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

Лексические единицы испанского происхождения в словарном составе других европейских языков изучены недостаточно, особенно в далекородственных языках. В латышском языке данный вопрос также полностью не исследован. Еще в 1932 году Э.Блесе утверждал, что "...испанский язык не повлиял на латышский" [Blese 1932], однако предварительные изыскания в этой области показывают, что испанский язык послужил источником и посредником целого ряда интернациональных слов. В латышском языке наиболее полный список слов испанского происхождения опубликован в Словарях иностранных слов. Несмотря на некоторую относительность количественного состава данных единиц, сравнение зафиксированных слов в ряде изданий разных лет показывает, что количество исследуемых единиц не велико и составляет около 0,5% от всего словника /см.таблицу/.

Год издания	Общее количество слов	Количество испанизмов	
		в абсолютных числах	в % отношении
1914	> 6000	33	0,54
1934	≈ 7500	35	0,47
1979	≈ 19000	147	0,77

Этимологический анализ слов испанского происхождения, зарегистрированных в Словарях иностранных слов, показывает, что в количественном плане данные могут отличаться так как в отдельных случаях указаны различные языки-источники, например:

Заемствованное слово	Год издания словаря иностранных слов		
	1914	1934	1979
cigārs	-	испанский	франц. исп.
karamele	без этим.	испанский	французский
laso	испанский	исп., франц.	франц. исп.
senjors	испанский	португальск.	испанский
veranda	испанский	новоинд. англ.	англ. инд.

Кроме того, в первых словарях иностранных слов не всегда есть прямое указание на язык-источник, а дается лишь пояснение к иностранному слову. Так, в словаре 1914 года издания указывается, что *lama - nastas lops Amerikā; pikadors - jātnieks, kurš ar rīķi apbruņojies, piedalās vēršu cīņās* и т.п. Несмотря на то, что в обоих словарях иностранных слов /1914 и 1934 г. изд./ зафиксировано практически одинаковое количество испанизмов, анализ показал, что только 14 единиц регистрируются обоими словарями, что свидетельствует о периферийном характере этой части лексики, о потенциальном употреблении этих заимствований. Однако, это не значит, что незафиксированные слова вышли из употребления /ср. *kortesi, lama, malaga* и др. включены в словари 1914, 1968 и 1979 годов, а отсутствуют в издании 1934 года/.

При изучении слов испанского происхождения, необходимо в первую очередь выделить испанский язык как язык-источник интернационализмов, и испанский язык как язык-посредник, особенно для слов латиноамериканского происхождения / т.н. индианизмы/. Индианизмы проникли через испанский язык из арауакского (*batāte, tabaka, uragāns*); из языков Карибского бассейна (*kaimans, kanibāls, kolibri, savannas, tomāti*); из кеуча (*guano, kondors, nandu, рапра*) и т.д.

Отличительной чертой испанизмов латшского языка является их принадлежность только к одной части речи, т.е.

к существительным. Морфологический анализ данных единиц показывает, что в ходе развития латышского языка отдельные испанизмы стали несклоняемыми (*indigo, kolibri, torņado*).

По отношению к языку-источнику, под влиянием языков-посредников, изменился род у некоторых испанизмов.

испанский	французский	русский	немецкий	латышский
<i>cocaina</i> (f)	<i>cocaine</i> (f)	кокаин/м/	<i>Kokain</i> (M)	<i>kokains</i> (m)
<i>galeon</i> (m)	<i>galion</i> (m)	галлон/м/	<i>Galeone</i> (F)	<i>galjona</i> (f)
<i>platina</i> (f)	<i>platine</i> (f)	платина/ж/	<i>Platin</i> (N)	<i>platīns</i> (m)

С точки зрения тематической группировки слов испанского происхождения, единицы позволяют судить о характере заимствованной лексики и ее функционировании, об уровне знания реалий у носителей заимствующего языка, о сферах действия языка-источника на языки-реципиенты и т.д. Сравнительно четко видны различия между коренными испанизмами, проникшими в лексику через посредство испанского языка.

Среди коренных испанизмов можно выделить группу слов, обозначающих типичные испанские реалии, например:

- бой быков (*espada, korida, matadors, toreadors*);
- денежные единицы (*duro, peseta, reāls*);
- напитки (*beress, malaga*);
- слова из испанской литературы, искусства, культуры (*bolero, donkhotisms, donžuāns, gitāra, habanera, nota, flamenko, kastapetes, pasakalja, sarabanda*);
- военное и морское дело (*armāda, falanga, flotile, galjona, gerilja, karavella, kaudiljo, torpēda*);
- ткани, одежду (*bolero, gabardīns, mantiļa*);
- отдельные металлы (*andaluzīts, aragonīts, platīns*);
- единицы измерения (*barils, libra, legva, vara*);
- формулы обращения (*dons, duenja, kavaljero, senjora*);
- аффекты (*basta! Karamba!*).

В свою очередь, латиноамериканизмам более свойст-

венны слова, относящиеся к

- наименованиям животного мира (lama, kondors, kolibri, mangusta, mandrils, moskiti, kaimans, nandu);
- наименованиям экзотической природы Южной Америки (kanjons, pamras, savannas, tornado);
- наименованиям пищевых продуктов (batates, šokolāde, tomāti);
- словам военного дела, связанным с колонизацией Южноамериканского континента (konkista, konkistadori);
- наименованиям одежды (bolivars, panama, pončo, sombrēro).

Как свидетельствуют вышеприведенные примеры, большинство заимствований испанского происхождения характеризуется своей экзотичностью. Чаще всего эти экзотизмы встречаются в книгах, где действие происходит в испаноязычных странах. Для описания конкретных реалий, авторы прибегают к использованию иноязычной лексики. В латышской художественной литературе иноязычные слова встречаются у таких авторов как К.Грива /его рассказы об Испании/, А.Лиелайс /о заимствовании испанцами Латинской Америки/, а также в переводной литературе. Такая узость употребления влияет на частоту употребления испанизмов. Частотный словарь латышского языка [Jakubaite 1973], содержащий 31039 слов, фиксирует частоту лишь 25 испанизмов /т.е. 17% от общего количества испанизмов, зарегистрированных в последнем издании словаря иностранных слов латышского языка/. При этом для всех испанизмов характерна низкая частотность, что свидетельствует об их периферийном характере в лексической системе заимствованной лексики /см.таблицу/.

Частота	Всего испанизмов с такой частотой	Примеры
15 - 10	5	gitāra, tabaka, šokolāde
9 - 5	3	indigo, spānis, baraka
4	2	peso, platīns

I	2	3
3	3	armāda, bolero
2	2	donkihots, kakao
I	10	ananāss, karavella, mulats

Определенное количество бывших экзотизмов входит в активную лексику, т.е. они постепенно становятся обычными заимствованными словами /напр.: tomāts, gitāra, kakao и др./, какими уже стали древнейшие заимствования из испанского языка, проникшие в латышский язык через посредство других языков /ср. јака < нем. Jаске < франц. jaque < исп. jасо; kоrķis < нем. Kоrk < исп. chorcho; tabaka < нем. Та-бак исп. tabассо и фиксации некоторых слов испанского происхождения в латышских дайнах:

Nedod, Dievs, tāda vīra,
 Kas pīrēja tabaciņu:
 Man micīte nokvēpuse
Tabaciņa dūmīpiem.

LD, IO385

В итоге можно утверждать, что хотя испанизмы не занимают в лексическом составе значительного места и относятся в своем большинстве к экзотической лексике с низкой частотой употребления в тексте, они обогащают новыми понятиями словарный состав латышского языка и способствуют, таким образом, дальнейшему процессу интернационализации лексики.

Литература

1. Blese E. Latviešu valodas propaedeutiskais kurss.-R., 1932.
2. Jabubaite T., Ozola V. u.c. Latviešu valodas biežuma vārdnīca. Apvienotais (I. - +.) sēj. - R., 1973. - 1004. lpp.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ
 В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
 /на материале нижненемецкого/

Вопросам исследования диалектов посвящено много работ. В основном это исследования фонологических, морфологических, синтаксических и лексико-семантических особенностей диалектов немецкого языка. Хотя диалект как средство коммуникации в наши дни отходит на второй план (исключением является Швейцария), диалектология свое значение терять не может, так как диалект старше чем литературный язык, следовательно в нем зафиксировано прошлое литературного языка. Таким образом, диалект является объектом исследования как современного немецкого языка, так и его истории.

Обратиться к рассмотрению функций диалекта и диалектизмов в коммуникативной системе современного немецкого языка нас побудила сама языковая практика: современный немецкий язык не существует только в его литературной форме [Скребнев 1985]. Традиционные формы существования немецкого языка - литературный язык (*Literatursprache, Standardsprache, Hochsprache, Schriftsprache*), разговорная речь (*Umgangssprache*) и диалект (*Mundart, Dialekt*) нельзя встретить в "чистом виде", в языковой практике они влияют друг на друга.

С другой стороны иногда приходится встречаться с односторонней оценкой диалекта как "плохого языка", на котором можно объясняться лишь в домашнем обиходе. Но вспомним литературные произведения таких немецких авторов прошлого столетия как Ф.Рейтер (*F.Reuter, 1810 - 1874*), Й.Бринкманн (*J.Brinckmann, 1814 - 1870*), К.Грот (*K.Groth, 1819 - 1899*), которые написаны на нижненемецком диалекте. На аленаннском диалекте писал И.П.Хебел (*J.P.Nebel, 1769 - 1826*), на баварском - Л.Тома (*L.Thoma, 1867 - 1921*). Диалектная литература создается и сегодня - на нижненемецком писал автор

ГДР Ф.Майер-Шарфенберг F.Mayer-Scharfenberg, 1912-1977, им пользовался в своих романах Э.Велк (E.Welk, 1884 - 1966). О писателях, пишущих сегодня на южнонемецких диалектах, свидетельствует сборник интервью "Почему на диалекте" [2]. Почти все авторы в своих ответах подчеркнули экспрессивность и образность диалекта, в одном ответе литературный язык был назван национальным эсперанто [2, 146].

Произведения диалектной литературы свидетельствуют о том, что они не уступают произведениям художественной литературы, написанным на литературном языке. Сказанное не значит, что диалект может быть использован во всех коммуникативных сферах, его применение, конечно, ограничено. Обращение к диалекту можно объяснить с одной стороны интересом к истории и фольклору народа, но с другой стороны диалект - это источник обогащения национального языка [Tuliks 1981, 5]. Экспрессивная функция всего диалекта или отдельных его лексических единиц открывают возможности их применению сегодня.

Включение в словарь современного немецкого языка [4] диалектизмов это подтверждает. Нами было обследовано около 200 нижненемецких диалектизмов вышеупомянутого словаря. Анализ показал, что почти 1/3 этих диалектизмов имеет помету "разг." Среди них имеются лексемы, семантическая структура которых полностью соответствует семантической структуре тех же лексем как лексических единиц нижненемецкого диалекта, например,

deftig (stark), nölen (trödeln), einstippen (eintauschen), grapsen/grapschen (schnell nach etwas greifen), klönen (plaudern).

Надо отметить, что в диалекте эти лексемы могут быть стилистически нейтральны, пометы "разг." или "экспресс." не обязательны.

Имеются также диалектизмы, которые в диалектных словарях отмечены как многозначные, а в словаре Р.Клаппенбах и В.Штейница [4] - как лексемы с одним значением, например,

Словарь Р.Клаппенбах
и В.Штейница

bekakeln - norddeutsch
salopp beleden

gierern - norddeutsch
salopp - gierig verlangen

dun - norddeutsch
salopp betrunken

gnatzig - gereizt
verstimmt

Flappe - salopp
abwertend schiefes
verzerrtes Gesicht

Словарь Воссидло и Той-
херта Wossidlo, 1937

bekakeln
1) gackern;
2) bereden

gipern, gipern
1) piepen (Vögel);
2) begehren

dun
1) stramm, straff;
2) dicht, nahe;
3) betrunken

gnatzig
1) mit Ausschlag behaf-
tet;
2) gereizt, ärgerlich

Flabb, Flapp
1) Mund;
2) Maul;
3) Kuß

Небольшое число тех диалектизмов, которые с пометой
"разг." в словаре Р.Клаппенбах и В.Штейница появляются
как семемы многозначных лексем, например

Словарь Р.Клаппенбах и В.Штейница

abschrammen
1) umg. die Haut verletzen;
2) norddeutsch salopp
weggehen, sich davonmachen,
sterben

kabbeln
1) sich zanken norddt. umg.

Словарь Воссидло и
Тойхерта

afschrammen -
sich drücken, sterben

kabbeln, kappeln, ka-
weln - sich streiten

2) die See kabbelt
(ist unruhig)

mall

mall - törricht

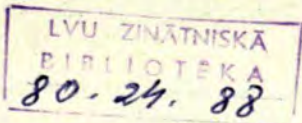
1) norddt. salopp
verrückt, albern

2) vom Wind gesagt - umspringend

Из вышесказанного следует, что диалектизмы могут быть интегрированы в немецкую разговорную речь как экспрессивные стилистические синонимы. Можно присоединиться к книге Р. Херманн-Винтер, которая пишет, что диалектизмы реализуют экспрессивные формы конкуренции (expressive Konkurrenzformen) [Herzmann 1997, 108]. Надо отметить, что стилистическая функция реализуется в процессе интеграции диалектизмов в другую форму существования языка - в немецкую разговорную речь, которая, как правило, носит региональную окраску. В лексико-семантической системе диалекта стилистическая маркировка тех же лексем может отсутствовать.

Надо также отметить, что не только диалектизмы могут приобретать стилистическую окраску в процессе их интеграции в другую лексико-семантическую среду. Это происходит с архаизмами, которые в современном немецком языке могут иметь стилистические функции. В отличие от диалектизмов, которые интегрируются в разговорную речь и часто носят отрицательную оценку, архаизмы являются носителями поэтической, иногда иронической окраски, например, füglich (mit Recht), das Gemach (Wohnraum), unhold (böse), die Unbill (Kränkung).

Параллель можно проводить также между диалектизмами и заимствованиями. Заимствования чаще всего относятся к литературному языку и стилистически нейтральны, но они могут относиться также к разговорной речи. Вслед за Т. Пачколиной [Пачколина 1980] можно утверждать, что многие заимствования, имеющие в языке-основе денотативное значение, приобретают в языке-реципиенте стилистическую маркированность, чаще всего разговорную. Следовательно, возникнове-

ние стилистической маркированности у диалектизмов, архаизмов и заимствований связано с их передвижением из одной лексико-семантической системы или среды в другую.

Литература

1. Скребедев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. - Издательство Саратовского университета, 1985. - С.7.
Скребедев указывает на односторонность лингвистических исследований по отношению к языковой практике: "Традиция ориентировала языковеда на изучение либо культовых, юридических и хроникальных текстов древности, либо современных ему текстов художественной литературы, будто бы единственных достойных его внимания" (стр.7).
2. *Wagga im Dialekt. Interviews mit zeitgenössischen Autoren.* - Bern 1976.
3. В предисловии к латышскому переводу рассказов эстонского писателя Юри Туулика "Заморское дело", написанных на диалекте, Э.Малленэ пишет, что использование диалекта является одним из способов обогащения языка и обновления поэтических ценностей. J.Tūliks. *Jūras būšana.* - Rīga: Liesma 1981. - 5.lpp.
4. *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache in 6 Bänden.* Herausgegeben von R.Klappenbach und W.Steinitz. - Berlin: Akademie-Verlag, 1961. - 1978.
5. Wossidlo R., Teuchert H. *Mecklenburgisches Wörterbuch.* - Neumunster 1937.
6. R.Hermann-Winter. *Studien zur gesprochenen Sprache im Norden der DDR.* - Berlin: Akademie-Verlag, 1977.
7. Пачколина Т.В. Стилистические функции иноязычной лексики в немецкой публицистике 1840 - 40 годов: Автореф... канд.фил.наук. - Л., 1980.

АССИМЕТРИЯ ОПОЗИЦИИ КАТЕГОРИИ РЕТРОСПЕКЦИИ И ПРОСПЕКЦИИ

Особенности художественного времени заключаются в том, что, с одной стороны, оно отражает поступательное движение времени мира объективной действительности, с другой стороны, — разнонаправленный характер темпорального восприятия объективной действительности автором художественного произведения.

Эта разноплановость темпорального мира художественного произведения связана с различием фабульной и сюжетной последовательности событий в тексте. При этом под фабулой предлагается понимать расположение событий в их естественной хронологической последовательности, сюжет же представляет собой такое расположение событий, в котором они предстают перед читателем художественного произведения.

С темпоральной точки зрения фабула является выражением временного континуума произведения, т.е. определенной последовательности фактов и событий, упорядоченных во временной организации событийной канвы художественного произведения.

Сюжетное расположение событий в мире художественной действительности может быть бесконечно разнообразным. С темпоральной точки зрения сюжет является выражением временного дисконтинуума произведения, т.е. прерывистости, временной неупорядоченности событий и фактов.

Художественное время, представленное фабульным и сюжетным расположением событий, включает в себя одновременно континуум и дисконтинуум художественного текста, образующие внутри текста оппозицию, различительными признаками которой является хронологическое-нехронологическое расположение событий или же линейное-нелинейное расположение событий.

Разновидностями дисконтинуума являются ретроспекция и проспекция. Обе они участвуют в ломке хронологической последовательности событий художественного текста, что является их общим признаком. Направление же темпорального сдвига различно: ретроспекция с помощью характерных для нее средств сигнализирует сдвиг в сторону более ранних событий, а проспекция с помощью своих средств - в сторону более поздних.

Ретроспекция и проспекция, сигнализирующие о темпоральных сдвигах в художественном времени текста, имеют и другие общие признаки. В частности, они поддаются одинаковой структурно-синтаксической классификации. Предлагается следующая классификация видов ретроспекции и проспекции:

- 1) фразовая ретроспекция и проспекция (ФР,ФП);
- 2) меμφразовая ретроспекция и проспекция (МФР,МФП);
- 3) сверхфразовая ретроспекция и проспекция (СФР,СФП).

Для выделения первого структурно-синтаксического вида ретроспекции и проспекции (ФП,ФП) достаточен минимальный контекст, так как временной сдвиг маркируется в рамках одного предложения, которое может быть оформлено как простое, сложносочиненное или сложноподчиненное.

- 1) Thomas Weiß erfuhr, was sich in der Wohnung des Professors abgespielt hatte (I,62).
- 2) Wir fahren unter der Rheinbrücke durch, über die bald im ersten Weltkrieg Militärzüge fahren sollten mit all den Knaben, die jetzt im Garten ihren Kaffee tranken (2,189).

Для выделения второго вида ретроспекции и проспекции (МФР,МФП) необходим контекст на уровне СФЕ, поскольку полное осмысление временной отнесенности этого вида ретроспекции и проспекции может быть осуществлено только при учете временного соположения компонентов, составляющих СФЕ.

- 3) Wendt zog sich vollends an. Es war empfindlich kühl geworden. Stück um Stück der verstaubten Uniform zog er an und immer langsamer wurden seine Bewegungen (I,143).
- 4) Er war unendlich müde. Aber er wollte nicht einschlafen. Wenn er geradenwegs nach Süden marschierte, mußte er in

anderthalb Tagen die russischen Stellungen erreichen.
Der Weg war frei. (I, 301).

Третий структурно-синтаксический вид ретроспекции и проспекции (СФР, СФП) представляет собой единицу равную или большую, чем СФЕ. Временная соотношенность СФР и СФП требует опоры на базисное время всего текста, а в смысловом отношении они могут представлять собой самостоятельные, главным образом повествовательные отрезки, имеющие свое базисное время (ретроспективное или проспективное) и свои сдвиги в линейном расположении событий.

5) Als sie an den Fluß kamen, nahm er ihren Arm, den sie ihm ohne Widerstreben, freilich auch ohne den verbundenen Druck seiner Hand zu erwidern, überließ. Mit dieser bewußten körperlichen Berührung machte sich das offene Begehren... in ihm frei (I, 124).

Для выражения ретроспекции и проспекции важную роль играют грамматические средства. Так, грамматические формы времени делятся на потенциально ретроспективные и потенциально проспективные. К первым относятся плюсквамперфект и перфект, ко вторым - футурум и презенс.

Среди синтаксических структур, в которых реализуются ретроспекция и проспекция, наиболее продуктивным типом для обеих категории являются придаточные определительные. В принципе ретроспекция и проспекция не накладывают ограничений на выбор синтаксической структуры предложения, однако предложения следствия, цели, условия больше тяготеют к проспекции. Среди придаточных времени можно выделить группу проспективных предложений (препозитивные предложения с союзами *ene, bevor*) и группу ретроспективных предложений (постпозитивные с союзами *nachdem, als, seitdem*). Общей чертой ретроспекции и проспекции является важная роль лексических "переключателей" времени. И ретроспекция, и проспекция имеют в своем арсенале лексические средства с ретроспективной и проспективной семой, определяющие темпоральную направленность зависимой от

этого средства грамматической конструкции (например, глагол *sich erinnern* с ретроспективной семой и глагол *planen* с проспективной семой). Такое же разделение на проспективные и ретроспективные группы можно провести среди предлогов: *seit, vor* - ретроспективные; *ab, in, nach* - проспективные.

Сравнение ретроспекции и проспекции позволяет говорить и о существенном различии этих противочленов. Рассмотрим некоторые из них.

Проспекция включает в себя два понятия: абсолютное будущее (по отношению к плану настоящего) и предстоящее (по отношению к плану прошлого). На основании этого можно выделить два варианта проспекции: абсолютная и относительная. Наличие двух вариантов проспекции определяет довольно пеструю картину грамматической маркированности проспекции: в ней участвуют практически все глагольные временные формы изъявительного наклонения современного немецкого языка, кондиционалис и глагол *sollen* с инфинитивом. Теоретически наибольшей проспективной потенцией обладает футурум, имеющий сему "будущее время". Но выделить его как главное грамматическое средство выражения проспекции не представляется возможным, так как появление его в относительной проспекции практически исключено.

В отличие от проспекции грамматическая маркированность ретроспекции носит более четкий характер: перфект на фоне базисного времени в презенсе и плюсквамперфект на фоне базисного времени в претеритуме. И в том, и в другом контексте может присутствовать ретроспективный претерит, на который ассимилирующее воздействие оказывает перфект или плюсквамперфект. Все другие сочетания грамматических форм времени не носят регулярного характера. Явное преобладание художественных текстов с претеритальным базисным временем позволяет выделить плюсквамперфект как главное грамматическое средство выражения ретроспекции.

Таким образом, устанавливается асимметричность оппо-

зиции ретроспекции и проспекции по признаку их грамматической маркированности.

Распределение ретроспекции и проспекции по структурно-синтаксическим видам носит также асимметричный характер. При одинаковом наборе этих видов значимость их в тексте разная.

Так, с помощью выделения различных структурно-синтаксических видов ретроспекции можно установить такие сугубо текстовые функции ретроспекции, как сюжетная и композиционная.

Сюжетная функция ретроспекции связана с расчленением всего сюжета художественного произведения на временные пласты.

Фразовые и междумсловные виды ретроспекции расчленяют текст на сюжетные пласты имплицитно, требуя дополнительной операции семантического подбора и объединения событий для последующего распределения их по сюжетным пластам. Сверхфразовая же ретроспекция как самый крупный структурно-синтаксический вид ретроспекции расслаивает художественный текст эксплицитно. Иными словами, при переходе от фразовой к междумсловной и далее к сверхфразовой ретроспекции ее сюжетные функции проявляются более непосредственно и наглядно.

То же можно сказать и о композиционных функциях ретроспекции, которые проявляются наиболее ярко в сверхфразовой ретроспекции. Присущие ФР и МФР функции экспозиции, связи и завершения внутри СФЕ перерастают в специфические функции композиционных элементов сюжета, а именно: экспозиции, завязки, завязки действия, развития действия, кульминации. С переходом от ФР к СФР т.е. с переходом к более широкому семантическому контексту нарастают также образительные, стилистические функции ретроспекции и более тесной становится связь с "категорией причинности", которая заключается в объяснении явления благодаря указанию на его происхождение.

Анализ структурно-синтаксических видов проспекции

в организации всего текста показывает, что в качестве структурного элемента сюжета и композиции проспекция не играет почти никакой роли. Во-первых, проспекция вообще не такое уж частое явление в художественном тексте, а если она и присутствует, то из разбросанных перспективных событий трудно составить самостоятельный сюжет, развернутый во времени и пространстве, как это можно сделать с ретроспекцией. Во-вторых, сверхфразовая проспекция, представляющая собой самостоятельный сюжетный пласт, встречается чрезвычайно редко.

Асимметричность оппозиции ретроспекции и проспекции проявляется также в отношении этих категорий к полю модальности. Исследованке этих категорий в рамках форм индикатива показывает, что ретроспекция связана с модальностью действительности. Что же касается проспекции, то она, даже будучи выраженной формами индикатива, во многих случаях соприкасается с полем недействительности. Такова прежде всего абсолютная проспекция, которая передает еще не реализованные события, гипотетические, ожидаемые. Они располагаются в широком диапазоне модальности, включающем и модальность действительности (реальность предстоящих событий связанных с внутренней логикой развития происходящего или с точным знанием предстоящего, поддержанным фоновыми знаниями рассказчика и читателя), и различные оттенки и модификации модальности недействительности (потенциальная модальность, модальность предположения).

Литература

1. Fünfundsiebzig Erzähler der DDR. - Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1981.-Bd.I.
2. Deutsche Erzähler des 20. Jahrhunderts. - Berlin: Neues Leben, 1957.-Bd.2.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛЬНО
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(на материале перевода с английского на
латышский)

Проблема перевода окказионально использованных фразеологических единиц (ФЕ) представляет научный и практический интерес. Особенно большую важность она приобретает в связи с трудностями перевода. Хотя перевод окказионально использованных ФЕ намного сложнее, чем примененных узуально, однако в теории перевода этому вопросу отводится весьма незначительное место. Этот вопрос рассматривается также во фразеологической стилистике, где изучены отдельные приемы окказионального использования с точки зрения их переводимости [Шадрин 1969, 22]. Между тем растущее число переводов, некачественный перевод ФЕ, измененных автором, обуславливает важность теоретического рассмотрения этого вопроса.

Под окказиональным использованием ФЕ мы понимаем целенаправленное изменение семантики или структуры и семантики ФЕ в контексте, например:

to kill two birds with one stone

George Shultz, the incoming United States Secretary of State, should pursue a rapprochement with Cuba if he is interested in killing two birds (both albatrosses) with one diplomatic stone. (The Globe and Mail, 22.7.1982)

Окказиональное использование ФЕ обусловлено стремлением лучшего введения ФЕ в текст и достижения большей выразительности, оно возможно благодаря таким свойствам ФЕ, как раздельнооформленность и семантическая двуплановость. Эти черты могут актуализироваться при окказиональном использовании, создавая яркий стилистический эффект, который рождается в результате несовпадения узуальной формы ФЕ (в памяти человека) и ее окказионального использования. Суще-

твует ряд приемов окказионального использования, при помощи которых можно разными способами "обрабатывать" ФЕ, а также комбинировать эти приемы в одном фразеопотреблении.

Переводя окказионально использованные ФЕ с одного языка на другой, переводчики обычно стараются сохранить окказиональность - это теоретический идеал переводчика [Влахов 1980, ЗИО]. Возможность этого, с нашей точки зрения, кроется в том факте, что окказиональное использование ФЕ - явление распространенное во всех языках, т.е. явление универсальное [Вейсбергс 1986]. Кроме универсальности самого явления, совпадают и стилистические функции большинства приемов, что позволяет в большой мере сохранить их при переводе, хотя и это не обязательно - хорошие результаты дает и замена одного приема другим.

В отношении узуального использования ФЕ большинство лингвистов [Влахов 1980], [Рецкер 1974], [Крупнов 1976], [Burger 1973], [Koller 1972], [Kade 1976] сходятся на существовании следующих способов передачи ФЕ на другой язык:

- 1) полное сохранение иноязычного образа, т.е. фразеологический эквивалент;
- 2) частичные изменения образа ФЕ, т.е. аналог;
- 3) полная замена образа ФЕ;
- 4) нефразеологический перевод, т.е. снятие образности;
- 5) фразеологическое калькирование.

Термин "фразеологическое калькирование" нам представляется неудовлетворительным, так как он служит и для обозначения заимствованных ФЕ. Более точным является термин "окказиональное фразеологическое калькирование", предложенный [Р.П.Зоривчак 1976]

Из указанных пяти способов четыре сохраняют фразеологизм как таковой и поэтому более предпочтительны, чем нефразеологический перевод.

Перечисленные выше способы применяются и при переводе окказионально использованных ФЕ, что и будет рассмотрено ниже.

1. При существовании в языке - перевода эквивалента ФЕ обычно сохранить окказиональное использование не трудно, например:

the seven deadly sins

Beer, the Bible and the seven deadly virtues have made our England what she is! (Wilde O. The Picture of Dorian Gray.- London, 1980.-P.182)

septiņi nāves grēki

Alus, bībele un septiņi nāves tikumi ir padarījuši Angliju par to, kas tā ir. Vailds O. Dorian Greja gīmetne.- Rīga, 1976.- 211 lpp.

Замена компонента ФЕ легко поддается переводу.

2. При переводе ФЕ аналогом, окказиональное использование иногда может быть воспроизведено легко, например:

a lame duck

Two little lame ducks - charming callow yellow little ducks! (Galsworthy J. To Let.-M., 1976.-P.107)

nelaimes putns

Divi mazi "nelaimes putnēni" - brīnum jāuki, vēl ar pūcipu arauguši dzeltenī, mazi pīlēniņi. Golsverzijs Dž. Izīrējams.-Rīga, 1961. - 126 lpp.

а иногда аналог "сопротивляется" окказиональному использованию, и надо прибегать к другим способам перевода, часто к окказиональному калькированию. Например, английская ФЕ to be born with a silver spoon in the mouth имеет аналог в латышском языке piedzimt kreklīrā. Однако в следующем контексте эта латышская ФЕ не поддается окказиональному использованию идентичному английскому оригиналу:

England with the silver spoon in her mouth and no longer the teeth to hold it there, or the will to part with it. (Galsworthy J. The Silver Spoon.-M., 1976.-P.68)

Из-за этого переводчик окказионально калькирует ФЕ и воспроизводит прием развернутой метафоры:

Anglija ar sudraba karoti mutē! Zobu viņai vairs nav, lai karoti saturētu, bet nav arī gribas šķirties no tās. Golsvertijs Dž. Sudraba karote.-Rīga, 1977. - 70 lpp.

3. Замена образа обычно влечет за собой замену окказионального использования, что требует от переводчика большой находчивости и творческого подхода. Такую замену образа ФЕ и приема последующей двойной актуализации переводчик осуществил в романе О.Уайльда "Портрет Дориана Грея":

to throw one's bonnet over the mills

"I know, my dear, I should have fallen madly in love with you", she used to say, "and thrown my bonnet right over the mills for your sake. As it was, our bonnets were so unbecoming and the mills were so occupied by trying to raise the wind, that I never had even a flirtation with anybody". (Wilde O.The Picture of Dorian Gray.-London,1980.- P.163 - 164)

galīgi zaudēt galvu

- Es zinu, mans mīlais, ka es neprātīgi jūs iemīlētu, - viņa sacīja, - un jūs dēļ, kā mēdz teikt, galīgi galvu zaudētu. Laime, ka toroiz par jums neviens nekā nezināja, citādi man nebūtu kur uzlikt cepuri, un, tā kā mūsu galvas ir domātas tikai cepurēm, tad es ne ar vienu netiku flirtējusi. Vailds O.Doriana Greja gīmetne.-Rīga,1976.-191 lpp.

Замена образа ФЕ привела к замене всего контекста, который в латышском языке очень далек в смысловом отношении от оригинала. Тем не менее сохранено окказиональное использование ФЕ, яркий стилистический эффект, порожденный обыгрыванием ФЕ, остроумие, что в данном случае является главным, так как адекватность перевода определяется не на уровне слов или даже предложений, а на уровне всего текста.

4. Нефразеологический перевод ФЕ автоматически снимает и возможность передачи окказионального использования и является крайне нежелательным.

Так английская ФЕ a skeleton in the cupboard не имеет фразеологического эквивалента или аналога в латышском языке и обычно переводится лексическими средствами. Однако в следующем примере двойной актуализации, такой подход был бы очень нежелателен:

"I can just remember her. She's the skeleton in the family cupboard, isn't she? And they are such fun". /../

"She wasn't much of a skeleton as I remember her, murmured Euphonia, "extremely well covered". (Galsworthy J. In Chaucery.-M., 1975.-P.169)

Поэтому переводчик переводит ФЕ окказиональной калькой с пояснением, что позволяет сохранить яркий эффект двойной актуализации:

- Es viņu tik tikko vēl atceros. Viņa ir mūsu ģimenes rēķa, par kurā nerunā, vai ne? Bet tas ir tik interesanti! /../

- Cik man atmiņā, rēģu viņa ne sevišķi atgādināja, - nomurmināja Jufimija, - formas viņai bija gluži apalģas. Golsverzijs Dž. Cilpā. - Rīga, 1961. - 196 lpp.

5. Итак, при переводе окказионально использованной ФЕ возрастает роль окказионального калькирования, которое можно применять не только при отсутствии других возможностей перевода ФЕ, но как уже указывалось, и при трудностях перевода окказионального использования ФЕ:

too many cooks spoil the broth

Fleyr's head was lost in the tool-box, but her voice was heard saying: "Too many cooks, better let me. (Galsworthy J. Maid in Waiting. - M., 1960. - P.224).

Flēras galva bija nozudusi instrumentu kastē, taču bija dzirdams, ka viņa saka: "Kur daudz pavāru, tur ēdiens piederēgi ļaujiet man vienai. Golsverzijs Dž. Meitene gaida.- Rīga, 1978.- 211 lpp.

В этой связи нам представляется, что опасенке некоторых лингвистов в отношении калькирования ФЕ в какой-то мере преувеличены. Окказиональное фразеологическое калькирование (конечно артистически и лингвистически удачное) не только приемлемо, но и в ряде случаев неизбежно. К тому же нельзя отрицать, что какая-то часть окказионально калькированных ФЕ со временем входит в национальный фонд фразеологии языка перевода, а заимствованке ФЕ - явление объективное, свидетельствующее о развитии языка.

Последний пример примечателен еще в одном аспекте. Наши наблюдения показали, что при приемах окказионального сокращения состава ФЕ в латышских переводах очень часто дается полная форма ФЕ, что означает, что снимается окказиональное использование ФЕ. Например:

let sleeping dogs lie

Soames frowned, "I'm not sure", he said, "that sleeping dogs! Well, I'm on my way there now". (Galsworthy J. The White Monkey.-M., 1976.-P.206)

modināt guļošu lauvu

Soumsa sarauca pieri. - Neesmu pārliecināts, vai vajadzētu modināt guļošu lauvu ... Nu, kas būs - būs, es pašlaik eju uz turieni. Golsverzijs Dž. Baltais pērtiķis.-Rīga, 1977. - 208 lpp.

В случае сокращения ФЕ, которую переводчик окказионально калькирует, - это понятно, поскольку читатель может и не понять незнакомой ему фразы. Если такая ФЕ в контексте имеет большее значение, чем ее окказиональное использование, такой подход оправдан, но в последнем примере сокращение фразеологизма стилистически важно, а ФЕ (аналог английской) хорошо известна латышскому читателю и снятие окказионального использования нам представляется нецелесообразным. Является ли такая тенденция следствием различий в популярности окказионального использования ФЕ (в английском языке это явление более распространенное), или субъективно детерминирована опасением, что читатель не поймет сокращенную форму ФЕ - пока еще вопрос нерешенный.

И, наконец, при невозможности сохранения ФЕ существует возможность переноса ее в текст в более удобное для перевода место, что допускается принципом компенсации [Бархударов 1975, 239], поскольку адекватность перевода оригиналу определяется на уровне всего текста. К сожалению, переводчики почти не используют этот метод в практике.

Вопросы перевода окказионального использования ФЕ еще далеки от полного решения и, конечно, подходить к ним схематически при самом переводе было бы ошибкой. Тем не менее

некоторые теоретические выводы, нам представляется, могли бы содействовать лучшему переводу окказионального использования ФЕ.

Литература

1. Шадрин Н.Л. Перевод контекстуально преобразованных фразеологических единиц как семантико-стилистическая проблема: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.-М., 1969.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе.-М., 1980.
3. Вейсберге А.Г. Окказиональное использование фразеологических единиц как семантико-стилистическая универсалия индоевропейских языков // Извест. АН Латв.ССР, 1986.-№ 10.-С. 121 - 129.
4. Редкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика.-М., 1974.-С. 145 - 169.
5. Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика.-М., 1976.-С.118 - 135.
6. Burger H. Idiomatik des Deutschen.-Tübingen, 1973. - S.100 - 104.
7. Koller W. Grundprobleme der Übersetzungstheorie.-Bern und München, 1972.-S.170 - 173.
8. Kade O. Phraseologismen als Übersetzungsproblem. // Aktuelle Probleme der Phraseologie.-Leipzig, 1976. - S.49 - 62.
9. Зоричак Р.П. Фразеология писателя как проблема перевода /на материале переводов поэтических произведений Т.Г.Шевченко на английский язык/. Автореф.дис. ...канд. филол. наук.-Киев, 1976.
10. Бархударов Л.С. Язык и перевод.-М., 1975.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОДТЕКСТА

Построение контекста при помощи определенных структур, форм или частей речи не нарушает ни одну из норм, а является особым использованием нормы и связано с проблемой отбора языкового материала, с проблемой выбора структуры, формы, части речи из нескольких возможных. Разные коммуникативные типы и разные структуры предложения, а также разные части речи и формы обладают разными потенциальными коннотациями, и поэтому выбор из нескольких возможных вариантов построения текста зависит не только от денотативного содержания единиц, но и от прогнозируемой информации.

Проследим эту мысль на примере:

"Koolhaas, indem er seinen Hut abnahm und auf die Erde warf, sagte: daß er bereit dazu wäre! Übergab die Kinder, nachdem er sie noch einmal vom Boden erhoben und an seine Brust gedrückt hatte, dem Amtmann von Koolhasenbrück und trat, während dieser sie unter stillen Tränen vom Platz hinwegführte, an den Block" [I] .

Абзац представляет собой период, в котором многочисленные придаточные как бы прошиваются главным предложением, содержащим основную информацию.

Ср: Koolhaas... sagte ... Übergab die Kinder ... dem Amtmann von Koolhasenbrück und trat ... an den Block.

Придаточные предложения содержат менее важную, второстепенную информацию. В.Шнейдер пишет по поводу языка Kleists:

"Kleists Schachtelsatz zwingt den Leser beim wichtigen Hauptsatz mit nachdrücklicher Betonung zu verweilen, über die Nebensätze jedoch hinwegzuhuschen, um möglichst schnell wieder an die mit Spannung erwartete Weiterführung des Hauptgedankens zu gelangen. Es ist, als wenn uns jemand Wichtiges berichtete und ein zweiter immer nebensächliche

Zwischenbemerkungen zungenfertig dazwischenwürfe [Schneider 1928, 22] .

Прогнозируемыми коннотациями клейстовского периода являются: ситуативная привязанность, конкретность, обоснованность, аргументированность, уникальность, спокойствие, зависимость, подчиненность одних явлений другим. Для того, чтобы проверить правильность прогноза, произведем трансформацию периода в три самостоятельные предложения:

Koolhaas nahm seinen Hut ab, warf ihn auf die Erde und sagte, daß er bereit dazu wäre. Er erhob die Kinder noch einmal vom Boden, drückte sie an seine Brust und übergab sie dem Amtmann von Koolhasenbrück. Während dieser sie unter stillen Tränen vom Platz hinwegführte, trat Koolhas an den Block.

В трансформированном примере информация клейстовского периода распределена на три сложноподчиненных предложения с однородными членами: придаточные предложения превращены в самостоятельные и этим возведены в ранг равноценных по важности сообщения. Коннотации ситуативной привязанности, конкретности и спокойствия выступают несколько слабее; коннотация зависимости (подчиненности) одних признаков сообщения от других нейтрализована и заменена коннотацией независимости, так как все действия даны как самостоятельные и одинаково важные.

Как клейстовский период, так и его трансформ соответствуют норме языка и контекста, для которого подобные синтаксические построения предсказуемы.

При регулярном и преднамеренном чередовании форм, структур, частей речи общезыковая норма также не нарушается, но нарушается норма контекста. Примером может послужить абзац из романа Э. Штрийтматтера *Ole Bienko*, р: "Rinderoffenställe zu bauen ist eine Anordnung von oben. Vom Himmel? Nein doch, vom Ministerium vielleicht. Anordnungen werden nicht aus Langeweile getroffen! Milch macht Musik! Viele Rinder! Billige Ställe!" 3 .

Данный пример взят из фрагмента абзацев, представляющих авторскую речь и одинаково оформленных в виде вопросно-ответного единства. Очевидно, что чередование двух коммуникативных типов предложения в авторской речи непредсказуемо и поэтому является отклонением от нормы контекста.

Реализация потенциальной коннотации грамматической единицы происходит в описанных выше случаях прежде всего благодаря систематическому употреблению или регулярному и преднамеренному чередованию определенных единиц. Грамматические единицы составляют основу текста, на который накладывается остальной языковой материал: лексические единицы, другие грамматические единицы, интонационные средства. Эти элементы контекста играют в реализации коннотативных значений второстепенную роль: они могут своими эксплицитными и имплицитными значениями поддерживать реализованные коннотации или, наоборот, приглушить, подавить, видоизменить их, однако в самом процессе проявления потенциальных коннотаций они не участвуют.

При реализации коннотаций следует выделить два типа: (а) при систематическом употреблении одних и тех же структур, частей речи или форм реализуются коннотации, потенциально заложенные в денотативные значения соответствующих структур, частей речи или форм, и (б) при регулярном и преднамеренном чередовании структур, частей речи, форм реализуются кроме коннотаций, опирающихся на соответствующие семы единиц, созначения, возникающие на основе их взаимодействия.

Примером типа (а) являются так наз. именные и глагольные стили художественного произведения. При глагольном стиле коннотации строятся на семе "действие", при именном стиле - на семе "предметность" (существительное) или "свойство", "признак" (прилагательное). Обычно глагольному стилю приписываются коннотации динамичности, активности, бодрости Schneider 1959, 199 - коннотации статичности, обобщенности. В то же время отмечается, что при помощи имен-

ного стиля можно также описывать динамичные и энергичные действия [Riesel 1975]. С нашей точки зрения здесь имеет место столкновение языковых средств, их одновременное функционирование. Существительное, которое обладает потенциальной коннотацией статичности, может не соответствовать своему лексическому заполнению, эксплицитно выражающему динамичное действие. В таком случае эксплицитно выраженное значение, которое лежит на поверхности и является поэтому более четким, подавляет имплицитно выраженное значение грамматической единицы (части речи). Например:

Aber die Fahne ist nicht dabei.

Rufe: Cornet!

Rasende Pferde, Gebete, Geschrei,

Flüche: Cornet!

Eisen an Eisen, Befehl und Signal,

Stille: Cornet!

Und noch einmal: Cornet!

Und heraus mit der brausenden Reiterei. 6

Лексемы "rasende", "brausende", "Reiterei", "Geschrei" эксплицитно выражают на лексическом уровне динамику боя.

На коннотацию именного стиля влияют также и другие грамматические средства, имплицитно связанные с противоположными коннотациями. В данном примере из Рильке таким грамматическим средством является предложение с однородными членами, которое связано с коннотацией динамичности, торопливого продвижения вперед.

Определенные коннотации создаются также при систематическом употреблении форм. Речь может идти только о формах, подлежащих свободному выбору, например, о превалирующих временных формах художественного произведения. Претерит (сема "несовпадение с моментом речи", "несвязанность с моментом речи") потенциально связан с коннотацией неактуальности, нереальности, фантастичности, равнодушия, незаинтересованности; презенс (сема "совпадение с моментом речи") - с коннотацией актуальности, зримости. Ср. например, употребление претерита в сказках, в пейзаже, портре-

те, характеристике персонажа и пр. и употребление презенса в произведениях с сюжетно острыми ситуациями. Коннотационное время является фиктивным временем, временем самой художественной ткани произведения, не соотносимым с действительностью рассказчика и читателя и подчиняющимся своим художественным задачам [Namburger 1957, 29; Лихачев 1971]. Поэтому формы времен используются в художественном произведении в первую очередь для соотнесения событий. С.Д.Лихачев пишет: "... автор может не поспевать за временем, описывать события как будто задыхаясь (быстрая смена событий), может остановить время, выключить его из произведения; время в произведении может "тянуться", "бежать", "остановиться", "промелькнуть" [Лихачев 1971]. Такое использование временных форм приводит к созданию коннотаций динамичности и статичности, которые вызываются распределением временных форм в тексте: временные формы могут непосредственно следовать друг за другом, нагнетается событие на событие; временные формы могут, наоборот, стоять на большом расстоянии друг от друга, уступая место неподвижным, спокойным характеристикам и т.д. В романе Т.Манна *Der Zauberberg*, например, все обширное повествование, охватывающее семь лет жизни героя, отличается статичностью, отсутствием действий, а краткий эпилог романа полон динамики, движения, острых событий.

Чередование грамматических единиц происходит только внутри той системы оппозиции, членом которой является единица: повествовательное предложение - вопросительное предложение - побудительное предложение; презенс - претерит; местоимение третьего лица - местоимение первого лица и т. д.

Как мы уже отметили, при регулярном чередовании структур, форм, частей речи создаются кроме обычных коннотаций, потенциально заложенных в соответствующие единицы, еще и коннотации, возникающие на основе взаимодействия единиц. Автор, например, строит свое повествование в виде диалога, он вводит в повествование второй голос - голос воображае-

мого партнера речи, к которому он обращается, с которым он спорит. Речь идет, конечно, не о диалоге персонажей, в котором наличие двух голосов естественно и диктуется ситуацией, а об авторском повествовании, данном в виде диалога. В таком случае форма диалога является необязательной и выбирается автором как один из возможных вариантов выражения мысли. Взаимодействие вопросно-ответных единиц в авторской речи может создавать помимо созначений, нависающих на каждом из коммуникативных типов предложений, коннотации иронии, едкой насмешки - коннотации, возникающие на основе двухплановости лексических или грамматических значений. Примером такого рода является уже упомянутый фрагмент абзацев в романе Э. Штрийтматтера *Ole Bienkopp*, где ограниченно-восторженный голос обывателя противопоставлен твердой и убедительной точке зрения автора.

Обычные коннотации, заложенные в каждую из чередующихся единиц, реализуются также особым образом, а именно - созначения сильного члена оппозиции выступают более четко, чем созначения слабого члена оппозиции. Например, при чередовании повествовательного и вопросительного предложений, как это имеет место в вышеприведенном отрывке из *Ole Bienkopp*, превалируют коннотации вопросительного предложения (это коннотации неуверенности, сомнения, удивления - в данном случае они, правда, являются иллюзорными, ироничными); при чередовании повествовательного и побудительного предложений превалируют коннотации побудительного предложения, как например, в первых абзацах рассказа В. Борхерта *Dann gibt es nur eins*: последнее побудительное предложение *Sag nein!* (сема "побудительность" с соответствующими коннотациями "уверенность", "категоричность" и пр. и сема "адресатность" с коннотациями "сближение", "контакт" и пр.) и также первых два обращения (*Du. Mann an der Maschine und Mann in der Werkstatt*), обладающих той же семой "адресатность" и соответственно теми же потенциальными коннотациями "сближение", "контакт", определяют вторичную информацию всего текста.

Кроме приведенного способа чередования структур существует другой: все произведение состоит из разным образом построенных частей, глав. Чаще всего это главы или части, в которых повествование ведется от разных лиц (например, роман в письмах) или в которых описывается события разных времен. Таким произведением является, например, роман Г. Кобста *Der Vagabund*, написанный от лица рассказчика Адама Пробста, который одновременно и является главным персонажем. В романе систематически чередуются события, относящиеся к настоящему Адама, с событиями его прошлого (из 47 частей разной длины 24 относятся к настоящему, 23 - к прошлому). Основным средством оформления разных пластов художественного времени является грамматическое время. События настоящего, так же как события прошлого, излагаются хронологически: каждая следующая часть продолжает рассказ, начатый в предыдущей. Основную линию повествования составляет рассказ о настоящем, с которого начинается и которым кончается роман, следовательно претерит может быть приравнен сильному члену оппозиции. Вторая линия повествования - рассказ о прошлом - помогает герою понять события настоящего и осмыслить свое место в нем. Психическое состояние персонажа и драматизм событий раскрываются и на коннотативном уровне: созначения актуальности (презент) превалируют над созначениями неактуальности (претерит). Актуальными оказываются не только события настоящего но и те события прошлого, которые привели персонажа, а также всю страну к настоящему.

В романе В. Кеппена *Der Tod in Rom* чередуются личные местоимения первого и третьего лица (*ich - er*). Автор рассматривает события попеременно с двух точек зрения - с точки зрения героя (*ich*) и с точки зрения постороннего наблюдателя (*er*). При этом смена местоимений не всегда совпадает с началом нового раздела: одна и та же небольшая ситуация описывается то с одного ракурса, то с другого.

Мы ограничились в статье только одним подвидом создания коннотативных значений в грамматике - регулярным упот-

реблением и чередованием форм. Существуют и другие возможности - в первую очередь это разного вида лексико-грамматические повторы, которые выдвигают соответствующую языковую единицу на передний план текста, вызывая у читателя определенные ассоциации, т.е. создавая подтекст. О повторе имеется очень обширная литература, некоторые лингвисты считают повтор даже единственным средством создания подтекста. Однако анализ всего коннотативного уровня немецкой грамматики позволяет автору данной статьи расширить лингвистическую основу подтекста, причисляя к его средствам кроме повтора и кроме регулярного употребления и чередования грамматических единиц также и сепаратизацию и дислокацию лексико-грамматических единиц и оформление лексико-грамматических единиц в отдельную структуру [Вольперт 1979, 36 - 38, 50] .

Литература

1. Heinrich von Kleist. Michael Kohlhaas. - Leipzig, 1955. - S.139.
2. Schneider W. Deutsche Kunstprosa. - Leipzig, 1928. - S.22.
3. Strittmatter E. Ole Bienkopp. - Berlin u. Weimar, 1974. - S.261.
4. Schneider W. Stilistische deutsche Grammatik. - Basel, Freiburg, Wien, 1959. - S.199.
5. Riesel E., Schondels E. Deutsche Stilistik. - Moskau, 1975. - S.II2 - II8.
6. R.M.Rilke. Die Weise von Liebe und Tod des Cornets Christoph Rilke. - Leipzig, S.21.
7. Hamburger K. Die Logik der Dichtung. - Stuttgart, 1957. - S.29.
8. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. - Л., 1971. - С.234, 235-239.
9. Вольперт Р.Х. Коннотативный уровень описания грамматики (на материале художественного текста немецкого языка). - Рига, 1979. - С. 36 - 38, 50.

Геринг А. А. /Москва/,

Глазникс В. А. /Рига/

О СТАТУСЕ ПРЕЗЕНСА В ДАТСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Является ли презенс в немецком и датском языках категорией времени, т.е. является ли семантика временной отнесенности к моменту речи определяющей для значения презенса? Вопрос может показаться парадоксальным, поскольку по общему мнению противопоставление презенса и претерита является основным в системе индикатива датского и немецкого языков. Более того, в германской лингвистике эта пара считается многими исследователями единственной собственно относящейся к глагольной парадигме синтетических форм, поскольку аналитические т.н. составные формы перфекта, плюсквамперфекта и футурума не включаются в парадигму. Достаточно сослаться на работы П.Дидериксена (1957), Х.Вивеля (1901), У.Бейту (1970), Г.Данеля (1967), Х.Бринкманна (1962).

В данной статье делается попытка рассмотреть категориальное значение формы презенса, где под значением понимается внутреннее свойство данной языковой единицы как части системы; т.е. глагольной формы презенса в датском и немецком языках в отношении парадигмы временных форм. Наряду со значением презенса анализу в данной статье подлежит и функция формы презенса т.е. "способность к выполнению данной формой определенного назначения, а также сам результат функционирования" [Бондарко 1985, 20].

Проводя контрастивное исследование на материале формы презенса, мы тем самым пытаемся определить синкретизм грамматических значений данных форм, как передающих близ-

кие по смыслу понятия, обозначенные в рамках соответствующих грамматических рядов.

Продуктивность подобного подхода подчеркивается в ряде работ по контрастивной лингвистике, где указывается, что генетическая родственность синхронно сопоставляемых языков определяет базовое сходство между ними. [Naarman 1976; Ярцева 1981]

Важным в связи с раскрытием грамматико-семантического содержания презенса в датском и немецком языках является тезис о том, что "в родственных языках сходным будет не только материал, но и система его распределения. Как бы ни были различны в своих деталях значения глагольных времен в современных германских языках, системы их накладываются одна на другую и имеют общие точки совпадения" [Ярцева 1960, 6].

Особое положение презенса в парадигме временных форм датского и немецкого языков безусловно. Дидериксен на материале датского языка делает вывод о том, что "kun Praeteritum har en bestemt afgrenset Betydning" (Только претерит имеет четко-ограниченное значение) [Diderichsen, 1957, 122]. Для Дидериксена презенс это "всевременная" (Altid) или "вневременная" (Utid) форма.

На материале немецкого языка авторы монографии "Grammatisch-semantische Felder der deutschen Sprache der Gegenwart" отмечают: "das Präsens wird von einigen Wissenschaftlern als zeitindifferent angesehen" (S.29)

Что же дает основание для подобных утверждений? Какие семантические особенности презенса в датском и немецком языках позволяют считать, что временное значение не является для него единственным категориальным, что, не будучи лингвистической единицей ниже уровня предложения он, хотя безусловно и имеет "ограничения в плане контекстов употребления, т.е. свою дистрибуцию" [Лайонз 1978, 86], однако дистрибуция эта достаточно широка и позволяет формам презенса в обоих языках употребляться в контекстах прошедшего и будущего;

параллельно с другими глагольными формами передавать значение волеизъявления, условия и т.д.?

Хотя парадигмы форм презенса различны в датском и немецком языках, категориальное, морфологическое значение презенса в двух языках во многом совпадает. Объясняется это вероятно тем, что презенс в лингво-философском плане связан с введением сообщения в действительность, реально-существующее настоящее, которое в пространственно-временном единстве (сейчас-здесь) может выступать в масштабе любых величин. [Москальская 1981, 109 - 107]. Есперсен замечает, что "большинство высказываний в настоящем времени неизбежно затрагивают прошедшее и будущее" [Есперсен 1958, 303]. Глинц определяет презенс как "allgemein und daher auch jetzt gültig gegenüber "vergangen" [Glinz 1962, 103]. Два момента особенно важны для понимания презенса: "allgemein" и "jetzt gültig", поскольку они определяют непосредственное восприятие говорящим реальности выражающейся формой презенса. Семантика непрерывной бытийной реальности, существующей в сознании говорящего является на наш взгляд чрезвычайно важной для формы презенса. "Формально выраженное настоящее лишь делает очевидным настоящее время, внутренне присущее акту высказывания и обновляемое с каждым вновь создаваемым речевым сообщением, и благодаря этому непрерывному настоящему, совпадающему с нашим собственным присутствием в действительности, в нашем сознании запечатлевается ощущение непрерывности, которую мы называем "временем"; непрерывность и темпоральность рождаются в непрерывно длящемся настоящем акта высказывания - настоящем самого бытия; и разграничиваются посредством внутренней референции на то, что вот-вот станет настоящим, и то, что только что перестало им быть" [Бенвенист 1974, 315].

Приведенная выше цитата важна для нашего понимания презенса, т.к. подчеркивает его связь с "настоящим", т.е. реально действительным миром, существующим помимо и вне

нас и отраженном в нашем сознании в глагольной форме, выделяющей и констатирующей движение окружающей нас материи в сегментах, релевантных для нашей актуальной бытийности. Поясним сказанное на примерах датского и немецкого языков:

Датский язык	Немецкий язык
1. Jorden drejer sig om sin akse.	Die Erde dreht sich um ihre Achse.
2. To og to er fire.	Zwei plus zwei ist vier.
3. Den ene hånd vasker den anden.	Eine Hand wäscht die andere.
4. Vi lever meget spartansk.	Wir leben sehr spartanisch.
5. Eleverne læser H.C.Andersen i år.	In diesem Jahr lesen die Schüler H.C.Andersen,
6. Bornene sover.	Die Kinder schlafen.
7. Det tordner.	Es donnert.

Примеры 1,2,3 констатируют постоянные, невременные истины, являющиеся результатом познания природы, абстрактной науки или этических норм. Форма презенса подчеркивает абсолютную реальность — релевантность данных истин для человеческого бытия вообще.

Примеры 4,5,6 определяют действия в процессе, начавшемся до момента речевого высказывания и, вероятно, продолжающегося после; другими словами, речевое сознание акцентирует длительность реального настоящего в масштабах человеческой жизни, года, нескольких часов. Презенс подчеркивает вовлеченность говорящего в континуум приведенных действий и состояний, принадлежность этих действий и состояний к непосредственной реальности, окружающей говорящего "сейчас" и "здесь".

Пример № 7 на первый взгляд передает одноактное действие, совпадающее с настоящим моментом речи. Однако помимо констатации происходящего форма презенса предполагает

возможность повторения данного действия в ближайшем будущем, расширяя тем самым сиюминутное настоящее и рассматривая происходящее как цепь одноактных действий, противопоставляемых частично или полностью законченным действиям, передаваемым формой перфекта.

Таким образом, значение темпоральности представляется менее выраженным в презенсе по сравнению со значением реальности, что также отмечено целым рядом исследователей. [Diederichsen 1976; Rehling 1951; Flämig 1964].

Употребление футурального презенса в отношении планируемых или предполагаемых действий является распространенным явлением в немецком и датском языках; причем по наблюдению ряда авторов в отдельных стилях речи футуральный презенс является преобладающей формой выражения действия в будущем. [Бабушкина 1982, 15; Жеребков 1966, 15; Мендельс 1970, 48].

По-видимому, использование формы презенса в футуральном значении подсказано отождествлением предполагаемого с реальным и связано с существующим твердым намерением, запланированностью или регламентацией рассматриваемого действия. Die Verwendung des futurischen Präsens könnte bedeuten, daß der Sprecher/Schreiber die zukünftige Handlung stärker gegenwartsbezogen sieht [Schmidt 1984, 29].

Как правило, употребление футурального презенса в двух языках контекстуально обусловлено.

Поясним сказанное на примерах:

Датский язык	Немецкий язык
1. Jeg går nu. Om en time afrejser mit tog.	Ich komme sofort. In einer Stunde geht mein Zug.
2. Jeg kommer og hjælper dig i morgen.	Ich komme und helfe dir morgen.
3. Forhandlingerne fortsætter næste uge.	Die Verhandlungen laufen nächste Woche weiter.

Абсолютной нормой является употребление футурального презенса в придаточных условия и времени. Например: датск. Hvis du hjælper mig skal jeg være dig evigt taknemmelig.

немец. Wenn du mir hilfst, werde ich dir dankbar sein.

Функция привнесения будущего действия в настоящее формой презенса связана, повидимому, со слабой позицией формы футурума в оппозиции презенс/футурум (достаточно заметить, что, например, в эстонском языке футурум отсутствует), а также частой модальной отягощенностью форм выражения для действия в будущем. Например:

датск. Jeg ville gerne se Dem i morgen efter klokken 12.00.

немец. Ich will Sie morgen nach 12 sehen.

Важной для формы презенса является ее использование в датском и немецком языках для создания транспозиции. В этой функции, названной нами репрезентивной, могут быть выделены следующие случаи контекстуально-стилистического использования.

Датский язык	Немецкий язык
<hr/>	
I.	Сценические ремарки
1. Jacob står og kigger på en reklameplakat. Den forestiller en lækker lille sportsvogn. (L.Panduro, Bella)	Luise Miller kommt, ein Buch in der Hand. (F.Schiller, Kabale und Liebe)
II.	Газетные заголовки.
EF begrænses nu mælkeproduktionen. (L og F II.9.86)	Elternakademie gibt Tips. (ND 4/5 X.86)
III.	Хронологически-историческое повествование
1. 1812, krigen begynder.	1812. Der Krieg beginnt.
2. I løbet af 1860'erne svinger livslivet herjemme fra en	Lessings kunstphilosophische Abhandlung

drømmende, efterhånden edvan-
det romantik til naturalismen.
(Dansk litteraturhistorie).

"Laokoon oder Über die
Grenzen der Malerei und
Poesie" (1766) war ein
grundlegender Beitrag
zur Ästhetik der Auf-
klärung. Lessing ent-
wickelte seine Beweis-
führungen am Beispiel
der antiken Skulpturge-
stalt Laokoon.
(M.D.Stöbel, Geschichte
der deutschen Literatur).

IV. Драматизированное повествование

I.I går sad vi og drak te i
haven; så lyder pludselig
et vældigt knald.
(Diderichsen).

Vor seinem Löwengarten,
Das Kampfspiel zu er-
warton,
Saß Köhig Franz.
Und um ihn die Großen
der Krone,
Und rings auf hohem
Balkone
Die Damen in schönem
Kranz.
Und wie er winkt mit
dem Finger,
Auf tut sich der weite
Zwinger,
Und hinein mit bedächt-
tigem Schritt
Ein Löwe tritt.
(Schiller).

Обобщая приведенные выше примеры, можно заметить, что все они в большей или меньшей степени несут эффект присутствия или причастности. Это особенно наглядно в примерах I и IV, воссоздающих обстановку действия в рамках неопределенного настоящего (IV) с переключением в настоящее условной

реальности (SaB König Franz — Ein Löwe tritt); (drak te - lyder et knald).

Использование презенса в примерах II и III также рассчитано на включение передаваемых действий в сферу "здесь", снятия дистанции между ими и говорящим. Заметим, что вероятно не случайно презенс в отличии от претерита определяется рядом датских исследователей как ikke - afstands form - недистантная форма. (X. Вивель 1901). На использование презенса в целях придания большей живости повествованию, относящемуся к прошлому, указывает Есперсен, называя эту функцию "драматическим" или, ссылаясь на Дельбрюка, "народным" презенсом, уходящим корнями в традиционные нормы неформального устного повествования. Есперсен (о.с. 302).

Широта темпорального ориентира "сейчас" типична для значения презенса в датском и немецком языках. Эта особенность презенса особенно наглядна в особых случаях транспозиции, иногда толкуемых как "объектный актуальный презенс". [Локштанова 1984, 67].

Например: дат. Caesar fortæller i sin gallerkrig...
нем. Plato lehrt, daB ...

В данном случае презенс подчеркивает принадлежность цитируемых фактов или аргументов существующему реальному познавательному опыту. В отражении приведенные примеры означают: датск. Nov Caesar læser vi...
немец. Wir lernen bei Plato, daB...

Темпоральную зону презенса в датском и немецком языках, опираясь на все приведенные выше примеры, можно было бы охарактеризировать, используя тезис А.И.Смирницкого: "время, лишь включающее в себя момент речи, но по своей длительности не ограниченное какими-либо установленными пределами" [Смирницкий 1959, 340].

Среди функций презенса в датском и немецком языках особое место отводится т.н. констатирующему презенсу, ограниченному, как правило, глаголами восприятия: høre, se; hören, sehen.

Например: дат. Jeg hør rer Hansen er syg.

нем. Ich höre, Hansen ist krank.

Можно ли считать, что в данных примерах презенс выступает в несвойственной для него функции перфекта?

Ведь варианты: Jeg har hørt Hansen er syg. Ich habe gehört, Hansen ist krank в равной степени возможны.

На наш взгляд использование презенса или перфекта не является полностью синонимичным. Различия прежде всего касаются семантики глаголов восприятия, каковыми являются названные глаголы в рассматриваемых нами языках. Вместо глаголов höre, hören, в данных примерах могли бы быть использованы другие глаголы восприятия в форме презенса.

Например:

Датский язык	Немецкий язык
Jeg ser Hansen er syg. (Han er rød i ansigtet.)	Ich sehe, Hansen ist krank. (Er ist rot im Gesicht.)
Så vidt jeg forstår er Hansen syg. (Han har ikke vist sig på kontoret.)	Soweit ich verstehe, ist Hansen krank. (Er ist heute nicht gekommen.)
Jeg ved Hansen er syg (Hans kone ringede)	Ich weiß, Hansen ist krank. (Seine Frau hat angerufen.)
Jeg <u>hører</u> Hansen er syg. (Alle siger han er.)	<u>Ich höre</u> , Hansen ist krank. (Alle sagen, er ist krank.)

Использование формы презенса глагола оправдано значением отражающего действия, заложенного в его семантике: höre -- sige, hören -- sagen; она не подменяет перфект, а выступает в самостоятельном значении. Параллели подобного употребления можно найти и в других германских языках. Например: англ. I hear Hansen is ill.

швед. Jag hör Hansen är sjuk.

Таким образом констатирующий презенс является парадигматическим значением презенса с доминантой реальной бытийности (континиума).

Рассмотрим, наконец, использование форм презенса для выражения приказа т.н. императивного презенса.

Отличие значения императивного презенса от значения собственного императива заключается на наш взгляд в том, что будучи более категоричным в отношении приказа, форма презенса не оставляет сомнения относительно его выполнения и является по существу ультимативным побуждением. Часто императивный презенс приближается к футуральному. Например: дат. Vi afrejses alle sammen klokken 6 i morgen; нем. Wir gehen morgen um 6 Uhr früh zusammen ab. могут рассматриваться и как планируемое (футуральный презенс) действие и как настойчивое указание со стороны одного из участников поездки (императивный презенс). В примерах дат. Nu sidder I raent og stille, børn! нем. Iht sitzt hübsch ruhig! категоричность указания переводит желаемое действие в план реальности, объединяя и это значение презенса со всеми остальными значениями в плане: "здесь", "сейчас", "в действительности".

Подводя итоги обзора статуса презенса в датском и немецком языках, можем отметить, что сема действительной реальности является по нашему мнению доминирующей и объединяющей для всех значений презенса вместе с семой временного континуума, проходящего через фазу "здесь", "сейчас", основанной на глагольном признаке. Значение и функции презенса в обоих языках близки в своей категориально-морфологической парадигматике, однако отличаются в плане системной дистрибуции, что само по себе может стать предметом отдельного исследования.

Литература

1. Бабушкин Е.В. Грамматические средства выражения действия в будущем и их статус в системе датского глагола: Автореф. канд. дис. - М., 1982.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 1974.
3. Бондерко А. О теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. - М., 1985.

4. Есперсен О. Философия грамматики. - М., 1958.
5. Жеребков В.А. Способы выражения относительного будущего в современном немецком языке.-Л., 1966.
6. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику /Перевод с англ.-М., 1978.
7. Локштанова Л.М. Система форм индикатива в датском языке. // Скандинавские языки.-М., 1984.
8. Москальская О.И. Грамматика текста.-М., 1981.
9. Смирницкий А.И. Морфология английского языка.-М., 1959.
10. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике.- М., 1970.
11. Ярцева В.Н. О сопоставительном методе изучения языков в филологических науках //НДВШ. - 1960. - № 1.
12. Ярцева В.Н. Контрастивная лингвистика.-М., 1981.
13. Boito O. Nynorsk Grammatik.-Oslo, 1971.
14. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung.- Düsseldorf, 1971.
15. Danell G. Svensk språklära.-Lund, 1967.
16. Diderichsen P. Elementaer dansk grammatik.-Kbh., 1957.
17. Flämig W. Zur Funktion des Verbs. I. Tempus und Temporalität // DaF.- 1964. - Н. 4.
18. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik. - Bern - München, 1962. - 4 Aufl.
19. Haarman H. Grundzüge der Sprachtypologie.-Stuttgart, 1976.
20. Rehling E. Det danske sprog.-Kbh., 1951.
21. Schmidt H. (red) Grammatisch-semantiche Felder der deutschen Sprache der Gegenwart.-Leipzig, 1984.
22. Wiewel H.G. Synspunkter for dansk sproglære Kbh., 1901.

СООТНОШЕНИЕ СИНОНИМИИ, ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ
К КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ОБЩЕСЕМИОТИЧЕСКИХ
ЯВЛЕНИЙ

Осознание знаковой природы языка и использование разработанных в лингвистике методов для изучения неязыковых знаковых систем привело к постепенному взаимопроникновению лингвистической и семиотической терминологии. В дальнейшем интерференции двух терминосистем способствовало развитие сопоставительного изучения знаковых свойств языка и неязыковых семиотических явлений, призванного выявить как сходство, так и различия в их структуре и функционировании.

При этом в терминологический аппарат лингвистики было включено / со времен Ф. де Соссюра / относительно небольшое количество общесемиотических понятий, в то время как формальная разработанность аналитических методов в языковедении привела к активному вторжению лингвистической терминологии в семиотику. Употребление слова "язык" по отношению к самым разным неязыковым системам, понятий "синтагма", "парадигма", введение терминов "society-phoneme, society-morpheme, использование классификации филологических оппозиций Н.С.Трубецкого - эти примеры далеко не исчерпывают список применяемых в семиотике лингвистических терминов.

Не раз отмечалось, что недостаточная изученность эмпирии неязыкового семиозиса, особенно очевидная на фоне давней традиции лингвистического описания, привела к тому, что в основе таких терминов часто оказывались нестрогие аналогии, а сами они - метафорами, действующими лишь в пределах достаточно узких научных школ и направлений.

Представляется, что существует еще один путь к решению проблемы: изучение неязыковых знаков на основании данных языка, обладающего уникальным свойством называть и описывать как самого себя, так и другие знаковые системы.

В наиболее полном виде эти данные содержатся в лексикографической языковой норме, т.е. в составе именованных знаковых явлений и их дефиниций в толковом словаре национально-го языка. Они позволяют, в частности, поставить вопрос о целесообразности применения лингвистических понятий "синонимия", "полисемия", "омонимия" к функционированию неязыковых знаков, а также о существовании отношений синонимии, полисемии и омонимии между языковыми и неязыковыми знаками.^{1/}

Одной из важнейших характеристик знаков, содержащихся в текстах дефиниции их именованных, является их значение /знаковая функция/. Норма интерпретации и употребления знака может даваться и указанием на возможность выражения данной знаковой функции в других формах или фактурах знаков /т.е. на возможность синонимического замещения одного знака другим/, на наличие нескольких знаковых функций у данного материального объекта /полисемия знака/, а также на то, что один и тот же материальный объект может функционировать в разных сферах знаковой деятельности.

Существование синонимии, полисемии и омонимии в неязыковом семиозисе обусловлено следующими факторами.

1. Конвенциональный характер знаков и вытекающая отсюда взаимная немотивированность формы и значения предполагает существование в семиотике явлений, которые могут быть описаны в терминах синонимии, полисемии и омонимии.

2. Подобно тому, как в лексике языка существуют и взаимодействуют разные исторические пласты, сосуществуют и взаимодействуют знаки, созданные на разных этапах развития общества и семиозиса.

3. Подобно тому, как часть лексики обслуживает несколь-

I/O существовании синонимических отношений упоминал К.Пайк: "...языковые и неязыковые элементы могут быть функционально взаимосвязаны / т.е. выражать одно значение / или структурно эквиваленты" [Pike 1967, 36].

ко функциональных сфер общения, некоторые материальные объекты обслуживают несколько сфер знаковой деятельности /например, флаг может быть и сигналом и геральдическим знаком/.

Однако так как неязыковая семиотика в целом охватывает разные фактуры знаков, а развитие неязыковых знаков и называющей их лексики соотносены сложно, содержание понятий "синонимия", "полисемия" в общесемиотическом смысле не совпадает с их содержанием как лингвистических понятий. Словарь "Вебстер", послуживший материалом исследования [Webster, 1961], в целом следуя в интерпретации понятия "знак" концепции Ч. Морриса, отнюдь не дает строго терминологического истолкования семиотических понятий. В нем, как в словаре общелитературного языка, критерии составления рядов и практика разграничения словарных значений многозначных слов отражают взгляды лексикографов на природу синонимии, полисемии и омонимии именно как лингвистических, а не семиотических явлений. Поэтому в пределах одного значения словарь может давать несколько вариантов выражения одной знаковой функции или описание нескольких знаковых функций одного предмета. Такие дефиниции дают материал для определения критериев разграничения семиотической синонимии, полисемии и омонимии.

1. Синонимия знаков.

В словарных дефинициях упоминаются знаки разной фактуры, выполняющие идентичную функцию. Menace - угрожающий жест или заявление; weather-signal - флаг или маяк; olive branch - жест или словесное выражение доброй воли. Таким образом, в лингвистической и семиотической синонимии выделение классов функционально эквивалентных элементов проходит по разным уровням отождествления /слова "флаг" и "маяк" не являются языковыми синонимами/ в силу принадлежности этих элементов к разным семиотическим системам, хотя и соотносимым друг с другом, поскольку одна из них - язык - описывает в своем лексическом составе другую. От

семиотической синонимии следует отличать вариативность знака, когда в словарной дефиниции указана возможность варьирования какого-либо элемента знака /варианты цвета ритуального костюма или геральдического изображения/ или количества его элементов.

Итак, семиотическая синонимия характеризуется следующими признаками: 1/ различие в фактуре знаков, 2/ идентичность их знаковой функции, 3/ функционирование знаков в пределах одной или разных сфер знаковой деятельности, 4/ различие в структуре знаков.

II. Полисемия знаков.

В словарной дефиниции может описываться несколько знаковых функций, выполняемых одним и тем же предметом в рамках одной сферы знаковой деятельности. *Church* - граница церковного прихода в Англии или граница города /ориентиры на местности/; *garb* - знак почета или победы /элементы костюма с разным символическим значением/.

Многие словарные определения названий костюма перечисляют различные сочетания знаковых функций костюма или его элементов в пределах одной дефиниции. В исследовании "Система мод", проведенном на материале описаний костюма в журналах мод, Р.Барт предложил описывать такой принцип сочетания значений в терминах нейтрализации смысла, поскольку одному означаемому соответствует несколько означаемых [Barthes 1967, 181]. Возникает, однако, вопрос, следует ли сводить несколько знаковых функций к одной "архисеманте"; как это делает Р.Барт, так как степень близости "нейтрализуемых" значений весьма различна. Ср., например, *blouse* - элемент военной формы в армии США и *blouse* - элемент любой военной формы /"архисемантема" - военная форма/ с одной стороны, и совмещение в одной словарной дефиниции таких значений, как военный, спортивный, защитный костюм, - с другой. Для случаев такого типа целесообразно, не отказываясь от лингвистических аналогий, применять термин "семиотическая полисемия".

Семиотическая полисемия характеризуется следующими признаками: 1/ тождественность материального носителя знака, 2/ наличие у знака нескольких знаковых функций, 3/ функционирование знака в пределах одной сферы знаковой деятельности, 4/ отсутствие различий в структуре знака.

III. Омонимия знаков.

Семиотическими омонимами назовем: 1. Знаки, материально тождественные, но используемые в разных сферах знаковой деятельности и в разных знаковых функциях. Mermaid — изображение русалки как геральдическая эмблема или как вывеска таверны или постоялого двора; /т.е. геральдический знак или ориентир/, standard — шест с укрепленным на нем предметом как обозначение сборного пункта, сигнал или эмблема /т.е. ориентир, сигнал или геральдический знак/. 2. Один и тот же предмет или действие, в одном случае имеющий знаковую функцию, в другом — нет. Fence — ограда, служащая для предотвращения побега, вторжения или в качестве границы /т.е. ориентира на местности/.

Семиотическая омонимия характеризуется следующими признаками: 1/ тождественность материального носителя знака, 2/ наличие у знака нескольких знаковых функций, 3/ функционирование знака в разных сферах знаковой деятельности, 4/ различие в структуре знаков, входящих в разные сферы знаковой деятельности и, следовательно, вступающих в различные парадигматические и синтагматические отношения с другими знаками.

Признаки, различающие семиотическую синонимия, полисемия и омонимия, представлены на таблице.

	различия в фактуре знака	различия в знаковой функции	идентичность структуры знаков	принадлеж- к разным сферам зна- ковой дея- тельности
1	2	3	4	5

I	2	3	4	5
Синонимия	+	-	-	+ /-/
Полисемия	-	+	+	-
Омонимия	-	+	-	+

Четыре признака, по которым, как показывает таблица, дистрибутивно различаются явления семиотической синонимии, полисемии и омонимии, соответствуют тем основным параметрам существования знаков, по которым знаковые явления описываются в словарных дефинициях их именовании: фактура, значение, структура, употребление в определенной сфере знаковой деятельности. Эти признаки, очевидно, и должны стать основой классификации знаков, функционирующих в данной языковой культуре, построенной по данным словарной языковой нормы.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Советская энциклопедия, 1969.
2. Волков А.Г. Язык как система знаков. - М.: МГУ, 1966.
3. Соссюр Ф де. Курс общей лингвистики //Труды по языкознанию. - М.: 1977.- С. 31 - 274.
4. Язык как знаковая система особого рода. / Под ред. Б.А.Серебренникова. - М.: Наука, 1967.
5. Barthes, Roland. Systeme de la Mode. - Paris, ed. du Seuil, 1967.
6. Morris, Charles W. Writings on the General Theory of Signs. - The Hague-Paris, Mouton, 1971.
7. Pike, Kenneth. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior. - The Hague, Mouton, 1967.
8. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. - Springfield, Mass., G. and C. Merriam Co., 1961 (2 vols.).

ТЕКСТОВАЯ ИМПЛИКАЦИЯ И РАЗНЫЕ ПЛАНЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Язык художественного произведения представляет внутренне единую и целую систему, и только подход к нему как к целостной, художественно организованной, скрепленной внутренними связями системе позволяет решить проблемы, которые оказываются скрытыми при анализе изолированных фактов [Лихачева 1975, 21]. Текст может характеризоваться как вторичная по отношению к языку целостная речевая система, в значительной степени обуславливающая свои элементами являются языковые составляющие или актуализированные в тексте единицы языка, языковые средства [Купина 1985, 3]. Такие языковые средства в тексте могут также функционировать как показатели подразумеваемых смыслов.

В настоящей статье рассматривается деление текста на план рассказчика и план персонажей. Эти аспекты повествовательного стиля помогают наиболее точно определить текстовую импликацию и ее характерные особенности.

Сущность текстовой импликации состоит в том, что она связана с ситуацией. Текстовая импликация представляет заранее заданный дополнительный смысл, который слушатель или читатель должен уловить [Масленникова 1985, 110]. Текстовая импликация в данной работе рассматривается согласно теоретическим положениям, которые разработаны И.В. Арнольд. Она понимается как дополнительный подразумеваемый смысл, т.е. подразумевание, основанное на синтагматических связях соположенных элементов antecedenta. Она может передавать не только предметно-логическую, но и субъективно-оценочную информацию, ограничена рамками микроконтекста, что на композиционном уровне соответствует эпизоду, восстанавливается вариативно, рематично, принадлежит конкретному тексту [Арнольд 1982, 88].

В задачи настоящей работы не входит анализ всех пла-

нов составляющих текст, а только тех особенностей, которые могут влиять на текстовую импликацию, а именно как определенный тип повествования: речь автора, речь персонажа, диалог между персонажами и другие виды речи влияют на создание текстовой импликации.

Представитель Пражской лингвистической школы Л. Долежал заменил 2 традиционных термина и понятия "авторская речь" и "диалогическая речь" двумя планами в текстостроении - планом рассказчика и планом персонажа, а как форму промежуточную между двумя планами их объединяющую рассмотрел несобственно-прямую речь. В последнее время появились новые трактовки типов речи: несобственно-прямые мысли. Подробное изложение соотношений речи и мыслей мы находим в работе Дж. Лича и М. Шорта [Leech 1983, 336-351]. Характерные особенности обоих планов рассмотрены М. В. Буковской [Буковская 1969, 6]. Автор выделила в текстовом строении две противоположенные группы высказываний, два эпических плана - план рассказчика и план персонажа.

Цель данной статьи показать роль этих планов в образовании подразумевания. Обратимся к текстовому материалу. "She is upstairs. She is still in her room. If you go upstairs you will see her. Your mother..."

"Upstairs. In her room. Upstairs in her room. Your mother. Your mother. Your mother. Upstairs..." [Hill 1978, 198-199]. В данном примере автор передает внутреннюю речь персонажа, т.е. фактически ее мысли. Дж. Лич пишет, что внутренняя речь это не то, что персонаж в данный момент мыслит, а скорее его переживания [Leech 1983, 337].

Повторы, синтаксические и эллиптические выражения свидетельствуют о волнении героини. Таким образом, учитывая, что отрывок передает психологическое состояние персонажа, можно предположить, что текстовая импликация - это взволнованность персонажа.

Многоточие графически маркирует апонопеизис, который

является показателем типа речи. Таким образом, план повествования является маркером импликации. В другом примере импликация присутствует в разных планах повествования.

The telephone rang on his desk. He lifted the receiver. "What? What's that?" he said. "Number 48? You've got a doctor?" He put his hand over the telephone mouth. "No wonder this nipper wasn't reported", he said. "They've been too busy. An accident. Woman slipped on the stairs". "Serious?" the constable asked. The sergeant mouthed at him; you didn't mention the word death before a child (didn't he know? he had six of them), you made noises in the throat, you grimaced, a complicated shorthand for a word of only five letters anyway. "You'd better go after all", he said, "and make a report. The doctor's there. (G. Greene).

Небольшой, но драматический эпизод в полицейском участке содержит несколько типов импликации с одним и тем же содержанием - смерть. Мальчик находится в участке, куда его привел полицейский, полицейский говорит по телефону и ему сообщают о каком-то происшествии.

Интересно, как текст фиксирует внимание читателя на эвфемизме. В прямой речи персонажа сказано accident, а затем в несобственно-прямую контаминирующую авторскую точку зрения и точку зрения сержанта (он сам отец шестерых детей и знает, что слово "смерть" перед детьми упоминать не следует), смерть входит как импликация. В несобственно-прямой речи автора мы находим паралингвистические средства импликации, чтобы показать событие, в тексте описано, как сержант гримасничает, издает какие-то горловые звуки, кроме того, вместо слова "смерть" употреблен эвфемизм - слово из пяти букв.

В следующем примере текстовая импликация создается включением одного плана в другой:

But his father seemed asleep, and when Aunt Millie

asked him how he was going to spend the afternoon, he risked the casual suggestion that he might bike over to the Common and "do some botany". It was an interest his father approved, and sometimes he would come with him. (G.Fowles).

В вышеприведенном отрывке импликацию маркирует прямая речь в виде цитаты. Импликация состоит в том, что Даниелю не позволяют встретиться с Нанси, и он просто придумывает предлог и обманывает тетку, говоря, что он будет заниматься ботаникой. На самом деле он пойдет на свидание с Нанси. Читатель знает правду и понимает импликацию благодаря тому, что "заниматься ботаникой" заключено в кавычки.

Подведем итоги. Текстовая импликация может присутствовать в плане персонажей.

Внутренняя речь сама может являться композиционным маркером текстовой импликации, особенно, если имплицуется эмоциональное, душевное состояние какого-то персонажа. На текстовом уровне включение грядой речи в план рассказчика или плана рассказчика в план персонажа также является композиционным маркером текстовой импликации.

Литература

1. Лихачева Л.Н. Точка зрения автора и героя и их языковая реализация в рассказе Э.Хемингуэя "Indian Camp" // Экспрессивные средства английского языка. - Л., 1975. - С. 94 - 103.
2. Купина Н.А. Принципы и этапы лингвосемантического анализа художественного текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1975.
3. Масленникова А.А. Импликация как один из способов организации текста // Вестник Ленинградского ун-та. Сер. История, язык, литература - Л., 1985. - Вып. 9. - С. 109 - 112.
4. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. - М., 1982. - №4. - С. 83 - 91.

5. Leech G., Short M. Style in Fiction. - London; New York: Longman, 1983.
6. Буковская И.В. Текстовое строение плана рассказчика в произведениях, написанных от первого лица: Автореф. дис. ... канд. филол. наук Л., 1969.
7. Hill S. A Bit of Singing and Dancing. - Modern English Short Stories. - Moscow: Progress Publishers, 1978. - P. 194
8. Greene G. The Basement Room. - Twenty - One Stories. - Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1970. - P. 7 - 33.
9. Fowles G. Daniel Martin. - Bodley Head Gonathan Cape Ltd and Granada Publishing Ltd, 1982.

Лейтене М.Е. /Рига/

МОДАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В свете коммуникативного подхода к изучению языка проблема семантических компонентов высказывания и их взаимоотношений друг с другом приобретает особую значимость. Семантика высказывания включает в себя, по мнению ряда современных авторов, денотативный и сигнификативный аспекты, первый из которых определяется в широком плане как пропозициональное содержание - референция к предметам и отношениям реальной действительности, а второй - как совокупность "переменчивых элементов высказывания, субъективно окрашенных, зависящих от интенции говорящего" [Гак 1978, 21]. При изучении языка в действии, в процессе общения, следовательно, очень важной является проблема выявления структурных элементов сигнификативного аспекта высказывания, непосредственно связанных с конкретным коммуникативным актом. Но, как показывает анализ работ по синтаксической семантике, разные авторы включают в этот аспект разные элементы, от-

рашающее по их мнению, различные параметры акта коммуникации. Относительно рассмотрения модальности в качестве компоненты сигнификативного значения как "категории, присущей языку в действии, т.е. речи, и поэтому являющейся самой сущностью коммуникативного процесса" [Гальперин 1981, 113], разногласий среди языковедов не существует; проблематичными являются лишь частные стороны этой большой лингвистической категории.

Предметом исследования в данной работе является модальное значение настоятельности, определение ее категориальной сущности и места в семантической структуре высказывания с особым учетом ее прагматического потенциала, что обосновано спецификой деятельностного подхода к изучению языка.

Включение прагматического компонента в смысловую структуру высказывания обосновано как гносеологически, так и лингвистически. В марксистско-ленинском понимании прагматика - это отражательная категория, отображающая в содержании текста одну из целей коммуникации - вербальное воздействие на психику и поведение людей [Киселева 1978, 83]. Такой подход к сущности прагматики определяет ее гносеологическую основу. Лингвистическим обоснованием правомерности выделения прагматического аспекта высказывания в особую категорию служит наличие в системе языка комплекса лексических, грамматических и фонетических средств для осуществления намеренного воздействия говорящего на слушающего. В задачу лингвиста входит изучение принципов и способов "выбора языковых средств из наличного репертуара для наилучшего воздействия на адресата" [Степанов 1981, 325] с целью обеспечения наиболее эффективной формы восприятия им информации [Гальперин 1978, 27].

Представляется, что гносеологическая и лингвистическая стороны прагматики должны в равной мере учитываться при выявлении прагматического аспекта коммуникативных единиц, так как прагматика /прагмалингвистика/ всегда "ставит

в центр внимания динамическое начало, а именно, деятельность общения, осуществляющегося человеком в определенных социальных и межличностных условиях, с определенными мотивами и целями, с использованием специальных языковых средств, инвентаризуемых и моделируемых в их отношениях друг к другу системно-структурной лингвистикой" [Сусов 1984, 5] .

Основная задача исследователя при коммуникативно-прагматическом подходе к языку, как справедливо отмечает Т.И.Синич, состоит в том, чтобы выяснить прагматическую силу /прагматический потенциал/ языковых средств, служащих для выражения грамматических категорий [Сончи 1983, 58]. Среди выделяемых лингвистами типов категорий /логико-грамматические, структурно-грамматические/ наибольшей прагматической силой обладают коммуникативно-грамматические: модальность, категория лица, определенности/неопределенности и др. Эти категории в обобщенном виде выражают и оформляют "отношение говорящего к содержанию своего сообщения и всю ту неразрывную и сложную связь, которая существует между содержанием речи и самим процессом речевого общения между людьми" [Адмони 1973, 14] . Из этого следует, что рассмотрение категории модальности и ее специфических языковых средств выражения через призму прагматики приобретает в свете коммуникативного подхода к языковым явлениям особую актуальность, превращается в проблему изучения социальной предназначенности языка, так как "модальная оценочность является одним из факторов, определяющих прагматическую направленность высказывания и способствующих расширению представления о прагматических ресурсах конкретного типа текста [Лева 1983, 96; см. также: Донскова 1982; Макарова 1985] .

Лингвистическая категория модальности как одна из категорий, обязательно присущих основным коммуникативным единицам - высказыванию и тексту - принадлежит к числу тех явлений, изучению которых уже многие десятилетия по-

свящаются усилия многих отечественных и зарубежных языковедов [Виноградов 1975; Ермолаева 1964; Балли 1955; Flemig 1971; Польдауф 1978 и др.] Но только в последние годы наместился более-менее единый научно обоснованный подход к решению вопросов о сущности этой категории и системе модальных отношений и значений, что стало возможным благодаря накоплению и теоретическому осмыслению материала и исследованию функционирования разноуровневых языковых средств выражения модальности в различных языках, а также комплексному изучению лингвистической модальности как многоаспектной коммуникативно-семантической категории, рассматриваемой в тесной связи с логико-грамматическим членением предложения и теорией коммуникативных актов [Панфилов 1971, 1977; Бондаренко 1977; Николаева 1985; Романов 1982; Тихая-Тищенко 1984, Слущкина 1983 и др.]

В методологическом плане рассмотрение модальности как коммуникативно-семантической категории и ее функционального объема находится в непосредственной связи с решением актуальных вопросов марксистско-ленинской теории познания, современной формальной, в том числе деонтической логики и формальной аксиологии, теории речевой деятельности и психофизиологии. Основная трудность определения сущности данной категории состоит в том, что "языковая модальность - это обширное и сложнейшее языковое явление; ее признаки не уместятся в рамках одноплановой операции деления как какой-нибудь конкретной грамматической категории, хотя она традиционно называется категорией. Модальность - это целый класс, система систем грамматических значений, представляющихся на разных уровнях языка и речи" [Петров 1982, 13].

Сегодня модальность рассматривается большинством авторов как сложная категория, имеющая две разновидности: объективную и субъективную модальность. Понятие объективной модальности определяется как "заключенные в замкнутой системе абстрактных синтаксических категорий значения отношения сообщаемого к действительности" [Русская грамма-

тика 1980, 91] . Объективная /онтологическая/ модальность отражает характер объективных связей, наличествующих в той или иной ситуации; это связи, возможные, действительны, необходимые, в то время как субъективная модальность выражает оценку со стороны говорящего степени познаваемости этих связей, т.е. включает проблематическую, простую и категорическую достоверности [Панфилов 1977, 39 - 40] .

В результате исследований на материале различных языков и теоретического осмысления этого материала для понимания двух основных видов модальных отношений - объективных и субъективных - впервые были определены их существенные признаки, выявленные на логической основе, которые получили свое дальнейшее развитие как специфические языковые отношения [Тихая-Тищенко 1984; Мышкина 1979] .

Соотношение объективной и субъективной сторон лингвистической модальности относится к проблемем, не получившим до настоящего времени однозначного толкования. Нам представляется верной точка зрения тех лингвистов, которые не противопоставляют объективную модальность субъективной, а определяют модальность как "коммуникативно-семантическую категорию, выражающую субъективное, но базирующееся на объективных факторах отношения автора к своему сообщению" [Донскова 1982, 18; см. также: Макарова 1985, 29] .

Подход к модальности как коммуникативно-семантической категории предполагает рассмотрение значений языковой модальности "через посредство базовых модальных отношений /алетическая возможность, действительность, необходимость/ и построение соответствующей системы модальных отношений" [Тихая-Тищенко 1984, 2] . Модальное значение настоятельности репрезентирует ту сторону субъективной модальности, которая соотносится в семантическом плане с деонтически-модальными связями; группу этих связей образуют такие значения как "должестование", "разрешение", "запрещение". Между ними и алетическими модальными отношениями - необходимостью, действительностью и возможностью - легко прос-

матриваются внутренние связи: "должестование" означает необходимость совершения каких-либо возможных действий, "запрещение" - необходимость пресечения каких-либо действий, "разрешение" представляет кому-то возможность совершить определенные действия. Само существование данных отношений демонстрирует их действительность. Именно поэтому, что деонтические отношения можно интерпретировать через их связь с базовыми модальными отношениями, деонтические отношения считаются модальными [Ивин 1967, 172].

При интерпретации модального значения настоятельности через базовые модальные отношения деонтических связей должестования настоятельность определяется как субъективный компонент смысловой структуры высказывания, выражающий степень уверенности говорящего в необходимости или возможности осуществления какого-либо действия с позиций социальных норм. Данное значение, таким образом, репрезентирует познавательную установку говорящего. Поскольку же каждое высказывание предполагает говорящего с его интенцией, определяющей смысл высказывания, настоятельность может рассматриваться как обязательный семантический компонент каждого высказывания, присутствующий в нем в разной степени, от нулевой до высокой, превращающей нейтральное высказывание в категоричное.

Модальное значение настоятельности, реализующее познавательную установку говорящего, тесно связано с коммуникативной установкой высказывания, так как "познавательная и коммуникативная установки выступают в речемыслительном акте в сложном единстве" [Москальская 1977, 50]. Специфический характер этой связи, как нам представляется, может быть определен только при учете прагматического компонента: гносеологически прагматический компонент коммуникативной целеустановки отражает в содержании высказываний совокупность типов и видов вербального воздействия на психику и/или поведение адресата как цель коммуникации, /в свете теории речевых актов эти типы и виды воздействия

реализуются в речемыслительном акте как типы и виды иллюкативных актов/; прагматический компонент модального значения настоятельности гносеологически соотносится только с одним директивным [Searle 1979; Wunderlich 1976] типом. Следовательно, настоятельность может быть выражена в различных по коммуникативной целеустановке высказываниях, и для решения вопроса о том, реализовано ли в высказывании модальное значение настоятельности, важно знать не только вид высказывания, его лексико-грамматические характеристики, но и его использование в конкретной ситуации, т.е. необходимо учитывать при этом и прагматический компонент семантической структуры высказывания.

В лингвистической литературе модальное значение настоятельности /категоричности/ реализуется в побудительных по коммуникативной целеустановке высказываниях с директивным прагматическим компонентом и получило обозначение "побудительная модальность". Различные виды побуждения, в модальном плане определяемые как различные степени настоятельности, характеризуются специфической для этого ситуативно-прагматического типа [Торсуева 1984, II8] высказываний семантической особенностью, раскрыть которую помогают лингвистические теории поля. Так, например, рассматривая структуру модального микрополя побуждения, Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс подчеркивают, что виды побуждения как конститuentы этого микрополя "как правило, не создают новых сем: они усиливают или уточняют сему побудительности [Гулыга, Шендельс 1969, 95]. Следовательно, единственное, что различает виды побуждения - это различная степень настоятельности, производная от степени уверенности говорящего в необходимости выполнении называемых им действий, в важности своего сообщения с позиций социальных норм. Иными словами, данная модальная характеристика как обязательный компонент коммуникативного плана высказывания варьируется в зависимости от конкретной ситуации общения и намерений коммуникантов, а это ведет к появлению различных ситуативно-прагматических видов высказываний с инвариантным значением по-

будительности и различным возможностям языкового оформления одного и того же денотативного содержания. В результате этого процесса возникают "коммуникативно-прагматические варианты" [Сонич 1983, 63] высказывания; в коммуникативно-прагматических вариантах побудительных высказываний /просьба, совет, предложение, указание, распоряжение, требование, приказ и т.д./ и находит свое отражение исследуемая в данной работе разновидность модального плана - степень настоятельности в побуждении адресата к действию.

Исходя из вышесказанного, можно определить сущность и функциональный объем модального значения настоятельности следующим образом: это объективно-субъективная категория, компонент сигнификативного аспекта семантической структуры высказывания, через который в высказывании реализуется познавательная установка говорящего, т.е. его уверенности в необходимости и важности совершения какого-либо действия; настоятельность соотносится в денотативном аспекте с объективными связями деонтической необходимости /должеяствования/ и реализует в прагматическом аспекте прескриптивную функцию.

Литература

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. - М., 1973.
2. Бялли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М.:Изд-во ипостр. лит-ры, 1955.
3. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке: Дис. ... канд.филол.наук.-М., 1977.
4. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке //Исследования по русской грамматике. Избранные труды. - М., 1975.- С. 53 - 87.
5. Гак В.Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. - Калинин, 1978. - С. 19 - 27.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования.-М.: Наука, 1981.
7. Гальперин И.Р. Членимость текста // Вопросы романо-

- германской филологии: Сб. науч. трудов. - М.: МПШИЯ им. Тореза, 1978. - Вып. 125.
8. Гулыга В.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. - М., 1969.
9. Донскова О.А. Средства выражения категории модальности в драматургическом тексте: Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1982.
10. Ермолаева Л.С. Система средств выражения модальности в современных германских языках: Автореф. дис. ... филол. наук. - Л., 1964.
11. Ивин А.А. Некоторые проблемы теории деонтических модальностей // Логическая семантика и модальная логика. - М.: Наука, 1967. - С. 162 - 232.
12. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. - Л.: ЛГУ, 1978.
13. Лепя К. Функциональные свойства фразеологизмов современного немецкого языка в текстах политической направленности: Дис. ... канд. филол. наук. - Минск, 1983.
14. Макарова Н.П. Модельный план вопросно-ответного диалогического единства с местоименным вопросом: Дис. ... канд. филол. наук. - Саратов, 1985.
15. Москальская О.И. Вопросы синтаксической семантики // Вопросы языкознания. - 1977. - № 2. - С. 45 - 46.
16. Мышкина Н.Л. Значения необходимости и способы передачи этих значений в оригинальных и переводных текстах немецкой и русской научной речи: Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1979.
17. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. - М.: Наука, 1985.
18. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. - М.: Наука, 1971.
19. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. - 1977. - № 4. - С. 37 - 49.
20. Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности.

ти.-Новосибирск: Наука, 1982.

21. Польшауф И. Третий синтаксический план // Языкознание в Чехословакии.- М., 1978.- С. 302 - 320.
22. Романов А.А. Коммуникативно-прагматические и семантические свойства немецких высказываний-просьб.: Дис. ... канд.филол.наук.-Калинин, 1982.
23. Русская грамматика /Под общей ред. Н.Ю.Шведовой.-М.: Наука, 1930. - Т. I,II.
24. Слуцкина П.Е. Предикативность и модальность как конституирующие предложения и суждения : Дис. ...канд.филол. наук.-М., 1983.
25. Сончи Т.П. Языковое выражение некатегоричности в свете коммуникативно-прагматической грамматики // Прагматика и структура текста: Сб.науч.трудов. - М., МПНИИЯ им. М.Тореза.- Вып.209.- С. 57 - 70.
26. Степанов Ю.С. В поисках прагматики // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка, 1981.- Т.40.- №4.- С. 325 - 332.
27. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы //Прагматика и семантика синтаксических единиц.- Калинин: КГУ, 1984.- С. 3 - 12.
28. Тихая-Тищенко Е.Г. Модальные отношения и полимодусность высказывания в современном английском языке: Дис. ... канд.филол.наук.-Л., 1984, 199 с.
29. Торсуева И.Г. Современная проблематика интонационных исследований // Вопросы языкознания.-1984.-№ I.-С. II6-125.
30. Flämig W. Zur Funktion des Verbs // Probleme der Sprachwissenschaft: Beiträge zur Linguistik aus den Jg. 1964 - 1967 der Zeitschrift "Deutsch als Fremdsprache"-L., 1971.-S.264 - 269.
31. Searle J.R. A Taxonomy of Illocutionary Acts // Expression and Meaning. - Cambridge: Cambridge Univ. Press.1979.-P.I - 30.
32. Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. - Frankfurt/M: Suhrkamp, 1976.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТАТУС И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПАРЦЕЛЛЯТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье теории языковой прагматики (Sprachpragmatik) большую важность приобретают выразительная (Ausdrucksfunktion) и апеллирующая (Appellfunktion) функции языка, направленные на адресата (Empfänger: Hörer/Leser) с целью оптимального декодирования им полученной информации. Одним из средств на синтаксическом уровне, участвующим в реализации этих языковых функций, являются синтаксические единства, не имеющие традиционной формы предложения, так называемые парцелляты, приобретающие синтаксическую самостоятельность именно в силу необходимости достичь максимальной выразительности при передаче определенной информации.

В статье выявляется лингвистический статус парцеллятов как самостоятельно функционирующих синтаксических единиц, в частности, их структурно-семантические особенности и стилистическая значимость. За основную теоретическую посылку данного явления принимается взаимодействие синтаксической нормы языка художественного текста и ее проявления как индивидуального приема, обусловленного коммуникативно-стилистическими особенностями. Вслед за Г.А.Золотовой мы считаем, что нормативная оценка синтаксического построения двухступенчата: владение языком предполагает соответствие конструкций правилам грамматики во-первых, и принципу коммуникативно-стилистической целесообразности - во-вторых" [Золотова 1974, 282].

Синтаксический рисунок текста гармоничен. Это предполагает гармонию взаимодействия трех понятий: структура-смысл - стиль. Эти понятия не являются тремя точками на одной прямой, а взаимодействуя, перемещаются по плоскостям. Когда в силу коммуникативно-стилистической целесоо-

бразности языковая реальность вносит свои коррективы, нарушая тем самым синтаксическую канву текста, триада структура - смысл - стиль, продолжая функционировать, перестраивается. Меняется модель предложения, наблюдается динамика ее развития. Одним из основных факторов ее подвижности является стилистический, необходимость достижения максимальной выразительности. При этом стилистический фактор не рассматривается как нечто обособленное, единственно влияющее решительным образом на структуру. "Спецификой синтаксического уровня, непосредственно связанного с процессом мышления и процессом коммуникации, обусловлена особая роль семантики в организации синтаксических единиц" [Г.А.Золотова 1974, 146]. Стиль и смысл выступают как два составляющих одного целого. А это целое и есть языковая реальность, питающая процесс коммуникации. Коммуникативно-функциональный подход определяет коммуникативную нагруженность различных отрезков речи в зависимости от коммуникативного задания. Ш.Балли подчеркивает, что синтаксис соотносится со стилистикой именно в том случае, если он рассматривается как изучение аспектов мысли, воплощенных в языке. И тогда синтаксические явления не выступают чисто формальными языковыми средствами, а выражают логическое отношение в аффективном аспекте [Ср. Ш.Балли 1961, 298 - 299]. В нашем случае возникает необходимость сознательной ломки рамочной структуры немецкого предложения, когда определенный синтаксический отрезок подвергается особой эмфазе и выносится за рамки предложения как синтаксического единства.

Так например: *Da hielt ich ihr jenen Augenblick vor, den ich immer für den Beginn unserer Bekanntschaft genommen habe. Für unsere erste Begegnung... Nun, die Klasse werde, was sie ja immer tue, die Neue, Christa T., die Waldschwärmerin, freundschaftlich in ihrer Mitte aufnehmen... Sie bewarb sich Übrigens nicht um Aufnahme. Nicht um freundschaftliche, nicht um widerwillige. Um gar keine.* (Ch. Wolf)

Синтаксический статус отрезка текста, выведенного за рамки предложения, не имеет жестких ограничений, поскольку любая синтаксическая структура, будь то один член предложения, несколько членов предложения или целое придаточное, может служить средством особой выразительности на синтаксическом уровне. По словам Б.Совински, вынесение за рамку или полная изоляция от исходного синтаксического целого определенных членов предложения — это одна из форм редуцирования структуры предложения, которая свойственна, главным образом, художественным текстам экспрессионистского направления, а а также рекламе [Sowinski 1972, 139].

Наблюдения над языковыми фактами последних лет позволяют утверждать, что такого рода нарушения синтаксического рисунка текста встречаются практически во всех функциональных стилях. В специальной литературе отсутствует терминологическое единство в отношении данного языкового явления, которое можно рассматривать как инновацию не только в немецком, но и в других языках, так например:

Deedee's heart was jumping again. But slowly, slowly the world was rolling over and balancing back. This was a very grown-up kind of talk. Sharp and real. Hard and true. Solid. Everything shook except this honesty. Except this sacrifice. (Ch. Armstrong)

Однако внутри этого зрителя все кипит. От негодования! От неприятия! От того, что в нем, зрителе, многое и от Кронида Голощапова в беспощадном исполнении Олега Табакова... И от Устины Карповны с ее собственническим:

"Мы — это Советская власть!" ("Советская культура")

Мы используем описательный термин "самостоятельно функционирующий синтаксический отрезок", или "парцеллят" (parceller — фр. — делить на мелкие части, парцеллировать).

Немецкая языковая теория упоминает о парцеллятах, не делая их предметом изучения. Однако, находим целый ряд определений области их принадлежности, в частности, мы читаем у Э.Миттельберга и Б.Совински о стенографическом синтак-

сисе, синтаксисе Морзе, минисинтаксисе, дробленом, открытом синтаксисе. [Mittelberg 1967, 317; Sowinski 1972, 139]

Анализ корпуса языковых фактов позволил выявить следующие структурно-семантические особенности парцеллятов: 1) парцелляты собственно эмотивного характера, структурно оформленные как предложное или прямое дополнение, например:

Sie hingen auf den Stühlen. Über die Tische waren sie gehängt. Hingehängt von einer fürchterlichen Müdigkeit... Sie hingen an ihren Skeletten wie Vogelscheuchen an ihren Stangen. Vom Leben hingehängt zum Gespött ihres eigenen Gehirns u. zur Qual ihrer Herzen. (W.Borchert)

2) парцелляты, несущие дополнительную информацию, по структуре сближающиеся с I-ой группой, например:

Und jeder Wind spielte ihnen mit. Der spielte mit ihnen. Sie hingen in einem Leben, hingehängt von einem Gott ohne Gesicht. Von einem Gott, der nicht gut und nicht böse war. (W.Borchert)

Es war eine Weltmüdigkeit, die nichts erwartet. Höchstens mal einen Zug. (W.Borchert)

3) парцелляты уточняющего, конкретизирующего характера - это обстоятельства места, времени, образа действия, структурно оформленные существительными в косвенном падеже или наречия, например:

Es war eine Weltmüdigkeit, die nichts erwartet. Höchstens mal einen Zug. Und einen Wartesaal. (W.Borchert)

Denn ihr Geschrei, ihr furchtbares Geschrei, drang meist mal zum Nebenmann der mit am Tisch saß. An demselben Tisch. Nebenan. Am selben Tisch. (W.Borchert)

Feuer also entzündet der Mann. Gegen Abend. (J.Bobrowski)

4) парцелляты сравнительно-оценочного характера, выполняющие в предложении функцию определителя группы сказуемого (Prädikatsattribut) или предикатива. Такие парцелляты выражены, как правило, прилагательными или существительным, образующим группу сравнения, например:

Gott lieb sie nur atmen. Grausam und grandios. Und sie atmeten. Wild, gierig, gefräßig. Aber einsam, dünnstimmig einsam. (W.Borchert)

Nachtdunst schwamm durch den Bahnhof, Nachtdunst aus Nebel, und Not, und Atem. Und der war dick wie der undefinierbare Kaffee. Und naßkalt. Wie Angstschweiß. (W.Borchert)

... Aber wie das mit dem Alten, Früheren, dem Vergangenen angewiesen ist, da bleibt man auf Vermutungen angewiesen. Das ist gewesen, und ist vergangen, Zeit, und verlorene Zeit. Wie Geschwätz. (J.Bobrowski)

5) парцелляты номинативного характера, когда парцеллируется субъект предложения, выраженный существительным, например: Er hat die Kreuze errichtet, alle Kreuze, die wir vorher gezählt haben... Was ist das, ein Kreuz? Ein Zeichen. Ein Gedächtnis. Eine Erinnerung. (J.Bobrowski)

Sie hingen in ihren Kleidern und in ihrer Haut, als ob sie ihrer lästig wären, die Kleider. Und die Haut. (W.Borchert)

6) парцелляты процессуального характера, когда внимание фиксируется на процессе заключенном в определенной глагольной форме, часто в парцеллированном инфинитиве, например: Auch wenn man gar nichts mehr hört, man hört noch immer etwas. Nur: Wie es sich anhört, kann man nicht sagen. Nur hören. (J.Bobrowski)

7) парцелляты - придаточные предложения, как правило, дополнительные, причины и уступительные [Бушмане, Лихтерова 1984, IOI - IO5], например:

Wir gewöhnen uns wieder, ruhig zu schlafen. Wir leben aus dem vollen, als gäbe es Übergenug von diesem seltsamen Stoff Leben, als könnte er nie zu Ende gehen... Das wiegt alles auf: Daß wir uns gewöhnen, ruhig zu schlafen. Daß wir aus dem vollen leben, als gäbe es Übergenug von diesem seltsamen Stoff Leben.

Als könnte er nie zu Ende gehen. (Ch.Wolf)

Парцелляти, появляясь в тексте как выразители особой экспрессии, создают "эффект неожиданности" по М.Риффатеру, который справедливо замечает, что "язык выражает, а стиль выделяет". [Rittatore 1973, 30] Выделив, таким образом, путем отторжения от исходного синтаксического целого одно его звено, стиль способствует более четкому, выуклому его восприятию адресатом, слушающим или читающим. Содержание, заключенное в парцеллированной синтаксической структуре, фиксируется оптически отдельно. Такое развитие синтаксических структур вносит изменения в ритмико-синтаксическую организацию текста, когда за основную единицу ритма принимается синтаксически и графически оформленное предложение в соответствии с особенностями немецкого языка, а именно, тематико-рематическим членением. Развитие синтаксической структуры в плане появления в тексте парцеллят нарушает ритмико-синтаксическую плавность и создает эмоциональное напряжение.

Суммируя приведенные в статье положения, рассмотрим конкретный контекст.

Der Buchbesitzer startete auf den vierten Stuhl, wo das Mädchen gesessen hatte. Der Stuhl war leer. Das Mädchen war weg. Da sahen die drei Männer auf dem Tisch ein kleines Glasröhrchen. Es war leer. Und das Mädchen war weg. Und die Tasse, die Tasse war leer. Und das Mädchen war weg; Der Stuhl, Und das Glasröhrchen. Und die Tasse. Leer. (W. Borchert)

Горе и нужда, безысходность, отчаяние людей во время войны - вот основная тема приведенного фрагмента текста из рассказа В. Борхерта. Основным способом выражения экспрессии автор делает разрыхление синтаксического строя немецкого предложения. Однако он не просто упрощает, разгружает синтаксический строй информативно плотных фраз, а расставляет эмоциональные акценты, подвергает отдельные синтаксические отрезки эмфазе. Автор пользуется приемом синтаксического параллелизма, повторяя одну и ту же мо-

дель предложения, при этом допускает некоторую вариативность; повторяющиеся структуры вводятся союзом "und" лексемы повторяются и вводится новая лексика, и наконец, узловые детали парцеллируются, отторгаются от исходного синтаксического единства: парцелляты номинативного характера, структурно оформленные односоставными номинативными предложениями. Особая роль принадлежит союзу "und" как слову-индикатору связи парцеллята с текстом. Парцелляты разрушают заданный ритмический строй текста, возникают дополнительные паузы с терминальной интонацией, обусловленные дроблением синтаксического строя фраз, что позволяет острее ощутить нервный темп военного времени. В то же время эти парцелляты не только не воспринимаются как нечто чужеродное в данном тексте, а наоборот, стоят на службе особого "аффектированного" восприятия данного текста.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. - М., 1974.
2. Бушмане М.А., Дихтсрова Б.Л. Семантико-синтаксическая характеристика самостоятельных придаточных единиц// Семантическая интеграция в синтагматике. - Рига, 1984.
3. Золотова Г.А. О характере нормы в синтаксисе// Синтаксис и норма. - М.:Наука, 1974.
4. Mittelberg E. Wortschatz und Syntax der Bildzeitung. - Marburg, 1967.
5. Riffaterre M. Essais de stylistique structurale. - Paris, 1971.
(Перевод W.Bolle. Strukturele Stilistik. - München, 1973)
6. Sowinski B. Deutsche Stilistik. - Frankfurt a.Main, 1972.

МОДАЛЬНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Известно, что термин "модальность" не имеет однозначного толкования. К понятию модальности обращаются в последнее время лингвисты, стилисты, литературоведы.

И.Р.Гальперин подчеркивал особую сложность разработки категории текстовой модальности в художественном произведении, поскольку текстовая модальность "расщепляется" в массе оценок отдельных элементов текста. При этом под модальностью понимается прямо или косвенно выраженное отношение писателя к создаваемому им миру [Гальперин, 123]. В.А.Кухаренко определяет модальность как точку зрения автора, которая наиболее полно проявляется в так называемой содержательно-концептуальной информации /по И.Р.Гальперину/ и реализуется через накопление сигналов авторской модальности /эмоционально окрашенная лексика, аффективный синтаксис, грамматическая, лексическая и композиционная заявленность автора/ [Кухаренко 1985, 55]. Г.В.Степанов считает модальной стороной текста отношение автора к высказыванию, связывающее текст единой оценочностью в некое целое [Степанов 1980, 202]. М.И.Гореликова и Д.М.Магомедова, поддерживая точку зрения И.Р.Гальперина, различают фразовую и текстовую модальность, и, выделяя в числе средств текстовой модальности грамматические и лексические средства, отмечают возможность передачи авторского отношения к изображаемому через характеристику героев, распределение релятивных и предикативных отрезков высказывания /по И.Р.Гальперину/ [Гореликова 1983, II]. К.Н.Атарова и Г.А.Лескис, признавая за модальностью способность передавать неопределенность и противоречивость информации и считая модальность "универсальным конкретным средством ограничения авторского всеведения, выражения субъективности и снятия вымышленности", признает возможность передачи информации без всякой модаль-

ности [Атарова 1980, 4]. Здесь же отмечается различие в конкретных функциях модальности у разных писателей. Так, у Фолкнера и у Булгакова – это допустимость полярных интерпретаций, у Гюго – иллюзия правдоподобия вымышленного повествования и т.д. /там же/.

В ряде работ по стилистике можно найти в числе видов модальности утверждение и отрицание, экспрессивность и эмоциональность, вопрос и побуждение. Многообразие и пестроту взглядов на модальность отмечает В.Н.Бондаренко, придерживающийся следующего взгляда на модальность: "Модальность – это языковая категория, указывающая на характер отражаемых в содержании предложения объективных связей /объективная модальность/ и на степень достоверности содержания того же предложения с точки зрения говорящего /субъективная модальность/ [Бондаренко 1978, 32].

С обращением к речевой деятельности, с выходом в текст, представляющий собой продукт речевой деятельности, лингвистов интересует роль категории модальности уже не в рамках одного предложения, а в значительно больших единицах, где проявляются новые грани этой традиционной категории. Внимание лингвистов привлекает высказывание и его модальные характеристики. Речь эгоцентрична и субъективна по своей природе, пишет Г.Я.Солганик, и это проявляется в любом высказывании как субъективно-модальное значение. При этом в акте говорения обезличенная информация становится информацией определенного лица. Следовательно, любое высказывание имеет субъективно-модальное значение, т.к. оно имеет своего производителя речи. И если предметное значение и объективно-модальное значение моделируются в языке, то субъективно-модальное значение проявляется только в речи [Солганик 1981, 73].

Однако модальность как лингвистическая категория, безусловно играет значительную роль и в еще более крупных единицах – в макротекстах. При этом учитывается специфика и функционального стиля, к которому принадлежит текст, и

жанра, и типа текста.

Признавая наличие модальности в любом высказывании и разделяя традиционную точку зрения на существование трехчленной оппозиции "индикатив - конъюнктив - императив", попытаемся определить роль грамматической категории модальности в макротексте.

Представляется, что все тексты можно подразделить на мономодальные, в которых все входящие в них предложения выдержаны в одной модальности /как правило, это модальность действительности с основным средством ее выражения - индикативом/, бимодальные, в которых модальность действительности сочетается с каким-либо другим видом модальности - с потенциально-ирреальной модальностью, императивной модальностью либо с модальностью предложения/ и полимодальные тексты, в которых представлены несколько видов модальности.

Существуют тексты, тяготеющие к мономодальности. В функциональном стиле газеты - это тексты кратких информационных сообщений, выдержанные в индикативе, в официально-деловом стиле - различного рода инструкции с целым набором средств выражения императивной модальности. Часто встречаются они и в художественной литературе, хотя здесь количество бимодальных и полимодальных текстов велико, что объясняется особенностями художественного текста: это включение в текст наряду с авторской речью речи косвенной, несобственно-прямой и т.д. [Москальская 1981, 120].

Однако склонение, являясь доминантой грамматико-лексического поля модальности - поля как совокупности языковых средств всех уровней - средств грамматических, лексических, лексико-грамматических, словообразовательных [Гулыга, Sommerfeldt] действует в тексте в сочетании с другими языковыми средствами. Для описания модальной характеристики текста и составляющих ее элементов можно предложить термин "модальная сетка" /по аналогии с термином Г. Вайнриха "Словарная сетка" [Weinrich 1976, 14].

Понятие модальной сетки необходимо сразу же отграничить от понятия грамматико-лексического поля модальности. Если поле является категорией функционально-семантической и включает в себя все возможные средства, существующие в языке для выражения категории модальности, то модальная сетка - категория текстовая и включает в себя лишь те средства выражения модальности, которые содержит данный конкретный текст. Понятие модальной сетки не совпадает и со "словарной сеткой" Г.Вайнриха: словарная сетка включает в себя лишь лексические единицы, модальная же сетка - наряду с лексическими и грамматическими /а в других полях - и словообразовательные/ средства выражения данной категории. Какие же задачи выполняют модальная сетка в художественном тексте? Как она способствует выполнению текстом его художественно-эстетической функции, как отражает особенности жанра и типа текста? Обратимся к конкретному тексту - лирической миниатюре "Grasmähen" из книги Э.Штриттматтера "Schulzenhofer Kramkalender".

Grasmähen

Ein Morgen im Juni. Es ist fünf Uhr. Der Nachbar mäht, sein Schwiegersohn mäht und auch ich mähe. Die Wolken sind dick wie Federbetten und fahren langsam über uns hin. Kamille und Hahnfuß, Schwingel und Knautgras - ein Sensenschnitt, unser Herzgeklopf, ein Sensenschnitt - hundert Blumen sind hin.

Das Wetzgeräusch und das Krähengeschnarr, und der Kuckuck lockt laut. Die Reiher steuern zum dampfenden Bach. Ein Sensenschnitt, unser Herzgeklopf, ein Sensenschnitt - hundert Blumen sind hin.

Этот текст - мономодальный, т.е. выдержан в модальности действительности. Доминанта модального поля действительности - индикатив является, как известно, в преобладающем большинстве случаев единственным средством выражения модальности действительности. Эта нулевая, фоновая форма не требует усилительных модальных слов, поэтому модальная

сетка мономодальных текстов немногочисленна и вся модальность действительности держится в таких текстах на лексических значениях глаголов, имеющих в своем семном составе сему "реальность". Так, в тексте "Grasmähen" модальная сетка состоит из индикатива глаголов: *ist...mähnt...mähnt...mähe...sind...fahren hin...sind...lockt...steuern...sind.*

Построение текста "Grasmähen" как мономодального обусловлено его характером текста-зарисовки рабочего момента, текста-имитации репортажа. При его формировании модальность действительности тесно взаимодействует с его темпоральными характеристиками, направленными на создание текста, носящего характер репортажа с места событий: использованием презенса, актуализирующего описываемые события, введением имен существительных с временным значением для точного указания времени действия. К ним присоединяется выбор небольшой длины предложения, передающей напряженный, четкий рабочий ритм, использование определенной семантической группы глаголов - глаголов действия /*Namandungsverben*/, т.е. те языковые средства, которые могут передать динамику действия.

Модальная сетка мономодального текста с модальностью действительности может расширяться за счет включения в нее усилительных модальных слов в том случае, когда автор считает необходимым интенсифицировать модальность действительности. Так, например, в зачине текста "Hasonnarreteit" введено модальное слово *sicher*, которое должно придать утверждению, на первый взгляд довольно необычному и способному вызвать у читателя сомнение в его истинности, высокую степень уверенности лирического героя в правильности этого утверждения.

"Man irrt, wenn man glaubt, ein Hase sei ein Hase und nichts weiter als das Stück einer Gattung; denn auch Hasen haben Charakter, und es ist sicher nicht falsch, wenn ich sage: Soviel Hasen.- so viele Charaktere" (E.Strittmatter).

Категоричность высказывания, уверенность в справед-

ливости утверждения, усиливаемая модальным словом *sicher* сочетается с его темпоральной характеристикой, выражаемой через генерализирующий презенс. Их взаимодействие дает определенный тип значения - генерализирующий зачип.

Роль грамматической категории модальности в бимодальном тексте попытаемся показать на примере текста Э.Штриттматтера "Wintererwarten", где сочетаются два вида модальности - модальность действительности и модальность побудительности, или императивная модальность. /II, с.89/

Wintererwarten

Die Äpfel glänzen wie Messing, und das Jahr zwinkert schon müde. Das Gras horcht in sich hinein, und das blühende Heidekraut ist wie eine große Abendröte.

laB uns unter den Birken entlanggehen, wenn die Luft nach Pilzen und Nüssen duftet, wenn der Nebel wie Pulver von Sternenmeeren sich auf die bräunenden Baumblätter legt, wenn die Reiher ziehn, wenn die Wildgans nach Süd stößt, wenn das Schilf vom Schrei des Kranichs erzittert - laB uns den Winter erwarten und ihn wie die Bäume benutzen - unter den Rinden.

Эта миниатюра представляет собой лирическое стихотворение в прозе. Высокий эмоциональный настрой текста в значительной мере создается его концовкой, выдержанной в императивной модальности. Этот вид модальности создается здесь императивом. Несмотря на то, что удельный вес этой формы в модальной сетке невелик /glänzen, ..zwinkert, ..horcht hinein...ist...laB entlanggehn...duftet...sich legt...ziehn ...stößt...erzittert...laB erwarten...benutzen/, эффект, производимый императивом чрезвычайно ярок и силен, и объясняется это, по-видимому, тем, что императив появляется в так называемой "сильной позиции" текста - в его концовке /по И.В.Арнольд/. Содержащееся в концовке приглашение к содействию, соучастию, а также сема "футурально-презентная перспектива", присущая императиву придают всему тексту не только актуальность, но и направленность в будущее, тесно связывая эмоциональную насыщенность текста с высоким эмо-

циональным настроем книги в целом.

Однако подобные императивные предложения-приглашения к действию могут выполнять и другие задачи, так, например, миниатюру-притчу "Der Nahmenschrift" завершает предложение "Laßt uns nicht lächeln, wenn sie's bezweifeln" /I4, с. 270/. И здесь, как и в предыдущем примере, обращение автора к читателю создает впечатление их непосредственного общения. Кроме того, оно должно смягчить нравоучительность миниатюры-притчи путем включения и самого автора /лирического героя/ в число тех, к кому обращено пожелание-приглашение.

Включение в модальную сетку текстов различных средств выражения внешней модальности - как объективной /наклонения/, так и субъективной /модальные слова Wohl, vielleicht глаголы с семами "предположение", "сомнение", "неуверенность" - scheinen, hoffen, конструкции, придающие высказыванию оттенок неуверенности, сомнения: ich weiß nicht genau и др./ направлено на достижение еще одной цели - на создание ощущения постоянного присутствия авторского "Я", на пропускание всего материала через призму его представлений и оценок, т.е. на создание субъективной окрашенности всего изображаемого, что в юнечном счете придаст всем текстам книги единый "дневниковый" характер.

Появление этих членов модальной сетки сигнализирует о переходе от объективного повествования к субъективному, снимает категоричность тона, вносит оттенок раздумья, размышления, предположения. Они оформляют противопоставление констатирующего описания /действительность/ размышления: по поводу фактов действительности /гипотетичность, субъективная оценка/, иначе говоря, служат сигналом для включения дополнительного внимания читателя, обозначая новый этап в восприятии текста.

Приведенные в статье наблюдения отражают далеко не все возможности темпоральной сетки в художественном произведении. Они лишь намечают пути исследования этой текстовой категории.

Литература

1. Гальперин И.Р. Модальность текста: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. - Вып. 158.
2. Кухаренко В.А. Информативность вводящего абзаца научного филологического текста // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. - М.: Наука, 1985.
3. Степанов Г.В. О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста. // АН СССР. Известия. Серия литературы и языка. - 1980. - Т. 39. - № 3.
4. Гореликова М.И., Магомедова Д.М. Лингвистический анализ художественного текста. - М.: Русский язык, 1983.
5. Атарова К.Н., Лескис Г.А. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе // АН СССР. Известия. Серия литературы и языка, 1980. - Т. 39. - № 1.
6. Бондаренко В.Н. Аналитические и синтетические способы выражения модальности в немецком языке // ИЯШ, - 1978. - № 4.
7. Солганик Г.Я. К проблеме типологии речи // Вопросы языкознания, 1981. - № 1.
8. Москальская О.И. Грамматика текста. - М.: Высшая школа, 1981.
9. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. - М.: Просвещение, 1969; Sommerfeldt K.-E., Starke G./Hrsg/. Grammatisch-semantische Felder der deutschen Sprache der Gegenwart. - Leipzig: Enzyklopädie, 1984.
10. Weinrich H. Sprache in Texten. - Stuttgart: Klett Verlag, 1976.
- II. Strittmatter E. Schulzenhofer Kramkalender. - Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1966.

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИЯ АТРИБУТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ С ПРЕДЛОГОМ "À" В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение эквивалентных прилага-
тельным способов характеристики предмета по
материалу свидетельствует о том, что наряду с
синтетическими единицами - вещественными прилагательными
/ВП/, современный французский язык широко использует экви-
валентные им аналитические конструкции /АК/ и адъективиро-
ванные существительные. Наиболее продуктивной является
предложение конструкция типа *de fer /couteau/, à pétrole
/lampe/, à gaz /cuisinière/, sans eau /désert/*. Субстан-
тивный смыслообразующий компонент АК характеризуется утра-
той категориального значения предметности. Он раскрывает
внутренне содержание понятия, названного определяемым че-
рез отношение к субстанции, не представленной в поле реаль-
ном бытия. Несоотнесенность существительного в функции оп-
ределения с отдельным предметом придает ему значение об-
общенности, препятствующее употреблению артикля. Это при-
водит к изменению именным компонентом модели "предлог +
существительное" своей функции и порождает особый вид
атрибутивных отношений между определяемым и определяющим-
атрибутивно-определятельными [Илия 1956, 199].

Современное языкознание не обнаруживает единства мнен-
ний по вопросу АК. Теоретические положения, выдвинутые от-
носительно их сущности и функционирования в языке, могли
бы быть обобщены следующим образом:

1. "Предлог + сущ." - аналитический эквивалент члена
предложения /В.Г.Гак, Л.И.Илия, Е.А.Реферовская/.

2. "Предлог + сущ." - аналитическая /падежная/ фор-
ма слова /К. де Бур, Е.Курилович, М.А.Бородина/.

3. "Предлог + сущ." - комплетивная группа, выступа-
ющая в функции прилагательного /Г.Гийом, Н.А.Шигаревская/.

4. "Предлог + сущ." - замкнутая транспонированная
структура, функционирующая как единое целое в значении

прилагательного, где предлог - показатель категориальной транспозиции /Ш.Балли, Л.Теньер, Ф.А.Третьяк/.

5. "Предлог + сущ." - деривационная категория, где предлог - словообразовательная морфема, синонимичная аффиксу, модификатор грамматического класса, обеспечивающий процесс синтаксической деривации /Э.Дюбуа, Л.Гильбер/.

6. "Предлог + сущ." - сложное лексическое образование, аналитический эквивалент прилагательного /М.Коэн, Г.К.Алексеева, Э.Н.Левит, Е.И.Салехова, Н.С.Холодкова/.

7. "Предлог + сущ." - преморфологическая единица /А.Н.Степанова/.

Эта пестрая классификация отражает сложную и противоречивую природу АК, обусловленную их промежуточным положением между единицами синтаксиса и лексики. Данная позиция вызывает двуплановость АК: по функции и по семантике они приравниваются к слову, т.е. характеризуется смысловым единством, тогда как по структуре уподобляются сочетанию слов /служебного и знаменательного/, т.е. являют собой расчлененное выражение грамматической категории признака. Многообразие подходов к АК не препятствует, однако, их единодушному признанию большинством исследователей функциональными эквивалентами цельноформленных прилагательных. Но при анализе АК некоторые лингвисты исходят преимущественно из синтаксической природы АК и рассматривают их как синтаксическую единицу, в которой предлог и существительное сохраняют свое категориальное значение. Подобная интерпретация АК представляется односторонней и неоправданной в силу наличия в языке сложных комплексов, компоненты которых частично или полностью утратили свои грамматические и парадигматические характеристики и выступают в общекатегориальном значении и функциях имен прилагательных.

По-новому, с точки зрения лексических категорий, подходят к АК такие языководы, как Ш.Балли, Л.Теньер, Г.А.Алексеева, Э.Н.Левит, Е.А.Салехова, Ф.А.Третьяк, Н.С.Холодкова. В нашем понимании АК исходит прежде всего из

теоретических позиций указанных авторов и считаем, что наряду с исторически сложившимся синтаксическими структурами модели "предлог + существительное" прочно вошли в язык и активно функционируют синонимичные им структурно-семантические комплексы, эквивалентные прилагательным.

В статье исследуются лишь атрибутивные сочетания вещественного признака с предлогом "à".^I

Модели "à + N" посвящены как специальные исследования /Е.Ухерек, Б.И.Бурбело/, так и многочисленные работы общего характера /А.Дармстетер, Л.Кледа, Л.Карлсон, У.Вандрушка, Л.И.Илия, Э.Л.Хлюпина и др./. Изучение лингвистической литературы и фактический материал показывают, что сущность указанных АК сводится к выражению трех основных отношений: выделяющего признака, назначения и инструментальных отношений. Рассмотрим каждый из указанных типов.

I. Структуры типа *le bonbon à la menthe, le café au lait*/всего 80 примеров/ характеризуют предмет одним из своих элементов, выражая тем самым отношение целого к части. М.Козн рассматривает их как *locutions adjectives* [Cohen 1963, 233 - 234]. Во французской лингвистике распространено мнение о N + N данного типа как о лексикализованных словосочетаниях. Однако наблюдения показывают, что *à + N* выделяющего признака по материалу не создают нечленимого смыслового единства с управляющим членом словосочетания и сохраняют свою семантическую и синтаксическую автономию. Последнее проявляется на синтагматическом уровне в способности группы находиться в дистантной позиции к управляющему существительному: *crème du jour au tilleul*. HD, 54-57; *les sols intérieurs, mis à part la cuisine et les salles de bain, sont à la chaux*. A, 399: I; допускать обособление: *Qu'est-ce que c'est, un masserain? Et à la crème, dit Camier. Mais naturellement*

I Об АК характеристики по материалу с предлогом "de" см. [2].

à la crème! s'écria Mercier. Bockott; стоять в препозиции: à poil long, la robe du saint-bernard est rûe rouge et mauve [Ucherek 1974, 58]. Исследуемые структуры оформляются, как правило, определенным артиклем /78 и 80 примеров/ независимо от характера детерминации управляющего существительного: la soupe aux pois chiches. Pal.: 335; une soupe aux oignons. Bockett: 39. Случаи нечленимой туры редки /2 примера/: un chapeau à plumes. Vêbert: 13; un manteau de fourrure à poil ras. HD, 12-77. Отсутствие артикля возможно в силу наличия оппозиции: un chapeau à plumes /sans plumes; un manteau à poil ras / à poil long [Ucherek 1974, 45].

2. Группы назначения модели à + N: une cuillère à soupe, moulin à café /всего 112 примеров/ образуют семантическое единство и структурно замкнутое целое в составе словосочетания, носящего терминологический характер. Смысловая спаянность компонентов словосочетания достаточно высокая, поскольку не допускается их разъединение вводом других элементов. Но как и предыдущие образования, данные словосочетания не обладают слитностью номинации: оба их компонента выступают в прямом номинативном значении. Однако в отличие от свободных словосочетаний идентичной структуры эти построения служат для выражения узусальной, а не окказиональной разновидности предмета, в силу чего используются как готовые номинативные единицы: une cuillère à soupe d'ammoniaque. HD, 32-76; boîte à pain en bois naturel. HC, 146:66. Степень семантической спаянности компонентов словосочетания исследуемого типа не одинакова. Наблюдаются образования, в составе которых зависимое существительное еще сохраняет некоторую самостоятельность: le four à charbon de bois. Kl: 34; une corbeille à papiers. Pal.: 57 - une corbeille à papiers. AA: 18. Промежуточным типом между АК выделяющего признака и назначения являются построения типа le pot à / l'eau; une boîte à / au lait; un panier à / aux fruits, которые конституируют в себе оба

указанных типа отношений, в силу чего допускают различное оформление зависимого компонента. АК с артиклем имеют тенденцию к исчезнованию [Uchorek 1974, 75].

3. Инструментальные АК модели $\hat{a} + N$ лексикализуются, как и предыдущий тип, одновременно с лексикализацией словосочетания в целом: machine à vapeur, fourneau à gaz /всего 55 примеров/. Спаянность компонентов данных образований слабее, чем в группах назначения. Словосочетания допускают разъединение своих компонентов: une chaudière modulaire à gaz. A, 399:1; les poêles à sciure ou à bois. Her: 298; Ce foyer de la lessiveuse peut être à bois ou à charbon [Uchorek 1974, 80]. Именной член АК может иметь уточняющие определения: une lampe à vapeur de mercure. ВЗСР, II:199I; un réchaud à gaz d'alcool. SG:105 или детерминативы /определенный артикль/: lampe à huile. H, 26-I-72- l'âge de la lampe à l'huile. H, 23-8-77; un brûleur à gaz. ITF, 6-2I-77- des expériences d'éclairage au gaz. Lanoux: I7.

Таким образом, далеко не все словосочетания модели $N \ a \ N$ образуют связанные, неделимые по смыслу структуры, какими обычно принято их рассматривать во французской лингвистике. Основу образований составляют группы узуальной разновидности, совмещающие в себе одновременно процессы субстантивации и адъективации. В их составе группа "предлог + существительное" образует семантическое единство и структурно замкнутое целое. Рассматриваемые словосочетания объединяют элемент адъективации и субстантивации: группа признака называет видовое отличие определяемого предмета и явления: à thé, à café /service/, тогда как словосочетание в целом используется как готовая номинативная единица терминологического характера. Кроме того, существуют многочисленные переходные типы, которые уже нельзя отнести к свободным словосочетаниям и еще нельзя считать вполне лексикализованными: le réchaud à gaz d'alcool - une chaudière mixte à gaz.

Разграничить же полностью свободные и лексикализованные образования не представляется возможным. Группы узальной разновидности являются промежуточным звеном, которое соединяет свободные и связанные структуры.

Литература

1. Илия Л.И. О грамматическом значении отсутствия артикля при существительном в современном французском языке // Уч. зап. I МГПИЯ, 1956.-Т.9.- С. 187 - 207.
2. Озолинь О.Л. Синтагматические и парадигматические характеристики безартиклевого существительного в современном французском языке // Контекстуальная семантика. - Рига: ЛГУ, 1982. - С. 92-102.
3. Cohen M. Nouveaux regards sur la langue française.- Paris, 1963.
4. Ucherek E. La préposition "à" dans le syntagme nominal en français contemporain.-Wrocław, 1974.

Сокращения

- HD - L'Humanité Dimanche, 1971-1977.
A - Architecture, 1976, N 395-399.
Beckett - Beckett. Mercier et Camier.-Paris, 1972.
Pal. - Charles-Roux E. Oublier Palerme.-Paris, 1969.
Bébert - Boyer F. Bébert et l'omnibus.-Paris, 1971.
HC - Heures Claires, 1977.
KL - Kessel P. Le lion.-Paris, 1969.
AA - Aragon L. Aurélien.-Paris, 1944.
Her. - Hériat P. Les grilles d'or.-Paris, 1957.
BSCF - Bulletin de la Société Chimique de France, P. 2, Chimie moléculaire.-Paris, 1976.-N 9-12.
SG - Simenon G. La guinguette à deux sous. Paris, 1969.
H - L'Humanité, 1971-1977.
ITF - Bulletin scientifique de l'Institut textile de France.-Paris, 1976.-V.5.-N 17-20; 1977.-V.6.-N 21.
Lanoux - Lanoux A. Bonjour, Monsieur Zola.-Paris, 1962.

РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЫ В ИСТОРИИ НОРМИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ "ФИЛОСОФИИ РИТОРИКИ" ДЖ.КАМБЕЛА)

История языка складывается из многих факторов, одним из них является осознанное воздействие человека на язык. Изучение именно этого фактора имеет особое значение для преподавателя иностранного языка, вся его деятельность связана с историей осознанного, целенаправленного воздействия на язык. Так преподавая, к примеру, английский язык как иностранный, мы учим языковой норме и стилистическим нормам определенного функционального стиля речи, т.е. мы учим результатам некоторого отбора, за которым стоит нормотворческая деятельность поколений английских филологов. В ригоризме учителя иностранного языка звучит ригоризм этого отбора. Более того, сама техника преподавания языка — один из результатов этого отбора, и история методики преподавания языков — наглядное тому подтверждение. Так, и языковые упражнения, и транскрипция, и запись модуляции голоса, и учебный словарь, во многом филологические открытия нормализаторов языка 18 века, зачастую и не предполагавших, что их опыт преобразования и стандартизации родного языка послужит образцом для преподавания английского языка как иностранного. Настало время, когда к этому арсеналу учебных средств и приемов можно присоединить еще один вид педагогических рекомендаций — это рекомендации, разработанные авторами английских риторик 18 века.

"Возвращение риторики" — так броско, но справедливо озаглавлено предисловие к русскому переводу книги бельгийских исследователей "Общая риторика" [Авеличев 1986, 5-25]. Наблюдаемое в последние 20 лет "возвращение риторики на авансцену современной науки" побуждает "современных исследователей все чаще обращаться к полузабытым (а порой и полностью забытым) текстам прошедших эпох" [Авеличев

1986, 6-7]. В данной статье пойдет речь об одном из таких "полузабытых текстов" 18 столетия - "Философии риторики" Дж.Кембела (издана впервые в 1776 году). Пришло время и для этого текста, ему несомненно предстоит сказать свое слово в новом обращении филологии к традиционной риторике.

Это обращение имеет свои объективные причины: современная филология должна дать адекватную филологическую интерпретацию текстов массовой информации [Безменова 1986, 82], этот новый вид текста нуждается в особой теории речевой деятельности [Рождественский 1986, 7-45; Рождественский 1984, 3-26]. На создание общей теории речевой деятельности претендовала в свое время классическая риторика, вполне естественно, что к ее наследию обратились филологи нашего времени. Обращение оправдано: ни у одной из современных теорий речевой коммуникации нет таких преимуществ - такой солидной культурно-исторической основы [Безменова 1986, 83], такого богатого опыта в нормировании общественно-речевой практики [Рождественский 1984, 5]. В контексте этого обращения к риторике работа Дж.Кембела обретает новый смысл: именно это сочинение сказало в англоязычной риторике связующим звеном между классическими риториками античности и риториками новейшего времени, именно в "Философии риторики" был сделан так поворот к общей теории дискурса, который разрабатывается в неориторических изысканиях последнего времени [Гиндин 1986].

"Философия риторики" - сочинение, связанное своим культурно-историческим пафосом с эпохой Шотландского возрождения [Lehman 1971, 12-13], это одно из оригинальнейших сочинений своего времени, известного одновременно и как расцвет шотландской школы риторики [Williams 1897], и как упадок и вырождение риторики в целом. В данной статье из этого сложного по замыслу и композиции сочинения будет разобран лишь один фрагмент. Речь идет о рекомендациях Дж.Кембела по выбору языковой формы, эти рекомендации касаются тех случаев, когда в языке есть конкуриру-

ные варианты, и говорящий стоит перед проблемой выбора; они приводятся во второй книге "Философии риторики" под названием "canons of usage" - каноны употребления [Campbell 1849, 178 - 192].

Каноны Кэмбела суть предписания, которыми рекомендуется следовать при "отбраковке" языковых форм, они показательны и как попытка осознанного воздействия на выбор языковых форм, и как образец определенного лингвистического вкуса. Следуя этим рекомендациям, ритор добивается того, что в риториках того времени определялось как неотъемлемые качества красноречия: чистота, ясность и изящество (purity, perspicuity and elegance) [Campbell 1489, 176]. С канонов начинается у Кэмбела работа ритор над словом. Всего канонов 9, их последовательность существенна, ибо отражает значимость каждого критерия в процессе "отбраковки" форм.

Итак, канон 1: следует отдавать предпочтение форме, у которой в данном употреблении то же одно грамматическое значение (например, форма have gotten предпочтительнее формы have got ибо got может служить еще и формой претерита). Канон 2: из двух форм следует выбрать ту, которая не нарушает принципа аналогии (так afterwards следует предпочесть afterward). Канон 3: выбор следует делать в пользу более благозвучной формы (так delicacy благозвучней delicateness). Канон 4: краткость и простота предпочтительны (asserpt более экономичная форма, чем asserpt of) . Канон 5: если не срабатывает ни один из предыдущих критериев, выбор делается в пользу более традиционной формы (так jaal следует предпочесть goal). Канон 6: избегая неудобопроизносимые слова, не следует употреблять: а) дериваты многосложных слов типа unsuccessfulness), б) слова со скоплением согласных в безударных позициях (типа questionless), в) слова с большим количеством безударных слогов (типа vindicative), г) слова со схожими слогами (типа villily). Канон 7: следует избегать

употребления дериватов, противоречающих исконному значению корня (форма слова unloose затрудняет понимание его значения, лучше употребить tie). Канон 8: следует избегать употребления устаревших слов (типа "a most pint" , разумнее сказать "a disputable pint"). Канон 9: не следует злоупотреблять фразеологическими сочетаниями, их употребление часто сопровождается смысловыми нелепицами и неточностью (в этом каноне у Дж.Кэмпбела большой разбор в подборке примеров: в качестве фразеологических сочетаний фигурируют и сложные модальные предикаты типа I had rather do such a thing вместо I would... и вызывающее у Кэмпбела возражение слова empty в сочетании "a river empties itself...", он рекомендует "river falls into the sea" - "река впадает в море").

Эти девять канонов предваряются Кэмпбелом рассуждениями о природе языка и о критериях языковой правильности: язык для Кэмпбела есть принятая людьми условность, а грамматика - запись обобщенных наблюдений над употреблением этих условных знаков. Поскольку связь между звуком и смыслом чисто условна, то нет и не может быть ни грамматических законов, ни их нарушения [Campbell 1849, 165]. Всякая общепринятая условность оправдана, и грамматист и ритор имеют дело исключительно с common usage, т.е. с общепринятым обычаем, не подлежащим никакой санкции. Этот обиход - general usage и выдвигается Кэмпбелом как главный арбитр в выборе формы.

Понятие general usage ключевое понятие эмпирических грамматик 17 - 18 вв., исходивших в кодификации языка из теории "обычая" (usage) [Ярцева 1969, 187]. Теория "обычая", как показывает реальная история речи, декларировалась как ориентир нормотворческой деятельности, однако на практике последовательно не применялась [Ступин 1978, 52-53], поскольку заключала в себе неизбежное противоречие: нельзя ответить на вопрос правильно или неправильно мы говорим, если исходить из того, что язык - чистая условность и ориентироваться на общепринятый обиход.

Нормативную грамматику при таком подходе к языку не написать, а "обычай" - понятие слишком диффузное. Декларируя общепринятость языковой формы в качестве критерия истинности и отказавшись от идеи грамматической правильности, Кэмбел выходит из этого чреватого противоречиями положения, предложив в качестве критерия оценки *taste* - вкус [Campbell 1849, 184]. Итак общепринятость употребления еще не гарантия безупречности формы, язык - средство весьма несовершенное, в нем часто встречаются формы, хотя и общепринятые, но неблагозвучные. Вкус же, проявление которого попытался систематизировать в своих "канонах" - Кэмбел, может послужить надежным ориентиром всякого, кто стремится в своей речи к риторическому идеалу простоты и эlegantности [Campbell 1849, 197].

Вкус (*taste*) - одно из понятий актуальных для английской риторики 18 века, оно обсуждается во всех ведущих риториках того времени [Blair 1785] однако только у Кэмбела это понятие сопряжено с систематизацией набора требований, выдвигаемых лингвистическим вкусом. Эти требования, как показывают каноны, касаются всех уровней языкового знака: фонетического, морфологического, синтаксического и фразеологического, и на каждом уровне выдвигается критерий, способствующий, по замыслу Кэмбела, более совершенному оформлению содержания речи. Так фонетический вкус противится скопленю согласных и безударных слогов (канон 6), грамматический избегает форм, обремененных несколькими грамматическими значениями (канон 1) или противоречащих принципу аналогии (канон 2) и лингвистической экономии (канон 4), вкус в морфемике предписывает простые, благозвучные и не противоречащие логике сочетания морфем (каноны 3, 4, 6, 7). Употребление всех этих уже "отобранных" благодаря хорошему вкусу форм не должно нарушать устоявшихся традиций и, в то же время, не грешить архаичностью.

В следовании вкусу, как известно, мера - прежде всего, даже благозвучие сверх меры может оказаться губительным. Автор "Философии риторики" предупреждает против этого

своих читателей, так, выступая против кампании, развернувшейся в 18 веке вокруг неблагозвучного скопления согласных, образованных выпадением гласного в словах типа *grudg'd* Кэмбел пишет: на английский слух такие слова все равно что говядина с пивом для английского желудка, он привык к простой пище, и ему чужда изысканность изощренной кухни [Campbell 1849, 186]. Излишняя строгость вкуса может привести к тому, что язык лишится доброй половины своих слов, погоня за элегантностью часто выхолащивает речь, что и случилось, по мнению Кэмбела, с французским языком, пострадавшим от чрезмерных усилий членов Французской академии.

Каноны Кэмбела, по его собственному признанию - одна из первых попыток в Англии систематизировать осознанное отношение к выбору языковой формы [Campbell 1849, 174], эти каноны способны облегчить работу ритора, поскольку следуя им, ритор воспитывает свой лингвистический вкус: он знает, каких форм ему следует избегать, чтобы не лишить свой слог чистоты и ясности. Воспитание вкуса, как известно, было одной из насущных проблем эстетики эпохи Просвещения, и Кэмбел решает эту проблему в рамках своего материала: он воспитывает лингвистический вкус своих читателей, рекомендуя им не употреблять "безвкусные" формы.¹

В формировании критически осознанного отношения к речи Кэмбел и видит культуротворческую миссию филолога - Вкус развивается в ходе развития языка и культуры неосознанно, однако критика способна сделать этот процесс осознанным и контролируемым. Более эффективна в этом случае

¹ Этот аспект воздействия риторики, к созданию, почти не изучен, между тем "культурный диапазон влияния риторики, в особенности в 17 - 18 вв. огромен: формирование языкового сознания нации, этикета, литературно-художественного вкуса, осуществлялся не без воздействия риторических идей [Безменова 1985, 100].

сила рекомендательной цензуры критика, запретительная цензура грамматистов такого эффекта не дает, запрет к тому же неприемлим для Дж.Кэмбела (хотя бы в виде теоретического постулата), поскольку он остается сторонником реалистического эмпиризма в грамматике и не посягает на непогрешимость обихода.

Интересно, что канонам Кэмбела свойственен чисто риторический пафос: они действуют как и призвано действовать красноречие — силой своего убеждения. Убеждающая сила (*persuasion*) рекомендации канона воздействует на языковое сознание и внушает критическое отношение к "плохим" формам ("the obnoxious words") [Carr-Saunders 1849, 185].

"Философия риторики" ничего не запрещает, но она настоятельно рекомендует. На этот риторический ход Кэмбел идет совершенно сознательно, его каноны написаны не только с позиций ратора, но и сами являют собой образец риторического воздействия. Этим "Философия риторики" и интересна для истории английской филологии, в ней мы встречаемся с риторически продуманным воздействием на процесс нормирования речи, причем не только суть этого воздействия, но и приемы его подачи ведутся по законам риторики, которая прежде всего есть искусство убеждения (*art of persuasion*).

Несколько слов о лингвистическом обосновании канонов Кэмбела: эти каноны — компромисс нескольких теорий нормативности; и компромисс этот оправдан, ибо, как показывает реальная история любого языка, даже такой конкретный для нормирования языка случай как вариантность и связанная с нею необходимость сделать выбор в пользу этого или иного варианта, не может вестись согласно критериям какой-нибудь одной теории нормы; например, теории всеобщего узуса или теории литературного авторитета^I, слишком велико функцио-

^I Л.П.Ступин выделяет 6 типов теорий языковой нормы: теория правил, теория языковой эффективности, теория терминологического авторитета, теория литературного авторитета, теория языковой обусловленности, теория всеобщего узуса [Ступин 1979, 12 - 22].

нально - стилистическое разнообразие языка. Компромисс Кэмбела, несмотря на его кажущуюся противоречивость, более ограничен, чем прямолинейное следование любому постулату. В 9 канонах Кэмбела представлена та совокупность критериев, которая учитывается общественно-речевой практикой любого литературного языка. Выбор формы предполагает довольно сложную, а порой и непредсказуемую манипуляцию одновременно всеми критериями. При выборе варианта учитывается и благозвучие, и смысловая непротиворечивость, и языковая эффективность [Ступин 1979, 14], и подчинение принципу аналогии, на все эти критерии накладывается в свою очередь санкция сложившегося речевого обихода и требования, обусловленные чувством языкового времени. Вариант может отвечать лишь нескольким критериям, он может остаться в словарном нормативе и вопреки канонам Кэмбела - так остались в английском языке забракованные им формы: *delicatness*, *questionless*, *unloose*, *most case*, *extempore* (в значении прилагательного), *empty* (в употреблении "a river empties itself into the sea"). В реальной социально-речевой ситуации действует сразу несколько нормативных критериев, и в каждом конкретном случае решающее значение может иметь любой из этих критериев или любая комбинация из этих критериев. Некоторая произвольность и непредсказуемость того, на долю какого критерия выпадает роль арбитра в решении судьбы каждой языковой формы, мно-

I Чаще всего порицалась непоследовательность филологов прокламировавших теорию узуса (*general usage* у Кэмбела) - в тех случаях, когда им приходилось дать оценку существующему употреблению: критерий выбора или хотя бы оценки тут неизбежен, а это влечет за собой осуждение обихода. Отсюда и такие суждения как вывод С.Леонарда: "Философия риторики" Кэмбела есть поразительная иллюстрация того, как ориентация на обычай (узус) привела в 18 веке к полному отказу от этого "обычая" [Leonard 1929, 165].

гообразии направлений, в которых проявляет себя жизнь языковой стихии, и создает ту двойственную ситуацию, когда филолог, как это делает Кэмбел, вынужден объявить арбитром узус (обиход), а параллельно ввести дополнительные критерии, которые исходят из совершенно иных нормативных установок; например, из представления об идеале языковой формы как логически непротиворечивой и отвечающей принципам языковой экономии - на основе именно этих критериев строятся рекомендации 1 и 4 канонов Дж.Кэмбела.

"Canons of usage" риторики Кэмбела находятся как бы в отношениях контрастно-дополнительной дистрибуции, тем самым, находясь между собой в этих дистрибутивных отношениях, они дают узусу (*general usage*) различительные признаки, на основании которых вырабатывается осознанно-критическое отношение к языку, причем существенно следование именно всей совокупности признаков. То, что далеко не всегда срабатывают именно все критерии (т.е. "забракованное" слово останется в языке), еще не значит, что эти критерии не имеют рекомендательной силы; они дают ориентир критической оценки, и в этом ценность этих рекомендаций для преподавателя иностранных языков. Ни в чем так не нуждается всякий изучающий иностранный язык, как в знании оценочных критериев своей речи, для освоения языка они важны в меньшей степени, чем знание предписаний нормативной грамматики. Языковая компетенция нуждается не только в различении правильного и неправильного, но и в различении "плохого" и "хорошего". Пользуясь теми ориентирами различения "плохого" и "хорошего", которые даны в канонах Кэмбела, следует, однако, учитывать их культурно - историческое своеобразие: каноны построены в традициях приемов риторического убеждения и направлены на воспитание определенного эстетического идеала лингвистического вкуса. И мотивация, и образлиние лингвистических представлений, которые легли в основу этих канонов, несомненно дань своей эпохи.

Литература

1. Авеличев А.К. Возвращение риторики. - В.Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. - М., 1986. - С.5 - 22.
2. Безменова Н.А. Краткая история французской риторики (16 - 20 вв.): Дис. ...канд.филол.наук. - М., 1985. С.255.
3. Безменова Н.А. Массовая информация в свете "отраженной риторики">//Роль языка в средствах массовой коммуникации. - М., 1986. - С.82 - 99.
4. Гиндин С.М. Риторика и проблемы структуры текста. - В.Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. - М., 1986 - С. 355 - 366.
5. Рождественский Ю.В. Актуальные проблемы социалистической советской риторики//Риторика и стиль. - М., 1984. - С.3 - 26.
6. Рождественский Ю.В. Проблемы влиятельности и эффективности средств массовой информации//Роль языка в средствах массовой коммуникации. - М., 1986. - С. 7 - 45.
7. Ступин Л.П. Проблема нормативности в истории английской лексикографии (15 - 20 вв.).-Л. 1979. - С.164.
8. Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. - М., 1969. - С.285.
9. Blair H. Lectures on Rhetoric and Belles Lettres. - Ind., 1785. - 3 vls.
10. Campbell G. The Philosophy of Rhetoric. - N.Y. 1849.,
11. Leonard S.A. The Doctrine of Correctness in English usage, 1700 - 1800- Madison, 1929.
12. Lohman W.C. Henry Home, Lord Kames, and the Scottish Enlightenment. - the Hague, 1971.
13. Williams A.M. the Scottish School of Rhetoric. - Ind. and Glasgow, 1897.

О РЕФЛЕКСАХ КРАТКИХ СЛОГООБРАЗУЮЩИХ В ГЕРМАНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, рефлексы слогообразующих в германских и балтийских языках рассматриваются в настоящее время одними исследователями как специфическая ареальная изоглосса, противопоставляющая эти языки /вместе со славянскими/ остальным индоевропейским /и.-е./ языкам [Дябо 1961, 28; Иванов 1979, 29], другие же считают, что двойные рефлекс и.-е. $r > ir$, ur характерны только для балто-славянских языков, т.к. нигде больше не встречаются [Эндзелин 1974, 346; Зинкявичюс 1984, 115].

Если посмотреть в сводные таблицы, отражающие рефлекс слогообразующих в различных и.-е. языках [Савченко 1974, 77 - 78; Семереньи 1980, 60; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 198 - 199], то окажется, что картина вырисовывается весьма пестрая и противоречивая. Бросается в глаза неразличение рефлексов кратких и долгих слогообразующих или весьма произвольное их выявление. А ведь наличие двух рядов, кратких и долгих, слогообразующих было доказано еще в конце прошлого века, и исследователи /правда, скорее теоретически, чем практически/ согласились с этим фактом [Фортунатов 1956, т.1, 243]. Необходимо подчеркнуть еще один момент: в более чем столетней истории изучения слогообразующих фактически никто не проводил целенаправленного системного исследования этого большого комплекса проблем не широком и.-е. фоне. Все достижения в этой области связаны с именами Г.Остхофа, К.Бругмана, Ф.де Соссюра и Ф.Ф.Фортунатова, т.е. с прошлого века установился и закрепился подход к теории и.-е. слогообразующих, который сегодня уже вряд ли может быть полностью приемлем, поскольку проблемы реконструкции фонетической /и грамматической/ системы праязыка на различных этапах его развития приобретают

первостепенное значение в современной и.е. языкознании вследствие того, что реконструкции, сделанные в 19 веке и первых десятилетиях двадцатого, не удовлетворяют современное языкознание [Савченко 1973, 135].

Общепризнанными рефлексами кратких слогообразующих в балтийских языках являются реконструкции Ф.Ф.Фортунатова, из которых следует, что и.-е. $\bar{f} > \bar{i}r, \bar{u}r, \bar{l} > \bar{i}l, \bar{u}l, r > i\bar{r}, u\bar{r}, \bar{l} > i\bar{l}, u\bar{l}$ [Фортунатов 1956, т. I, 247]. Главным различием в рефлексах кратких и долгих слогообразующих, по Ф.Ф.Фортунатову, является противопоставление интонаций циркумфлекса и акута, причем акут является маркированным членом данной бинарной оппозиции. Кроме того, интонация акута играет громадную роль в становлении подвижной акцентной парадигмы в балтийских языках, что следует из закона Фортунатова-Соссира о переносе ударения [Соссира 1976, 620].

Однако возражения вызывает то обстоятельство, что разные интонации проявляются в абсолютно одинаковых позициях. Со счетов сбрасывается также и такой фактор балтийской акцентологии как метатония, которая, по мнению Ф. де Соссира, "играет очень важную роль в теории интонаций и составляет одну из самых обширных и трудных глав" [Соссира 1976, 602].

Исходя из этих соображений представляется целесообразным уточнить рефлексы кратких и долгих слогообразующих в балтийских языках. Для вокализации краткого слогообразующего, помимо интонации циркумфлекса, характерно обязательное наличие гласного, развившегося перед бывшим слогообразующим. В балтийских языках такими гласными выступают i или u [Фортунатов 1956, т. 2, 33]. В германских языках постулируется гласный u [Прокош 1954, 36], хотя некоторые ученые отмечают и наличие гласного i . Вообще же проблема и.-е. слоговых очень запутана, т.к. соответствия весьма неопределенно отражают и.-е. слогообразующие в разных языках [Савченко 1974, 76 - 80].

Мы предлагаем отнести к рефлексам кратких слогообра-

звущих в балтийских языках все случаи, содержащие гласный перед бывшим слогаобразующим, независимы от интонации. Такой подход к решению данной проблемы возможен, если опираться на замечание В.Дыбо о гипотетической реконструкции балто-славянских акцентов [Дыбо 1981, 263]. Тогда не может быть возражений против причисления к рефлексам кратких слогаобразующих в балтийских языках не только $r > i\tilde{r}, u\tilde{r}$ но и $r > i\tilde{r}, \tilde{u}r$ т.е. с интонацией акута. Действительно, на основании чего считать лит. *vilkti* "тащить" рефлексом $\bar{l} > i\tilde{l}$, а *vilna* "шерсть" - рефлексом $\bar{l} > i\tilde{l}$? Следующие примеры свидетельствуют о том, что все рефлексы с гласным i , независимо от современного обозначения интонаций, отвечают данному требованию и могут быть причислены к реализации краткого слогаобразующего: лит. *viltis* "надеяться", *vingis* "изгиб", *vinkėna* "вяз", *virdis* "жердь, балка", *virkti* "свертываться", *virpinti* "заставлять колебаться", *virzėis* "вереск" и др. [Либерис 1971, 857 - 861].

Данные германских языков подкрепляют это предположение, т.к. почти всегда в этимологически родственных словах балтийскому сочетанию *ir* соответствует германское *ur*:

и.-е.	Балт.	герм.
* <u>ur</u> g-	лит. <i>virzėis</i> "вереск" лтш. <i>vifza</i> 'ein Unkraut im Getreide	двн. <i>wurgen</i> "душить" др.-сев. <i>virgill</i> , <i>urga</i>
* <u>ul</u> n-	лит. <i>vilna</i> "шерсть" лтш. <i>vilna</i>	др.-сакс. <i>wull</i> "шерсть"
* <u>ur</u> dh-	лит. <i>virdis</i> "жердь для развешивания" лтш. <i>virdze</i> 'eingroBer Haufe;	др.-сакс. <i>wurd</i> <i>Schicksal</i> , <i>Tod</i> '
* <u>ur</u> k-	лит. <i>virsti</i> "свертывать- ся"	герм. <i>wirk-</i> , <i>wurk-</i>

		др.-сакс. <i>wirkian</i>	
		гот. <i>waurkjan</i> 'tun'	
* <u>urp-</u>	лит. <i>virpinti</i>	нем. <i>Wurf</i> "бросок"	
	"заставлять	др.-англ. <i>wurg</i>	
	колебаться"	"то же самое"	
	лтш. <i>virpināt</i> 'kreisen		
	lassen'		
* <u>urt-</u>	лтш. <i>viřst</i> 'werden	др.-сакс. <i>wurt</i> 'Wurzel'	
	лит. <i>viřsti</i> 'umfal-	нем. <i>Wurst</i>	
	len; werden' "валить-	"колбаса"	
	ся; превращаться"		
* <u>urm-</u>	лтш. <i>virma</i>	др.-англ. <i>wurma</i>	
	"das Vibrieren"	"червь"	
		др.-фр. <i>wirm</i>	

Из таблицы следует, что в германском ареале имеются случаи, когда вместо рефлекса *ur* выступает *ir*. Это касается одного из древнефризских диалектов, в котором существуют, например, и такие лексемы с огласовой *i* как *wira* 'Lippe', *wirtha* 'werden', *wirka* 'arbeiten', *wirk* 'werk', *wiri* 'Wehre, Verteidigung', *virgia* 'erwürgen; wird 'Wert', *Wirsene* 'Runzel' наряду с *were*, *werka*, *werk*, *were*, *wergia*, *werth*, *wersene*

[Рихтхофен 1970, II58 - II59] с теми же значениями.

Особенно показательна парадигма склонения др.-фризск. *word*, *werd*, *wird* "слово", в формах которого встречаются *e*, *o*, *i* в огласовке корня

ед.ч.

мн.ч.

им.	<i>wird</i>	<i>wird</i>
род.	<i>wirdis</i>	<i>wird</i>
дат.	<i>worde/wird</i>	<i>wordum, -em, werden</i>
вин.	<i>word, werd, ord</i>	<i>word, wirde, wird, werden</i>

[Рихтхофен 1970, II59].

Исследователи полагают, что *e*, *o* возникли под позднейшим немецким влиянием [Клуктснко, Двухшилов 1984, 15].

Поразительно, что из балтийских языков лишь древнерусский язык имеет ту же огласовку, что и древнефризский,

ср. др.-пр. *wirdis* и др.-фр. *wird* "слово". В других балтийских языках наблюдается огласовка *a*, происхождение которой неясно: лит. *vaĩdas* "имя; название", лтш. *vārds* "слово, имя".

Этот пример, в частности, свидетельствует о том, что необходимо комплексное исследование лексики германских и балтийских языков для адекватного установления рефлексов кратких слогообразующих, т.к. обе языковые области дифференцированно отражают это явление.

Примечателен тот факт, что на материале и.-е. **neg-* "гнуть, крутить" и его фонеморфологических вариантов, к которым восходит очень обширный и древний пласт лексики, не обнаружено в балтийских языках рефлексов с гласным *u*. Это подтверждает мнение Я.Эндзелина о том, что в балтийских языках *u* не связано с слогообразующими [Эндзелин 1974, 184-185]. Однако на материале других корней рефлекс *ur* прослеживается. Этот факт требует дальнейшего исследования.

Вообще вопрос о расследовании гласных, возникших в результате вокализации кратких слогообразующих, еще далек от окончательного решения. Об этом свидетельствует множество теорий и объяснений [Фортунатов 1956, т.2, 33; Эндзелин 1974, 184 - 185; Савченко 1974, 120; Журавлев 1969, 114 - 115; Зинкявичюс 1984, 83].

Не отражает ли вокализация слогообразующих в германских и балтийских языках этническую разнородность этих двух континуумов? Древнепрусский язык является западнобалтийским языком, носителей которого, наряду с куршами, ятвягами, Жемайтами, латгалами причисляют к протобалтам [Латв. сов.энциклоп. 1981, 654]. Эндзелин читал, что различия между западнобалтийскими и восточнобалтийскими языками настолько велики и значительны, что вряд ли возможно говорить о некогда едином прабалтийском языке. Эндзелин допускает, правда, чисто теоретически, что тот и.-е. диалект, из которого впоследствии развился прусский язык, был примерно одинаково близок как тому диалекту, из которого впоследствии образовались германские языки, так и тому и.-е. диалекту,

на основе которого возникли восточнобалтийские языки. Однако позже, вследствие географического отделения германских предков от предков древних пруссов, последние сблизились с восточными балтами, оказавшимися их непосредственными соседями [Эндаелин 1979, ч. I, 542 - 551]. Эта точка зрения сближается и с мнением В.Чекмана, который предполагает, что разные гласные образовались как следствие смешения разных и.е. диалектов [Зинкявичус 1984, 83]. Данные антропологии тоже однозначно подтверждают различия между западными и восточными балтами, кроющиеся в их происхождении [Денисова 1975, 1977].

Подводя предварительные итоги, можно сказать, что адекватно распознанные рефлексы как кратких, так и долгих слогообразующих должны внести ясность во многие актуальные проблемы современной теории и.-е. корня и его структурных /фономорфологических/ вариантов, а также уточнить отношения между балтийскими и германскими языками.

Литература

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы.-Тбилиси, 1984.-Ч. I.
2. Денисова Р.Я. Антропология Р.Я. Антропология древних балтов.-Р., 1975.
3. Денисова Р.Я. Этногенез латышей.-Р., 1977.
4. Дыбо В.А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания. - 1961.-Вып.5.
5. Дыбо В.А. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском.-М., 1981.
6. Жлуктенко Ю.А., Двухкилов А.В. Фризский язык.-Киев, 1984.
7. Куравлев В.К. О внутренних причинах появления фонетических дублетов // Этимология, 1967. - М., 1969.
8. Иванов Вяч.Вс. Лингвистическая проблематика этногенеза славян в свете отношений славянского к балтийским и дру-

гим индоевропейским языкам //Комплексные проблемы истории и культуры народов центральной и юго-восточной Европы. - М., 1979.

9. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков.- М., 1954.
10. Савченко А.Н. Проблема системной реконструкции пра-языковых состояний /на материале балтийских и славянских языков/ // Baltistica . - 1973 IX/2/. - С.135 - 150
11. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков.-М., 1974.
12. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание.-М., 1980.
13. Соссюр, Ф.де. Труды по языкознанию.-М., 1977.
14. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды.-М., 1956. - Т. I-2.
15. Эндзелин Я. Славяно-балтийские этюды. Избранные труды в 4-х т. - Рига, 1979.
16. Latvijas padomju enciklopēdija.-R., 1981, I.sēj.
17. Lyberis A. Lietuviu-rusu kalbu žodynas.-Vilnius, 1971.
18. Milēnbachs K., Endzelīns J. Latviešu valodas vārdnīca. R., 1929. - 1932., IV.sēj.
19. Richthofen, Karl Freiherr von. Altfriesisches Wörterbuch.-2.Neudruck der Ausgabe Göttingen 1840.-Scientia Verlag Aalen, 1970.

Смитена М.Э. /Рига/

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Явления синтаксиса в настоящее время привлекают внимание многих исследователей, занимающихся спецификой стихотворной речи (Об основных направлениях в исследовании синтаксиса поэтической речи см. Акимова 1977, 97 - 98). На материале русского языка уже разработана синтаксическая типология поэтических текстов [Ковтунова 1986].

Стихотворная речь имеет свои отличительные признаки, вытекающие из самой природы стиха, среди которых важнейшими в отношении формы является ритм, рифма, строфичность. "Стих - это особенным образом организованный язык" [Жовтис 1985, 67].

Изучение строения поэтических текстов возможно не только с позиций собственно стихотворных особенностей, но и синтаксических. Свообразными единицами поэтического синтаксиса еще с времен античных грамматик считались вопросительные предложения. Однако лингвистическое описание вопросов в немецкой поэзии практически отсутствует, если не считать некоторые замечания о стилистической значимости вопросительных предложений, встречающиеся в стилистической грамматике В. Шнейдера [Schneider 1959]. Не подвергались специальному анализу и коннотативные значения вопросительного предложения в структуре поэтического текста немецкого языка.

В статье выявляются коннотативные значения вопросительного предложения в тексте поэтического произведения.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу коннотативных значений вопросительного предложения, следует выяснить содержательные и формальные черты лирики, обуславливающие употребление в ней вопросительных предложений.

Особенность лирики в отличие от других литературных жанров - прозы и драмы - состоит в чувственно-конкретном отображении действительности, в особой субъективности повествования. В лирическом произведении изображение обычно дается не как внешнее по отношению к автору, а как непосредственное его переживание.

Главным содержанием лирики является эмоциональная сторона человеческой жизни, духовный мир человека, его отношение к жизни, мысли и чувства автора, вызванные явлениями внешнего мира.

Преимущественно эмоциональный характер лирики не оз-

начает, что поэзия ограничивается только изображением психических состояний и переживаний человека. В поэзии могут изображаться также вещи и предметы, общественные события и многое другое, но вся окружающая действительность воспринимается через призму лирического героя. "Лирическое стихотворение - как тематически, так и в своем построении - отражает при этом особое, предельно напряженное состояние лирического героя. ... которое уже в силу своей природы, "по заданию" не может быть длительным" [Сильман 1977, 6].

Таким образом, сама жанровая специфика лирики уже предопределяет ее эмоциональную насыщенность, сложность и глубину содержания, а с другой стороны, минимум информационно-повествовательного материала и максимальную краткость и лаконизм высказывания.

Введение в структуру стиха вопросительных предложений связано с необходимостью достичь большей силы эмоционального воздействия на читателя: вопросы не только побуждают читателя активно мыслить, но и сопереживать с поэтом. Процесс мышления в целом неразрывно связан с эмоциональной сферой сознания, ибо, по словам В.И. Ленина, "без человеческих эмоций никогда не бывало, нет и быть не может человеческого познания истины" [Полн. собр. соч., т. 25, 112].

Само неведение, выражаемое вопросом и требующее разрешения, представляет собой специфическое эмоциональное состояние, вследствие чего вопросительное предложение в той или иной мере всегда является эмоциональной формой высказывания. С вопросом сочетаются многие чувства, начиная с сомнения, озабоченности, удивления и кончая ужасом, потрясенностью, испугом, возмущением [Аттап 1928, 182].

Итак сигналом и качеством стихотворной речи является эмоциональность, а вопросительные предложения связаны с выражением эмоций. Поэтому в творчестве поэтов разных исторических эпох и литературных направлений наблюдается сравнительно высокая частотность употребления вопросительных предложений. Уже в названиях многих стихотворений содержится слово "Frage", например, M. Zimmering "Fragen und

Antworten", E. Mörike "Frage und Antwort", B. Brecht "Fragen", B. Brecht "Fragen eines lesenden Arbeiters", Eva Strittmatter "Frage" (одинаковое заглавие встречается дважды: в сборнике "Ich mach ein Lied aus Stille", S. 35, и в сборнике "Die eine Rose überwältigt alles", S. 127), или же заглавия стихотворений сформулированы как вопрос, например, B. Brecht "Wer aber ist die Partei?", B. Brecht "Und was bekam des Soldaten Weib?", E. Kästner "Wieso warum?", J. R. Becher "Wann?" и др.

В поэзии вопросительное предложение не может реализовывать свое основное коммуникативное задание - запрос об информации выражения различных коннотативных значений, понимаемых нами как разнообразные созвучия вопроса, имплицитно выражающие эмоциональное состояние отправителя информации (автора) или его отношение к описываемому.

При анализе коннотативных значений вопросительного предложения в поэзии мы опираемся на постулированные Р. Х. Вольперт четыре типа контекста:

- Г → Т → (единица и контекст равнонаправлены);
- Г ↔ Т (единица и контекст разнонаправлены);
- Тг (в контексте систематически употребляются одни и те же единицы или регулярно чередуются разные единицы);
- ЛГт (лексико-грамматическая единица выделяется на фоне контекста) [Вольперт 1979, 124 - 125].

Анализ употребления вопросительных предложений при взаимозависимости Г → Т →, т.е. в таком контексте, где некоторые средства лексического, морфологического и интонационно-синтаксического уровня своими значениями эксплицитно или имплицитно поддерживают коннотации вопросительного предложения, показал, что в данном случае употребляются ВП типа:

- Авт. Авт. (автор обращается сам к себе), например:
Ich suchte mich. Wo ging ich verloren?
Ich irrte hungernd umher.
Es piff ein Wind. Ich spitzte die Ohren.

Der Hunger hat mir manches gelehrt.

(Becher, IO7)

Определить адресата вопроса можно не только по общему содержанию стихотворения, но и по языковым маркерам: местоимениям "ich", "du", вводным предложениям типа "Ich frage mich...", "ich denke...", например:

Wirst du noch die Zeit erreichen?

Wo liegt sie, die andre Zeit?

Alles wird zum Fragezeichen,

Denn das Trümmerfeld liegt weit -(...)

(Becher, 360)

Неспособность автора как партнера речи ответить на вопрос, поставленный им же, превращает вопросительное предложение данного типа в формальный вопрос, специализированное средство для выражения авторского настроения или состояния. Автор спрашивает не для того, чтобы получить ответ, а для того, чтобы передать те чувства, которые он испытывает, или мысли, которые его тревожат. ВМ типа:

Авт. → Авт. содержат размышления автора по поводу определенных событий или касаются внутренней жизни лирического героя:

Deine klaren Veilchenaugen
Schweben vor mir Tag und Nacht,
Und mich quält es: Was bedeuten
Diese süßen, blauen Rätsel?

(Heine, II3)

При употреблении ВП типа: Авт. → Авт. в контекстах с взаимозависимостью Г → Т → на основе семы "вопросительность" реализуются потенциально заложенные в эту сему эмоциональные коннотации: проблемность, неуверенность, сомнение, осторожность, удивление, непонимание, надежда, ожидание, радость, удовлетворение, грусть, печаль, уныние, скептицизм, неудовлетворение, сожаление, недовольство, возмущение, упрек, порицание. Разумеется, одновременное возникновение всех коннотаций невозможно. Реализуются те коннотации, которые стимулируются, т.е.

поддерживаются некоторыми лексическими, морфологическими и синтаксико-интонационными элементами контекста. В отношении реализации различных коннотаций наблюдается известная избирательность. Чаще всего получает реализацию коннотация проблемности, поскольку проблемность является глубинным стимулом постановки вопроса.

При взаимозависимости Г \longleftrightarrow Т вопросительное предложение транспонируется в контекст повествовательного предложения, т.е. в такой контекст, в котором ожидается употребление повествовательного предложения. Возникает контраст между вопросительным предложением и контекстом, и при этом вопросительное предложение приобретает контекстуальное значение замененной структуры (сему "повествовательность"), не теряя также и своего исконного значения (семы "вопросительность"). Вопросительное предложение такого рода известно под названием риторического вопроса. На современном этапе развития стилистической грамматики риторический вопрос можно рассматривать как грамматическую метафору (о грамматической метафоре [см. Шендельс 1972, 48 - 56; Вольперт 1979 б, 25 - 39]).

На семантическом уровне в риторическом вопросе отсутствует запрос о неизвестном, он, в сущности, содержит суждение [Попов 1950, 22]. Это можно проиллюстрировать следующим примером:

Man sagt mir: IB und trinke du! Sei froh, daB du hast!

Aber wie kann ich essen und trinken, wenn

Ich es dem Hungern den entreiBe, was ich esse, und

Mein Glas Wasser einem Verdurstenden fehlt?

Und doch esse und trinke ich.

(Brecht, I29)

Данный риторический вопрос легко трансформируется в повествовательное предложение (= Ich kann nicht essen und trinken, ...). При этом эксплицируются противоположные контекстуальные семы: "повествовательность" плюс "отрицательность". Если риторический вопрос выступает в форме

отрицательного предложения, то он обладает контекстуальными семами "повествовательность" плюс "утвердительность". Здесь правомерно констатировать осуществление двойной транспозиции: ВП \longrightarrow повествовательное предложение, отрицательное предложение. При исходном ВП, содержанием отрицание, трансформация выглядит следующим образом: ВП \longrightarrow повествовательное предложение, утвердительное предложение.

Для риторического вопроса, как и метафоры в целом, характерен перенос - переход основного значения на коннотативный уровень (ср. Bachmann 1974, 28: "... der ursprünglich denotative Sinn wird zur Konnotation").

Более конкретно об этом говорит Р.Х. Вольперт: Соответствующая сема парадигматического (денотативного) значения грамматической метафоры со всеми потенциально в нее заложенными коннотациями переходит при метафоризации на коннотативный уровень" [Вольперт 1979, 26]. Таким образом, при взаимозависимости $\Gamma \longleftrightarrow T$ вопросительность имплицуруется и выступает уже не как сема, а как основное коннотативное значение риторического вопроса. Коннотация вопросительности в риторическом вопросе сопровождается еще и другими коннотациями: проблемность, неуверенность, сомнение, осторожность, надежда и т.д., одним словом всеми теми же коннотациями, которые может вызвать употребление ВП типа: Авт. \longrightarrow Авт. при взаимозависимости $\Gamma \longrightarrow T \longrightarrow$. Отбор сознаний из ряда возможных определяет контекст - он поддерживает или не поддерживает те или иные коннотации.

Риторический вопрос представляет собой ВП типа: Авт. \longrightarrow Авт. - автор спрашивает себя не для того, чтобы получить ответ, а для того, чтобы выразить определенные эмоции, чувства, мысли. Следовательно, риторический вопрос обсуждаемого типа является формальным вопросом. Но вместе с тем ВП типа: Авт. \longrightarrow Авт., выступающее при взаимозависимости $\Gamma \longleftrightarrow T$ как риторический вопрос, отличается от вопроса того же типа, употребляемого при взаимозависимости $\Gamma \longrightarrow T \longrightarrow$. При взаимозависимости

Г → Т → вопрос автора обращенный к автору, выражает авторское размышление прямо и непосредственно:

Hab ich vielleicht mein Leben ausgeliehen
Und muß es als Gedicht zurückerstatten?

(Becher, 206)

При взаимозависимости Г ↔ Т вопрос автора, обращенный к автору, часто выражает авторское размышление не прямо, а через какие-либо общие сравнения и, таким образом, выходит за рамки данной конкретной ситуации или определенных конкретных событий, приобретая характер сентенции, например:

Einer, das hört man wohl, spricht nach dem anderen,
doch keiner

Mit dem andern; wer nennt zwei Monologe Gespräch?

(Schiller, 256)

Сема "адресатность", тоже входящая в денотативное значение вопросительного предложения, реализует свои коннотации, если источником вопроса и адресатом вопроса являются разные лица. Следовательно, коннотации сближения, контакта, причастности, участия возможны только между автором и читателем, автором и персонажем и т.д., но не между автором и автором.

Однако автор может поднимать общечеловеческие проблемы, находящиеся также и в компетенции читателя. Обращаясь к самому себе, автор одновременно как бы апеллирует к опыту читателя, вовлекает его в разговор, пытается привлечь и читателя к решению проблем, волнующих его:

Wer rechnet unseren Ertrag? Wer trennt
uns von den alten, den vergangenen Jahren?
Was haben wir seit Anbeginn erfahren,
als daB sich eins im anderen erkennt?

Als daB an uns Gleichgültiges erwartet?(...)

(Rilke, 356)

Автор ставит проблему не только для себя, но и для читателя ("...die rhetorische Frage...ist nicht Auffor-

derung zu antworten, sondern Aufforderung selbst zu fragen und über die Frage nachzudenken." - [Ammann 1928, 181].

Обращенность риторического вопроса к читателю является фиктивной, как фиктивен и сам вопрос, так как в действительности передаются раздумья автора. Тем не менее при реализации коннотации проблемности реализуются также коннотации, опирающиеся на сему "адресатность": сближение, контакт, причастность, участие, заинтересованность, заинтригованность. Коннотация проблемности включает в себя выдвижение или постановку проблемы, фиксирование внимания на проблеме:

Erwachsene - sind nicht alte Kinder sie?
Und spielen sie nicht auch, auf andere Art?
Der Vater - solch ein Kind mit Bart,
Ein hageres, bleiches Kind die Mutter, die
Einholen spielt und Kochen. Wie sie spart!

(Becher, 306)

Собранный материал позволяет утверждать, что коннотативное значение проблемности варьируется по силе интенсивности его выражения в зависимости от позиции риторического вопроса в стихотворении. В абсолютном зачине стихотворения (или отдельной его строфы) коннотация проблемности выступает наиболее ярко, о чем свидетельствует предыдущий пример. Здесь риторический вопрос нацеливает читателя на восприятие последующего высказывания, формулирует тему стихотворения.

В срединной позиции в стихотворениях коннотация проблемности, вызванная риторическим вопросом, конечно сохраняется, в этой позиции риторический вопрос иногда образует даже кульминацию стихотворения, как, например, в стихотворении Э.Штриттматтера "Ohr":

.....
Ist alles Dichten nicht nur ein Gaukeln?
.....

(Strittmatter, 73)

Часто проблемность усиливается в завершении строфы или стихотворения, где накоплены дополнительные факты для размышлений и обобщений:

Rainer Kirsch

Picasso: Sylvette im Sessel

Sylvette, angetan mit ihrer Haut,
sitzt ganz gerade in Picassos Holzstuhl.
Stützt den Arm auf die geschweifte Lehne,
hält den Olzweig wie ein Szepter,
sitzt auf einem Thron.

Keinen Stuhl hat Sylvette zu Haus,
keinen gepolsterten, keinen aus Holz.
Weiß nicht, wie ein Thron aussieht,
ihr Märchenbuch mußte den Ofen heizen.
Pablos Stuhl ist ihr Thron.

Welcher König auf seinem Thron,
nackt auf seinem goldenen Thron
könnte so sitzen, wie Sylvette sitzt,
ganz gerade in Picassos Holzstuhl,
Sylvette, angetan mit ihrer Haut?

(Liebesgedichte, 27)

В приведенном стихотворении развернутый риторический вопрос в конечной позиции завершает изложение темы и носит резюмирующий характер.

Из-за ограниченного объема статьи были описаны коннотативные значения вопросительного предложения только в двух из возможных четырех контекстных взаимозависимостях, а именно эмоциональные коннотации при взаимозависимостях $G \rightarrow T$ и $G \leftrightarrow T$. Но тем не менее представляется возможным сделать некоторые выводы в отношении употребления вопросительных предложений в данных контекстах. Здесь всегда употребляются ВП типа: Авт. \rightarrow Авт., служащие специализированным средством выражения размышлений, настроений, чувств лирического героя, а через него и самого

поэта. Как уже было отмечено выше, при взаимозависимостях $\Gamma \rightarrow T \rightarrow$ и $\Gamma \leftrightarrow T$ различная в семантике ВП типа: Авт.: \rightarrow Авт. кроется лишь в степени обобщенности их содержания. При взаимозависимости $\Gamma \rightarrow T \rightarrow$ ВП типа: Авт. \rightarrow Авт. чаще всего ограничиваются отражением духовного мира и сугубо субъективных переживаний автора, тесно связанных с конкретной ситуацией, определенными событиями и людьми. При взаимозависимости $\Gamma \leftrightarrow T$ данный тип вопросительного предложения функционирует как риторический вопрос, содержащий рассуждения, вызванные конкретной ситуацией, но не замыкающейся в ней. В большинстве случаев употребления риторического вопроса реализуется коннотация проблемности и сопряженные с ней коннотативные значения сближения, контакта, причастности, участия, заинтересованности, заинтригованности, поскольку посредством риторического вопроса автор, как правило, стремится привлечь и читателя к решению общечеловеческих проблем. По мнению некоторых исследователей, введение вопросов в поэтический текст является одним из стилистических приемов диалогизации или драматизации монолога [Светана 1985, 43].

Проанализированный материал показал, что нет принципиальной разницы в семантике реализуемых коннотативных значений ВП типа: Авт. \rightarrow Авт. в поэтическом тексте и в авторском тексте эпических произведений (ср. Smiltena 1982). Это объясняется тем, что в прозаическом тексте вопросительные предложения данного типа употребляются только в субъективных пластах повествования медитативного и эмоционально окрашенного характера, касающихся внутреннего мира человека. Главная особенность коннотативных значений вопросительного предложения в структуре поэтического текста состоит в яркости и интенсивности реализуемых коннотаций, что определяется внешней и содержательной спецификой лирики: краткостью и обзорностью текстов и их особой эмоциональной насыщенностью.

Литература

- I. Ленин В.И. Рецензия: Н.А.Рубакин. Среди книг, т. II, 1913// Полн. собр. соч. - 5-е изд., т. 25. - М.: Гос. изд-во. полит. лит., 1961. - С. 112 - 114.
2. Акимова Г.Н. О некоторых особенностях поэтического синтаксиса// ВЯ. - 1977. - №1. - С. 96 - 108.
3. Вольперт Р.Х. К проблеме коннотативных значений грамматической метафоры// Семантика на разных языковых уровнях. - Рига: Изд-во ЛГУ, 1979 а - С. 25 - 39.
4. Вольперт Р.Х. Коннотативный уровень описания грамматики. - Рига: Зинатне, 1979 б.
5. Жовтис А.Л. К вопросу о границе между стихом и прозой// НДВШ, Филологические науки. - 1985. - №3. - С. 65 - 68.
6. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. - М.: Наука, 1986.
7. Попов П.С. Суждение и предложение// Вопросы синтаксиса современного русского языка/ Под ред. В.В. Виноградова. - М.: Учпедгиз, 1950.
8. Светлана С.В. О диалогизации монолога// НДВШ, Филологические науки. - 1985. - № 4. - С. 39 - 46.
9. Сильман Т. Заметки о лирике. - Л.: Советский писатель, 1977.
10. Шендельс Е.И. Грамматическая метафора// НДВШ, Филологические науки. - 1972. - № 3. - С. 48 - 56.
11. Ashmann H. Die menschliche Rede. II. Teil: Der Satz. - Lehr i. B.: Moritz Schauenburg, 1928.
12. Bochmann K. Zum theoretischen Status und operativen Wert der Konnotation// Linguistische Arbeitsberichte. - 1974. - H. I p. - S. 24 - 38.
13. Schneider W. Stilistische deutsche Grammatik. Basel-Freiburg-Wien, 1959.
14. Smiltene M. Konnotative Bedeutungen der Fragesätze im Autorentext. - Рига: ЛГУ им. П. Стучки, 1982.

Цитируемые источники

Becher - J.R. Becher. Gedichte. - Berlin-Weimar 1971.

- Brecht - В.Бrecht. Gedichte.-Leipzig 1969.
Heine - H.Heine. Gedichte.-Berlin-Weimar 1966.
Kästner - E.Kästner. Wieso warum? Berlin-Weimar 1972.
Liebesgedichte - Ich denke dein. Deutsche Liebesgedichte.
-Berlin 1966.
Rilke - R.M.Rilke. Gedichte.-Moskau 1981.
Schiller - F.Schiller. Gesammelte Werke. Bd.I. Gedichte.
-Berlin 1955.
Strittmatter - E.Strittmatter. Die eine Rose Überwältigt
alles.-Berlin - Weimar 1980.
E.Strittmatter. Ich mach ein Lied aus Stille.-
Berlin-Weimar 1976.

Узия Б.Э./Рига/

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНЕЗИСА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Наука об охране природы и популяризация ее терминологии, прежде достояние узкого круга специалистов, делает ее доступной для представителей других отраслей и формирует экологическое мышление масс. Ошибочно представление, что природоохранная терминология является произвольной смесью естественных, технических и общественных наук. Ее подчиняемость требованиям системности доказывают авторы отечественных и зарубежных словарей по охране природы. Термины охраны природы могут группироваться как тематически, с дальнейшей систематизацией, так и иерархически в организованные терминологические подсистемы. Эти процессы более упорядочены в терминосистемах фундаментальных наук с достаточно длительным историческим и лингвистическим периодом развития. Такие терминосистемы служат своеобразной языковой моделью концентрированного выражения накопленных в данной области знаний. На то, насколько точно соотносены ее единицы с элементами мышления и фактами реальной действительности, указывает процесс их функциониро-

вания [Шокин 1983].

Отраслевая терминология должна опираться на терминологию тех наук, которые являются научной основой отрасли. Однако из-за разрыва между наукой и практикой, термины зачастую могут и не соответствовать своей научной основе или даже противоречить ей. [Иванов 1982].

Особенность науки об охране природы как междотраслевой науки заключается в ее тенденции к превращению в многоотраслевую, причем границы и степень значимости отдельных отраслей колеблются, вплоть до исчезновения каких-либо из данного процесса, при постоянном привлечении новых, в том числе вновь зародившихся, которые в свою очередь, требуют упорядочения отдельных терминсистем и их универсализации.

Такое развитие вынуждает к непрерывному поиску экономных языковых средств какими являются термины.

Марксистско-ленинская философия учит сосредотачивать "внимание на пограничных проблемах технических, естественных и гуманитарных наук. Она обращается к вопросам развития знаний, для которых еще не найдено решений, оперирует "в кипящем слое" междисциплинарных поисков" [Астафьев 1978, 3].

Задача лингвистов решать не менее сложные проблемы и "идти вперед по пути согласования междисциплинарной терминологии. Это особенно важно для тех случаев, когда вновь создаются терминологии для смежных научных дисциплин, которые развиваются на стыке прежних" [Скуйва 1982, 85].

Задача осложняется тем, что терминология защиты природы неоднородна по разным функциональным сферам языка. Природа данной терминсистемы остается единой и имеет постоянно изменяющееся отношение к формуле "человек - среда".

Если подвергнуть анализу взаимоотношения научного поиска и достигнутых его путем решений, то выявляются и закономерности появления и определенной терминологии.

Каждый научный поиск в сфере охраны природы сопровождается прикладной отдачей, и при этом появляются термины

общего характера. Эти термины появляются не только на основе найденного решения, но также на основе исследования предмета с целью решения других задач. Например, чтобы назвать агента "загрязнителем", необходимы были не только бытовые, но и научные данные о поведении данного агента в различных областях. Чем отрасли ближе друг другу (ведут поиск одновременно в одном направлении), тем шире терминологический материал общего характера, пока его не пересечет поисковая специализирующая линия другой отрасли. В случае гипотетической постановки проблем и их возможного решения появляются термины пригодные для смежных областей.

Если две или более отраслей работают вместе над решением одной проблемы, то и их словарное выражение будет шире, и будет находиться в прямой зависимости от сходного в этих областях. А широта поисков, в свою очередь, рождает необходимость специализации терминологии.

В настоящем ведется лингвистическая работа в разных направлениях: толкование понятий охраны природы общих для всего мира; толкование терминов социалистического подхода к охране природы для самих стран социалистической системы, для остального мира, сопоставление самих общих понятий в разных языках или же понятий, связанных с комплексным решением отдельных вопросов.

Концепции охраны природы постоянно развиваются, что отражается на терминологии многих устоявшихся дисциплин. Данный процесс протекает в каждом языке независимо от других языков. В то же время отмечается полная зависимость от языка этимона, когда термины используются многими, как специалистами, так и неспециалистами, при незнании исходного значения слова.

Поэтому составители терминологических словарей по охране природы дают материал только выборочно, принимая во внимание, что к моменту издания словаря, особенно по охране природы, могут произойти даже непредвиденные изменения в словарном составе данной терминологии.

Предложено несколько объективных критериев (5) опре-

деления принадлежности термина к конкретной системе терминов по охране природы, как то:

1. совместное использование сходных понятий и терминов специалистами частных наук, входящих в систему наук об охране природы;

2. широкое использование природоохранительных терминов современной общественно-научной литературой и средствами массовой информации;

3. переход понятий и терминов одних частных дисциплин, входящих в систему наук об охране природы, в другие частные дисциплины;

4. неоднозначное использование отдельных терминов в различных частных дисциплинах;

5. специальные термины охраны национальных участков и объектов природы.

В сфере фиксации эти критерии могут быть деформированы под влиянием специализации составителей словарей, их знания отраслевых и национальных норм словоупотребления, вплоть до знания языков.

В сфере функционирования (6) [Скуиня 1984, 140] нормы национального словоупотребления регулируют стихийный приток лексических единиц, бытующих в роли терминов охраны природы. Приток новых слов, обогащающих данную терминосистему, не гарантирует заполнение тех национальных языковых лакун, в котором данная терминосистема нуждается на данном этапе ее развития. Эта закономерность и вышеупомянутые закономерности терминологической системы охраны природы наиболее отчетливо видны в момент образования самих терминов.

Литература

1. Шокин А.П. Опыт изучения отраслевой терминологии // Термин и слово. Предметная отнесенность и функционирование терминов. - Горький, 1983.
2. Иванов С.З. Структурно-семантические особенности отраслевой терминологии // Структурно-семантические особенности отраслевой терминологии. - Воронеж, 1982.

3. Астафьев А.К. Философские аспекты синтеза понятий в технике и биологии. - Л., 1978.
4. Скуиня В. Теоретические принципы упорядочения терминосистем в латышском языке //Роль теории в практике развития терминологии и упорядочения литературных языков.- Таллин: ИАН ЭССР, 1982.
5. Многоязычный словарь терминов охраны природы. - Тбилиси, 1977.
6. Скуиня В. Термин в сфере функционирования /на латышском языке/ //Вопросы культуры латышского языка.-Рига: Авотс, - Вып. 20. - 1984.

Хованская Л.В./Москва/

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ В ТЕКСТЕ

Смысловая структура местоимений характеризуется в отличие от смысловой структуры других синсемантических единиц не недостаточностью, а избыточностью. Это свойство придает численно небольшой группе субстантивных местоимений универсальный характер при репрезентации существительных и определяет многообразие возможностей функционирования местоимений. При этом решающее значение имеет способность к модификации значения от абстрактного к конкретному, свойственной в различной мере всем местоимениям. Другой характерной особенностью является варьирующееся значение инклюзивности/эксклюзивности по отношению к автору и/или адресату, а также не-участнику речи, что обуславливает возможность "сдвига лиц" при употреблении местоимений. На основе семантической подвижности местоимений между ними возникают отношения синтагматической синонимии. При этом интерес представляют границы, допускающие или исключающие эквивалентную взаимозамену местоимений. Существенными факторами являются значения единичность/множественность, тотальность/ возможность выборочности, коммуникативная на-

грузка, характер протекания глагольного действия, различная соотносительность действия с лицом. например, в высказывании *Etwas Unerfülltes bleibt jedem.* (W.Heiduczek) замена *jeder*-*alle* неэквивалентна, поскольку именно индивидуализация обобщения подчеркивает неповторимость сокровенных переживаний человека, тогда как генерализирующее *alle* унифицирует, объединяет, стирает различия. Это подтверждается и следующим примером: *...die gute alte Zeit... Für jeden ist es eine andere, und für alle ist sie unwider- ruflich dahin.* (W.Kienast) Эти примеры показывают, что особенности семантической структуры местоимений сказываются на характеристике протекания глагольного действия и в тех случаях, когда местоимение выступает не в роли подлежащего, а в роли объекта. Релевантно для взаимозаменяемости местоимений и латентное присутствие сем, не реализованных в данном контексте, но присущих семантической структуре местоимения. Все названные факторы по-разному взаимодействуют на различных ступенях шкалы обобщенное - конкретное.

Обобщенное высказывание допускает в качестве субъекта большинство субстантивных местоимений. Наиболее универсальным является специфическое средство выражения категории обобщенной антропонимичной агентивности - предложение с *man*. Известно, что субъект обобщающего высказывания может быть выражен и личными местоимениями. При этом особо сказывается четкое "ролевое распределение" личных местоимений, которое может приводить к той или иной степени ограничения обобщения за счет значения инклюзивность/экс-клюдивность. В следующем примере употребление местоимения *wir*, семантическая структура которого среди личных местоимений наиболее соответствует значению тотальной обобщенности, способствует созданию стилистического эффекта типизации, позволяя обобщенно описать состояние, действия, образ жизни целого поколения немцев-подростков, которым предстояло отправиться на фронт во время первой мировой войны:

Wir schrieben Aufsätze und Diktate, wir lernten scheinbar, und es war gleichgültig, ob wir es taten oder unterließen. Wir sollten ja in den Krieg. (E.Kästner)

При выражении обобщенного субъекта значение личных местоимений может быть ограничено за счет "противопоставления ролей". В следующем примере оппозиция *ihr* - *sie* способствует эмоциональному противопоставлению двух слоев общественных сил, выходящему за рамки простого обращения к присутствующим: Es war das Mädchen Ruht Oppermann, die Siebzehnjährige, die... plötzlich ausbrach: "Ihr habt alle so ausgezeichnete Theorien, ihr erklärt alles so geschickt, ihr wißt alles. Die anderen wissen gar nichts... Aber sie wissen eines: sie wissen genau, was sie wollen. Sie handeln. Sie tun etwas... Sie werden es schaffen, und ihr seid die Gelackmeister." (L.Feuchtwanger)

Значение *ihr* определяется здесь как "вы и вам подобные", что подтверждается присоединением к *ihr* обобщающего *alle*. Противопоставление подчеркивается многократным повтором каждого местоимения и отмечено зловольно-отчаянным, презрительно-осуждающим вызовом со стороны говорящей.

Значение обобщенности не чуждо и личным местоимениям единственного числа. В качестве синонима обобщенно-личного *man* нередко встречается местоимение *du*. Оба местоимения в таком употреблении способствуют созданию эффекта соучастия. Можно говорить и об обобщенном значении местоимения 3-го лица, когда оно используется для "подхвата" генерализующих существительных или местоимений в обобщающем значении, причем обобщающее значение местоимения 3-го лица является как бы отраженным, вторичным:

Der Mensch ist gut. Wenn er noch besser wäre,
Wär er zu gut für die bescheidne Welt.

(E.Kästner)

При ограничении обобщения нередко повышается роль факторов, ограничивающих взаимозаменяемость местоимений. В первую очередь это значения единичность/множественность,

тотальность/выборочность, различные значения соотносительности действия к лицу. Существенными моментами становятся совместность/раздельность осуществления действия, одновременность/разновременность и др. Особую актуальность эти факторы приобретают в предложениях, агенсом которых является группа лиц или одно лицо, как при неопределенном, так и при конкретном значении. Так, значение единичность местоимения jemand и потенциальная сема множественность местоимения man могут препятствовать их эквивалентной взаимозамене. В следующем примере, где в предложении с man, противопоставленном единичному jemand, описывается многократное действие, выполняемое разными людьми, замена man - jemand не была бы эквивалентной и противоречила бы контексту, указывающему на множественность:

In diesem Augenblick warf jemand aus dem Publikum ein Stück Würfelzucker auf die Bühne... Wieder warf man Zucker auf die Bühne. Vermutlich saße Stammgäste in dem Raum, die den Gewohnheiten der Künstler Rechnung trugen. (E.Kästner)

Акцентирование одной из сем того или иного местоимения может иметь стилистическое значение и потому не допускать замены синонимами. В примере "Ihre Frau macht beim Chef nicht mehr als Assistentinnenarbeit, eher weniger, das weiß jeder". (D.Noll) местоимение jeder, беспощадно подчеркивающее отсутствие исключений, способствует категоричности высказывания. Сема множественность местоимения alle семантически полностью соответствующего здесь местоимению jeder, ослабило бы эту выделяющую силу. Расплывчатым, снижающим категоричность оказалось бы на месте jeder местоимение man.

Наряду с неопределенно-личными местоимениями выражать неопределенного деятеля способны и личные местоимения. Весьма распространенным, в первую очередь для разговорной речи, синонимом неопределенно-личного man является местоимение sie, например:

Ich wunderte mich nur, daß sie die Trümmer nicht

längst fortgeräumt hatten. Ich kam aus Berlin, der zerbombten, narbenreichen Stadt... Zu Hause räumte man flugs alles fort, was auch nur entfernt an Trümmer erinnerte. (W.Kienast)

Представляется, что в приведенном примере при всей очевидности синонимии sie и man можно усмотреть противопоставление их денотативной соотносительности. Здесь контекст разделяет man и sie по признаку "свое-чужое". Семантическая структура местоимений поддерживает это противопоставление различием в значении инклюзивность/эксклюзивность, в результате которого местоимение sie в большей степени способно поддерживать коннотацию дистанцирования.

Перемещаясь по шкале обобщенное - конкретное, все субстантивные антропонимичные местоимения способны конкретизироваться в контексте, например:

Und dann lagen beide noch lange wach. Jeder wußte es vom anderen, aber sie schwiegen. (E.Kästner)

Er wird sie einzeln anhören. Damit keiner den anderen beeinflusst. (D.Noll)

Интересно, что местоимение man при конкретной соотносительности не исключает сему "женский пол":

"Als Frau spürt man das doch!" (D.Noll)

Представляется необходимым различать конкретизацию местоимения в контексте, т.е. те случаи, когда можно утверждать, что денотатом являются конкретные лица, и расшифровку значения в последующем контексте. Вряд ли можно говорить о конкретном значении местоимения jemand в следующем примере, хотя скрывающееся за jemand лицо названо во втором предложении:

"Fabian!" rief jemand. Es war Cornelia. (E.Kästner)

Видимо конкретное значение местоимения определяется именно предшествующим контекстом. В приведенном же примере jemand сохраняет значение "единичный, неизвестный /пока/ деятель".

Подобные случаи отличаются от использования неопределенно-личных местоимений для обозначения конкретного еди-

ничного деятеля в стилистических целях, когда столкновение семи неопределенность, свойственная этим местоимениям с контекстуальной семой конкретность приводит к контрастной ситуации [Шендельс 1970, 37], на которой основывается эффект завуалирования. Например, завуалирование собственного "я" говорящего местоимением *man*, вызванное нежеланием прямого называния себя в связи с неприятным фактом, сопряженное с коннотациями обиды, упрека:

"Ich wußte gar nicht, daß er einen Freund hatte", meinte der Vater. "Man erfährt ja nichts." (E.Kästner)

Особые возможности стилистического использования местоимений возникают на основе транспозиции неодушевленных местоимений в сферу употребления антропонимичных местоимений как средства деперсонализации за счет обозначения людей неодушевленными местоимениями не исчерпывает стилистического эффекта такого употребления. В конкретном тексте перераспределение и переакцентация сем, входящих в семантическую структуру данной языковой единицы, приводит к особым коннотациям.

Впечатление нерасчлененности денотата, основанное на латентном присутствии семы неодушевленность и поддерживаемое грамматической формой единственного числа, способствует, например, созданию эффекта собирательности в предложениях с *alles*. Доминирующая инвариантная сема тотальность играет при этом определяющую роль:

Der Vorräum des Rechners war leer. Alles, was Dienst hatte, lungerte in dem angrenzenden großen Hauptraum herum... (D.Noll)

В приведенном примере местоимение *alles* вместе с подхватываемым его в придаточном предложении *was* подчеркивает единообразие состояния бездейственного ожидания присутствующих и как бы снижает их значимость, затушевывая границы одушевленного и неодушевленного.

Подобный стилистический эффект создаст и деперсонифицирующее *nichts*. В следующем примере оно способствует так-

же усилению отрицания в сочетании с антропонимичным niemand:

Oder man rennt in die Küche und färbt Eier und verschonkt sie zu Ostern an die Nachbarkinder, diese Nichtsnutze, die abends an der Türklingel zerren und dann auseinanderstieben, so daß niemand da ist, wenn man hinausstürzt, immer wieder hinausstürzt, aber nichts ist da. Nichts und niemans, wie man sich auch den Hals verrenkt. (Ch. Wolf)

Здесь семантика текста по-особому акцентирует деперсонифицирующий смысл употребления местоимения: на фоне пейоративного показателя diese Nichtsnutze предложение с nichts также приобретает пейоративную окраску, способствуя повышению эмоциональности текста.

Столкновение сем одушевленность/неодушевленность может иметь место и при отсутствии деперсонификации, когда основой для возникновения коннотаций становится "эффект обманутого ожидания".

Da stieß jemand heftig gegen Fabians Stiefelabsatz. Er drehte sich mißbilligend um. Es war die Straßenbahn gewesen. (E. Kästner)

Несоответствие поведения героя ситуации, о котором свидетельствует "антропонимично ориентированное" причастие mißbilligend, сопряжено с коннотацией иронии.

Сравнение особенностей семантической структуры субстантивных местоимений, рассмотрение их взаимодействия в тексте, анализ стилистических возможностей их употребления показывают, насколько многогранен потенциал этой части речи, выходящий за рамки семантической структуры и богатства стилистического потенциала языковой единицы.

Литература

1. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике.- М.: Высшая школа, 1970.

О НЕКОТОРЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ МАРКЕРАХ РЕЧЕВОЙ ИМПЛИКАЦИИ

Речевая деятельность, как известно, почти никогда не является самоцелью, а является составной частью деятельности более высокого порядка и служит для достижения каких-либо неречевых целей [1, 25]. Эта зависимость способов и средств коммуникации от экстралингвистических факторов особенно отчетливо проявляется в косвенных речевых актах, словесное содержание которых не совпадает с прагматическим.

В настоящее время в лингвистической литературе делается попытка выделить маркеры речевой импликации, т.е. те языковые средства, которые помогают обнаружить скрытые смыслы в косвенных актах речи и определить истинные намерения коммуникантов [Краже 1986]. Кроме тех маркеров текстовой импликации, которые выделяет С.Г.Краже, представляется возможным выделить ряд функциональных маркеров речевой импликации, действие которых мы проследим на примере одного типа иллокуции - возражении.

Среди косвенных актов речи ярко выделяется реплики-вопросы, т.е. ответы, данные в вопросительной форме. Ответ вопросом на вопрос заведомо является нарушением правил речевого акта.

Сравним следующие примеры:

- 1) - *Moi, je la vois rarement, Elle ne peut pas me sentir.*
- Je crois que tu te fais des idées! balbutia Jean Marc.
(Troyat. La Malandrie. p.66)
- 2) - *Je crois que tu fais des illusions! dit Carole. Cette chambre est minuscule. Le pauvre garçon ne pourra pas y remuer.*
- Crois-tu qu'il puisse beaucoup remuer dans notre vestibule? demanda Françoise.
(Troyat. La Malandrie. p.77)

Ответные реплики персонажей в первом и втором примерах представляют собой одинаковый тип иллокуции - в обоих случаях это возражение, однако в первом случае - *Je crois que tu te fais des idées* - это прямой речевой акт, логическое содержание которого отражает намерение говорящего, в то время как вторая реплика - *Crois-tu qu'il puisse beaucoup mieux*... есть косвенный речевой акт. Речь идет о взрослом сыне Александра Козлова, муже Франсуазы, которому за неимением другого места стелят постель в прихожей. Франсуаза в отчаянии решает обратиться к мачехе. Кароль, с просьбой устроить Никола в отцовском доме. Кароль говорит, что комната, которую имела в виду Франсуаза, слишком мала. Она не представляет, в каких условиях живет ее падчерица, что видно из упоминания о прихожей в реплике Франсуазы. Содержание иллокуции косвенного речевого акта и есть: "Ты не знаешь, в каких условиях я живу, не хочешь знать и не желаешь помочь". Иллокуция здесь - упрек. Маркером косвенного речевого акта служит инверсия, прежде всего - *crois-tu* причем модусный глагол *crois-tu* подчеркивает необъективность собеседника /в данном случае Кароль/ с точки зрения говорящего /Франсуазы/, несовпадение мнений по спорному вопросу.

Во всех случаях, когда ответная реплика представляет собой неинформативный вопрос, данный косвенный речевой акт означает возражение, несогласие с мнением собеседника, уклонение от разговора ввиду несовпадения мнений и нежелания продолжать разговор на данную тему. По-видимому, это универсальный признак данного типа речевого акта. Например:

- Да, за всю молодость единственный бессмысленный поступок - поездка в Льбек.
- Вроде твоей в Петербург... Отчего ты так любишь ездить?
- А отчего ты любишь получать письма?

[И.А.Бунин. Лица. Избранные произведения.-М.,1956.-
С.614]

Реплика Лики - отчего ты так любишь ездить - содержит упрек, что видно из контекста, однако герой не принимает упрека, он не согласен, что его поездка была бессмысленной, и возражает, уклоняясь от темы разговора.

Типичность выражения несогласия с помощью реплики - вопроса во французском языке проявляется в наличии большого количества речевых клише. Прежде всего это глаголы *croire, penser, trouver* в значении "думать, полагать":

I) - *C'est un pays étonnant de richesse, de brutalité, d'efficacité, de cynisme, non?*

- *Oui...*

- *À la langue, un Européen y perd confiance...*

- *Tu trouves?*

(Н.Троят. *La faim...* p.6)

Филипп Эглетьер беседует со своим старшим сыном, вернувшимся из поездки в США. Жан-Марк еще полон ярких впечатлений и не во всем согласен с отцом. Его первая реплика уже содержит некоторое колебание (*Oui...*), на что указывает многоточие, хотя в целом он согласен с отцом. Вторая же реплика - *Tu trouves?* уже возражение отцу. Содержание иллокуции здесь следующее: "Ты считаешь так, а я так не думаю". Здесь имеется три маркера косвенного речевого акта: 1/ семантический - глагол *trouver* в значении "полагать", подчеркивающий субъективность мнения собеседника и предполагающий сам по себе его необъективность и, следовательно, различие во мнениях говорящих; 2/ структурно-синтаксический: вопросительная форма реплики, ответ вопросом на вопрос; 3/ содержательный: отсутствие прямого ответа на вопрос есть нарушение постулата речевого общения.

Употребление глагола *trouver* в подобных случаях означает слабое возражение, выражает замешательство собеседника, категорическое несогласие. Рассмотрим еще один пример:

2) - *Excuse-moi, je ne peux pas te plaindre. C'était*

tellement prévisible!

- Ah! tu trouvés?

- Mais voyons! Tu la trompais, elle te trompait, vous aviez chacun votre vie...

(H.Troyat. La Malandre. p.124)

Филипп разговаривает со своей сестрой о разводе с женой. Он не находит веских возражений на ее слова, но все же не соглашается с ней: "Ты так думаешь?" означает "Я так не думаю, я не согласен с тобой", что и вызывает новый поток доводов сестры: "Ну как же! Ты ей изменял, она тебе изменяла, каждый жил сам по себе"... Маркеры косвенного речевого акта те же, что и в предыдущем примере.

Еще один яркий тип клише в данном речевом акте представляет собой глагол vouloir в конструкции comment veux-tu que..., que veux-tu que...

1) - Tu rentreras tard?

- Comment veux-tu que je sache? répondit-elle en relevant une mèche de cheveux devant la glace.

(Troyat. La Malandre. p.89)

2) - Et je gagnerai quoi? demanda Nicolas.

- Comment veux-tu que je le sache? Pas grand chose au début, sans doute...

(ibid.,p.II)

3) - Et qu'est-ce que tu lui as dit? demanda Daniel.

- Que veux-tu que je lui dise? marmonna Françoise.

(ibid.,p.I09)

4) - Tu t'en vas déjà? demanda Jean-Marc.

- Que veux-tu que je fasse ici?

(ibid.,p.II7)

Глагол vouloir в данной конструкции еще сильнее, чем глаголы мышления, подчеркивает субъективность мнения собеседника и разногласия говорящих. Во всех приведенных выше примерах содержится упрек в субъективности, несогласие в правомерности самого вопроса, хотя интенции говорящих могут различаться и, следовательно, импликации также различны.

Так, в первом из приведенных была примеров Кароль раздражена вопросом мужа, она не желает ему отвечать; сама форма ответа - вопросом на вопрос - представляет собой уклонение от ответа. По типу речевого акта - это директив: "Не спрашивай меня об этом, я не желаю тебе отдавать отчет". Во втором примере речь идет о зароботке Никола. Реплика отца "Откуда же мне знать" также есть уклонение от ответа, так как он предполагает, что зароботок мал, что и подтверждается его дальнейшими словами. По типу речевого акта это констатив. В третьем примере брат с сестрой говорят о разводе родителей. Даниэль хочет знать, что сказала отцу сестра, однако Франсуаза в замечательстве, она считает, что ей нечего было сказать отцу и сам вопрос Даниэля неправомерен. "Мне нечего было ему сказать", означает ответный вопрос Франсуазы. Это констатив. В четвертом примере Жан-Марк спрашивает у Жильбера, почему он так рано уходит с его помолвки с Валери. Жильбер - кузен Валери, но они слишком разные люди, чтобы ладить друг с другом. Реплика-вопрос Жильбера означает "Мне здесь нечего делать, у меня мало общего с этими людьми". Это также констатив.

Среди лексико-синтаксических средств, тяготеющих к клишированию, нужно отметить вопрос-возражение *pourquoi* раз, широко употребленный в речи.

1) - Tu ne vas pas faire ça, Nicolas? dit Françoise subitement inquiète.

- Pourquoi pas?

(Troyat. La Malandre. p. 112)

2) - Pourquoi as-tu décidé de reprendre tes cours?

Françoise se raidit de tous ses muscles, et s'écarta légèrement. Elle ne pleurait plus.

- Et pourquoi pas?

(ibid., p. 15)

3) - Si on te proposait de t'installer pour toujours à New York, accepterais-tu?

- Pourquoi pas?

Philippe hochla la tête:

- Eh! bien! tu me surprends!

(Troyat. La faim... p.6)

Реплика-возражение pourquoi pas тесно связана с содержанием предыдущей реплики собеседника. В первом случае Франсуаза довольно резко советует Никола не сниматься для рекламы. По содержанию ее реплика представляет собой директив, маркером которого служит форма глагола - ближайшее будущее. Правда, директив несколько смягчен вопросом, тем не менее он вызывает протест Никола. "У меня есть свое мнение, и я поступлю так, как считаю нужным" - таково содержание иллокуции реплики Никола.

Во втором примере сама правомерность вопроса вызывает у Франсуазы протест. Несмотря на дружеские отношения с тетюшкой, она не считает ее вправе касаться запретной темы - ее личных отношений с Александром /такова пресуппозиция вопроса/. Она не желает обсуждать эту тему и уклоняется от ответа. Содержание иллокуции здесь таково: "Я не желаю обсуждать этот вопрос, это мое личное дело".

В третьем примере реплика Мана-Марка "почему бы и нет" является реакцией-возражением на скрытый упрек отца. Отцу непонятно и неприятно восхищение сына Америкой, а сын отстаивает свое собственное мнение, скорее даже право на него. Его реплика означает: "У нас разные мнения по этому вопросу, и ты должен с этим считаться".

Еще один вид клише представляет собой вопрос a quoi bon?

1) - Tu aurais pu m'écarter! reprit Carole.

- A quoi bon?

(Troyat. La faim... p.20)

2). - Que vous faut-il au juste? dit Carole. Un living et deux chambres?

- A quoi bon en parler? dit Françoise. Je n'accepterai jamais que papa nous aide.

(Troyat. La Malandré. p.79)

В первом случае Кароль упрекает Жан-Марка за то, что он ей ни разу не написал за всю свою поездку. Жан-Марк упрека не принимает, возражая вопросом: "А зачем?", тем самым давая понять, что он не считал нужным это делать. Обоснование этого вопроса-возражения находится в пресуппозиции - Жан-Марк не хочет поддерживать прежние отношения с мачехой. Это и есть содержание иллюзий его реплики-вопроса.

Во втором примере речь идет о том, что семье Франсуазы нужна другая, более просторная квартира. Однако Франсуаза отказывается обсуждать этот вопрос с мачехой: "Нет смысла говорить об этом, так как помощи я все равно не приму" - означает ее вопрос. Обоснование этого возражения также находится в пресуппозиции - у детей сложные отношения с отцом.

В данном типе речевого акта - возражении через реплику-вопрос - мы обнаруживаем следующие маркеры косвенных актов речи.

1) - Tu m'accompagnes chez Brécauchon?

- Tu n'es pas assez grand pour te présenter tout seul?

(Troyat. La Malandré. p.12)

Говорят Никола и отец. Отец не хочет опекать взрослого сына, который идет наниматься на работу. Свое несогласие он обосновывает путем сведения к общей ситуации. "Взрослые сами уstraивают свои дела. Ты уже взрослый, поэтому пойдешь один." По содержанию реплика-возражение отца представляет собой директив: "Иди один." Маркерами косвенного акта речи здесь является:

- 1/ структурно-синтаксический - ответ в форме вопроса, означающий возражение;
- 2/ лексико-семантический - "ты достаточно взрослый" как обоснование возражения, сведение к общему случаю;
- 3/ содержательный - отсутствие прямого ответа на вопрос как нарушение постулата общения.

В следующем примере также содержится отрыв от ситуа-

ции речи и сведения к общему суждению:

2) - Eh! bien! Alors il faut absolument liquider ce malentendu! Demain je téléphonerai à Valéry: si le Louvre est au-dessus de ses forces, tu viendras avec nous à "La Brigade"!

- Dans une boîte? Avec des tas de filles et de types que je ne connais pas? Ah! non, alors!

(ibid., p.87)

В отличие от первого примера реплика Жильбера содержит также и его личную оценку возможной ситуации. Для него неприемлемо проводить время в подозрительном заведении, в компании совершенно незнакомых людей. Слово *boîte* имеет отрицательную коннотацию и употреблено Жильбером намеренно, чтобы аргументировать свое несогласие с предложением Жана-Марка. Неопределенный артикль перед существительным *une boîte* несет типизирующую функцию и является грамматическим маркером косвенного речевого акта.

Рассмотрим еще один пример:

3) - Et l'enfant, est-ce qu'il porte ton nom?

- Et puis quoi encore?

- Tu ne l'as pas reconnu?

- Je ne suis pas fou! Qui me prouve que c'est mon fils?

(Troyat. La faim... p.85)

В разговоре с Франсуазой Александр так аргументирует свое нежелание признать сына: "Только сумасшедший мог в той ситуации признать ребенка своим, а я не сумасшедший, поэтому я его не признал". Таким образом, возражая на скрытый упрек Франсуазы, Александр подводит логическое основание под свои аргументы. Иллокуция здесь такова: "Я не принимаю твоего упрека и считаю себя правым".

II. Достаточно ярко выражены в данном типе речевого акта маркеры, подчеркивающие социально-ролевой статус говорящих.

I) - Allô, papa? Ici Daniel... Excuse-moi de ne pas avoir prévenu de mon arrivée, mais les télégrammes coûtent

cher... Ne t'en fairs surtout pas! ... Tout va tres bien! Le voyage a été tonitruant!...

- Qu'est-ce que tu fous à Châteaudun? demanda Philippe.
(Troyat. La faim... p.17)

2) - Vous m'avez fait appeler, monsieur?

C'était Blondeau, petit, mince, le menton haut, le regard vif. Il tenait un dossier sous le bras.

- D'où venez-vous? dit Philippe d'un ton sec.

- J'ai eu un déjeuner important, cela m'a un peu retardé, répondait Blondeau.

(Troyat. La Malandre. p.57)

3) Madame Denise n'y alla pas par quatre chemins:

- Savez-vous, Martine, qu'il y a des choses qui ne se font pas; même si elle ne sont pas punies par la loi? C'est une question de correction élémentaire et jamais chose pareille n'est arrivée ici...

- De quoi parlez-vous, Madame?

- Faites pas la bête, Martine...

(Triolet, Roses... p.84)

В первом примере речь идет о будущем Франсуазы.

Брат знает о попытке самоубийства сестры и обо всем, что ей предшествовало. Франсуаза не хочет об этом говорить и поэтому, уклоняясь от ответа спрашивает: "с какой точки зрения?" Сама семантика вопроса является намеком на некий фонд знаний собеседников, т.е. на пресуппозицию, на возможность наличия разных точек зрения на тему разговора.

Во втором примере речь идет о непорядочном поведении Мартина по отношению к хозяйке салона. За счет клиенток салона Мартина составила себе частную клиентуру, которую обслуживала на дому в нерабочее время. Хозяйка ставит ей это в вину, однако Мартина иначе понимает пресуппозицию госпожи. Она не протестует, понимая пресуппозицию, но не соглашается считать себя виновной. Вопрос-реплика Франсуазы означает: "Я не согласна с вашим мнением об этом факте, хотя я и не отрицаю его".

Таким образом, мы рассмотрели три типа маркеров,

действие которых проявляется в одном типе речевого акта. Имеются также и другие функциональные маркеры, действие которых можно обнаружить как в данном, так и в других типах речевых актов.

Рассмотрение действия различных маркеров в одном типе иллокуции - возражении - показало, что, за исключением клише, маркеры не закреплены за типами иллокуции, так же как и различные типы иллокуции не прямо связаны с различными типами речевых актов. Несогласие, возражение есть основное содержание коммуникативного намерения говорящих, но при этом в данном типе речевого акта возможны частные иллокуции, т.е. одновременная реализация иных коммуникативных намерений.

Литература

1. Основы теории речевой деятельности.-М.: Наука, 1974.

2. Краше С.Г. Маркеры текстовой импликации:

Автореф. дис... канд. филол. наук.-Л., 1986.

Сокращения

Triplet, E. Roses à crédit. Moscou, Vysšaja škola, 1979.

Troyat, H. Les Eygletière. La Faim des lionceaux.

M., Vysšaja škola, 1980.

Troyat, H. Les Eygletière. La Malandre. M., Vysšaja škola, 1981.

Заключение

В настоящем сборнике научных трудов была предпринята попытка выявить некоторые закономерности системного развития языка в свете функционального подхода к изучению двух составных частей системы языка — формы и значения.

Функциональный подход позволил авторам сборника по-новому представить взаимодействие языковых средств разных уровней.

Ряд статей сборника показывает вариативность взаимодействия разноуровневых средств в зависимости от коммуникативного задания. Изучение видов коммуникативного задания расширяет наше представление о разнообразии связей языковой формы и значения.

Авторы ряда статей обращаются к тексту и рассматривают его как основную репрезентативную единицу языка, воплощающую его основные функции.

Для многих работ сборника характерной посылкой является социальная природа языка, что позволяет их авторам изучать язык как речевую деятельность при всем многообразии коммуникативных ситуаций.

Прагматический подход к языковым явлениям прослеживается четко и в работах, выполненных в свете компаративного анализа, в частности, на материале германских, романских, латышского, литовского, русского и датского языков.

Основным результатом коллективного труда авторов междвузовского сборника является предъявление новых доказательств того, как разноуровневые языковые средства участвуют в реализации коммуникативной функции языка.

Анализ языкового материала, выполненный коллективом сборника, представляет несомненный теоретический интерес, а также имеет выход в практику преподавания иностранных языков и теории перевода.

Содержание

Анисимова Е.Е. О коммуникативно-прагматических нормах текста и некоторых аспектах их изучения...	4
Банкав А.Я. Функционирование испанизмов в латышском языке.....	9
Бригэна И.Я. Стилистическая функция диалектной лексики в современном немецком языке (на материале нижнегерманского).....	14
Брускова Н.В. Асимметрия оппозиции категории ретроспекции и проспекции.....	19
Вейсбергс А.Г. Некоторые проблемы перевода окказионально использованных фразеологических единиц (на материале перевода с английского на латышский)	25
Вольперт Р.Х. Лингвистическая основа подтекста.....	32
Геринг А.А., Глазникс В.А. О статусе презенса в датском и немецком языках.....	40
Дорошенко Е.В. Соотношение синонимии, полисемии и омонимии как лингвистических общесемиотических явлений	51
Краже С.Г. Текстовая импликация и разные планы повествования	57
Лейтмане М.Б. Модальное значение настоятельности в семантической структуре высказывания.....	61
Лихтерова Б.Л. Синтаксический статус и стилистическая значимость парцеллятов в художественном тексте	71
Новикова Л.А. Модальность в художественном тексте...	78
Озолинь О.Л. Семантика и функция атрибутивных сочетаний с предлогом "A" в современном французском языке.....	86
Олдырева Л.П. Риторический идеал языковой формы в истории нормирования английской речи (на материале "Философии риторики" Дж.Камбела).....	92
Павидис С.Д. О рефлексах кратких слогообразующих в германских и балтийских языках.....	102

Смиттена М.Э. Вопросительные предложения в структуре поэтического текста	108
Узия Б.Э. Некоторые аспекты генезиса и функционирования междотраслевой терминологии.....	120
Хванская Л.В. Семантико-стилистические особенности функционирования субъективных местоимений в тексте	124
Щерба Г.М. , Боголюбова Л.И. О некоторых функциональных маркерах речевой импликации.....	131

СИСТЕМНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ЯЗЫКА

Сборник научных трудов

- Рецензенты: Е. Айзбалте, зав. каф. ин.-х языков РПИ им. А. Пельше, канд. филол. наук;
Б. Кеде, зав. каф. ин.-х языков Государственной академии художеств ЛатвССР им. Т. Залькална, канд. филол. наук;
А. Новиков, зав. каф. общ. языкознания Университета дружбы народов им. П. Лумумбы, доктор филол. наук.

Редакторы: Б. Лихтерова, Р. Павлова
Технический редактор С. Лининя
Корректор И. Балодэ

Подписано к печати 8.12.87 ЯТ 09427 ф/б 60x84/16.
Бумага №1. 9,8 физ. печ. л. 8,6 усл. печ. л. 6,9 уч.-изд. л.
Тираж 300 экз. Зак. № 1614 Цена 1 р. 10 к.

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
226098 Рига, б. Райниса, 19
Отпечатано в типографии, 226050 Рига, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П. Стучки

443508

508

88

88

A-88
4

1 p. 10 к. 2001

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509047397